

ВИКТОР ЗАЯРСКИЙ

**ВО ИМЯ ОТЦА
И СЫНА**

Виктор Заярский
Во имя отца и сына

«СУПЕР Издательство»

2019

Заярский В.

Во имя отца и сына / В. Заярский — «СУПЕР Издательство»,
2019

ISBN 978-5-907087-40-8

Наследуя традиции М.А. Шолохова, новороссийский писатель Виктор Заярский обратился к изображению, своём романе «Во имя отца и сына», трагического периода истории – революции и гражданской войны. В нём главные герои – отец, матёрый казацора и его сын, которого разъедает микроб пристрастия к победе мировой революции, расходятся в своём отношении к Советской власти. На этом трагическом раздрае родственных душ и раскрываются их характеры. Роман написан с глубоким знанием жизни, обычаев и языка кубанских казаков. Он проповедует христианские нравственные ценности и драматичен по накалу конфликта. Это произведение проникнуто пафосом искренней любви к родной кубанской земле и повествует о кровавой междоусобной розни, но оставляет читателю надежду на то, что живая жизнь всё равно сильнее взаимного ожесточения близких людей, вызванного Виктор Заярский расколом общества на красных и белых. Книга публикуется в авторской орфографии и пунктуации.

ISBN 978-5-907087-40-8

© Заярский В., 2019

© СУПЕР Издательство, 2019

Содержание

Потребность к состраданию. Поиск основ национального бытия в творчестве В. Н. Заярского[1]	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	53
Глава 9	57
Глава 10	61
Глава 11	64
Глава 12	70
Глава 13	71
Глава 14	78
Глава 15	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Виктор Заярский

Во имя отца и сына

Посвящаю своей покойной жене Заярской Татьяне Андреевне, потомственной кубанской казачке, с которой, благодаря Господу Богу, счастливо прожил 60 лет.

Потребность к состраданию. Поиск основ национального бытия в творчестве В. Н. Заярского¹

*Не бывает правды, исключаящей добро.
Только доброта и сострадание к ближнему спасут этот безумный мир.
«За веру, Кубань и Отечество»*

Среди многих других новороссийских писателей оригинальностью тематики выделяется член Союза литераторов Российской Федерации Виктор Никитович Заярский. Своё творчество он посвятил судьбе родной для него Кубани, устоев жизни казачества, а так же воплощению мечты о дальних морских странствиях. При этом многие его произведения обращены, прежде всего, к подрастающему поколению, которое, по мысли автора, обязано сохранить нравственные традиции, сложившиеся на протяжении суровой и героической истории нашего Отечества. Предельная искренность, неприятие фальшивых лозунгов и обмана со стороны власть предержащих, вера в духовные силы народа – характерные черты художественного мировоззрения Виктора Заярского.

Родился Виктор Никитович Заярский 12 декабря 1936 года на Кубани, в хуторе Верёвкин, Тбилисского района.

Его дед, Заярский Дмитрий Григорьевич, Черниговский казак, в 1913 году, вместе с четырьмя родными братьями переселился на Кубань в поисках счастья, да так, здесь все и сгинули во время кровавой смуты в 1917 году.

Детство Виктора Заярского было трудным. Маленьким ребёнком он стал свидетелем страшных событий Великой отечественной войны в 1941–1945 годах, пережил фашистскую оккупацию. Мать получила с фронта похоронку на отца и повторно вышла замуж. С отчимом, человеком неуравновешенным и пьющим у Виктора отношения не заладились. Становление его характера пришлось на полуголодные послевоенные годы. К сталинскому режиму, несмотря на юный возраст, он испытывал непримиримую ненависть, поскольку был свидетелем жесточайших репрессий, когда ни в чём не повинных хуторян – казаков отправляли в Сибирь за опрометчивое слово, сказанное против тогдашней советской власти.

1961 году Виктор Заярский успешно окончил Одесское высшее инженерное морское училище и получил диплом инженера – механика. До выхода на пенсию работал механиком на танкерах заграничного плавания в Новороссийском морском пароходстве. За время работы посетил очень многие порты мира.

Всё это постепенно находило воплощение в прозаических произведениях, в которых романтическая приподнятость повествования сочетается с добротным реализмом в изображении будней штормовой морской профессии. В такой стилистической манере написаны много-

¹ У настоящего писателя должна быть внутренняя потребность к состраданию. Самообольщение и потеря самокритики – это смерть для любой творческой личности.

численные рассказы, которые публиковались в Москве, в журналах «Морской флот», «Юный натуралист», «Вокруг света». Впоследствии многие из этих морских рассказов составили детскую книжку «Первая вахта», которая вышла в Краснодарском книжном издательстве в 1982 году.

Под влиянием приключенческих книг очень рано в душе у Виктора Заярского родилась мечта о море, и в 1953 году он убежал из дома и вместе с приятелем оказался в Новороссийске. Это событие в дальнейшем и послужило ему материалом для издания, отдельного сборника, в Краснодарском книжном издательстве, в 1990 году, в который вошли две повести «Время покажет» и «Голубые мечты». Обе эти повести объединены темой нравственного выбора, поставленного перед молодым поколением эпохой 50–60 годов.

Повесть «Время покажет» написана на реальном материале. Отличается продуманной композицией и тонким пониманием подростковой психологии. Она воссоздаёт образ разрушенного войной Новороссийска и показывает такие черты русского национального характера, как сплочённость в беде, умение преодолевать невзгоды и способность прощать врагам своим.

Вторая повесть – «Голубые мечты» – рассказывает о воспитании характера юноши – моряка и обретении им места в жизни. К лучшим страницам повести относятся романтические сны главного героя, в которых он встречается с персонажами любимых книг.

После издания сборника «Время покажет» Виктор Заярский все силы отдал работе над романом «Во имя отца и сына».

Работа над произведениями, посвящёнными казачеству, свела Виктора Заярского с видными кубанскими писателями – казаками П.К.Иншаковым и А.Д. Знаменским, которые одобрили его труд, но предупредили его о том, что он взялся за опасную и полузапретную тему. Несмотря на цензурные сложности, повесть Виктора Заярского о кубанских казаках «История одного долгожителя» была опубликована в 1982 году в альманахе «Кубань».

Наследуя традиции М.А. Шолохова, новороссийский писатель Виктор Заярский обратился к изображению, своём романе «Во имя отца и сына», трагического периода истории – революции и гражданской войны. В нём главные герои – отец, матёрый казацюр и его сын, которого разъедает микроб пристрастия к победе мировой революции, расходятся в своём отношении к Советской власти. На этом трагическом раздразе родственных душ и раскрываются их характеры. Роман написан с глубоким знанием жизни, обычаев и языка кубанских казаков. Он проповедует христианские нравственные ценности и драматичен по накалу конфликта. Это произведение проникнуто пафосом искренней любви к родной кубанской земле и повествует о кровавой междоусобной розни, но оставляет читателю надежду на то, что живая жизнь всё равно сильнее взаимного ожесточения близких людей, вызванного расколом общества на красных и белых.

В.Б. Пахомов, член Российского союза профессиональных литераторов. Заслуженный учитель России. Председатель Краснодарской краевой организации РСПЛ.

Глава 1

Не судите, да не судимы будете.
Матф. 7:1

Два гололобых безымянных кургана, которые рядом друг с другом, как близнецы братья, с незапамятных времен по стариковски присели к земле, но все еще возвышались в необозримой кубанской степи за станицей Кавнарской, с восточной ее стороны. Неумолимое время напрочь стерло и выветрило из памяти потомков предание о бесследно ушедшей старине. Никто из станичников ни сном ни духом не знал, откуда взялись эти загадочные гололобые курганы и кто под ними покоится. С наступлением взволнованной весны, когда кубанская степь покрывалась жирующей зеленью травы, и до самой глубокой, унылой от увядания осени на макушке каждого из этих курганов с раннего утра и до позднего вечера сидели гордые степные орлы с рыжеватым отливом перьев. Время от времени они с особой тщательностью чистили свои перья острыми крючковатыми клювами и в то же время настороженно обозревали все вокруг, зорко высматривая в степи среди буйной травы зазевавшуюся добычу.

Майским прохладным утром в 1916 году из-за этих гололобых курганов за станицей Кавнарской показалась лавина лихих всадников в черных бурках и при полном боевом снаряжении. Своим неожиданным появлением они потревожили и вспугнули степных орлов, которые взмыли с насиженного места в небо и парили над просторной степью, с особым любопытством рассматривая неожиданных и подозрительных гостей. Как оказалось впоследствии, это был изрядно поредевший Кавнарский казачий кавалерийский полк Кавказского отдела Кубанской области. Если раньше в его составе находилось четыре сотни казаков, то теперь в нем после участия в русско-турецкой войне осталось всего-навсего сотни две казаков. Почти после двух лет разлуки полк возвращался в свою родную станицу Кавнарскую с Кавказского фронта, где принимал самое активное участие в русско-турецкой войне. Удалые служилые казаки радовались, что вовремя подоспели домой к горячим полевым работам. Они с восторгом наблюдали, как высоко в млеющей и томительно – прозрачной голубизне бездонного неба, со своей заливающей и трогательной душой песней, завис до боли знакомый, серенький хохлатый жаворонок, который будоражил души казаков соскучившихся по родному дому.

Судьба Кавказской войны между Россией и Турцией уже в начале 1916 года была предопределена в пользу России. А в апреле последовал Высочайший указ царя как главнокомандующего всеми Российскими вооруженными силами, в котором говорилось, что Кавнарский кавалерийский полк за особые заслуги перед Отечеством при взятии турецких крепостей Карс, Баязет и порта Трапезунд должен быть снят с боевых позиций и с надлежащими почестями досрочно отправлен домой на заслуженный отдых.

Впереди Кавнарского кавалерийского полка на холеном коне ахалтекинской породы, красавце гнедой масти, с развернутым полковым знаменем в руке гарцевал полный Георгиевский кавалер, бравый тридцативосьмилетний казак Корней Кононович Богацков. На груди у него красовались все четыре Георгиевских креста всех четырех степеней два из которых он отхватил за боевые заслуги во время только что закончившейся компании. Этот служилый казак приподнялся в седле и посмотрел зачарованным взглядом по сторонам. С замиранием сердца заметил он, что у кубанской раздольной степи, куда ни глянь, нет ни конца, ни края, а казачьей широкой и вольнолюбивой душе во все времена был нужен такой простор.

За выгоном, на отшибе, вокруг станицы Кавнарской притулились пугающие своей убогостью подслеповатые хатенки, сляпанные на скорую руку. Их хозяев станичные казаки называли людьми пришлыми. Они бросили свои насиженные места и потянулись на Кубань из голодной средней полосы России в надежде обрести семейное счастье. Этим пришлым людям на Кубани

в соответствии с царским указом земельный надел был не положен. Перебивались они здесь с хлеба на квас, вынуждены были батрачить и довольствоваться случайными заработками и прозябали в беспросветной нищете.

Майский ветерок ласкал трепетный взгляд полного Георгиевского кавалера и гнал от двух гололобых курганов на запад возбужденные волнообразные травяные серебристые валы, и катились они, повинувшись этому шальному ветерку, куда-то за необозримый и призрачный горизонт. Воздух вокруг, пропитанный духмяной смесью разнотравья с горьковатым привкусом белесой полынь-травы, бодрил приморившихся всадников. А когда солнце стало подниматься поближе к зениту, ползучий чабрец, как показалось Корнею Кононовичу, все больше и больше припадал под копытами его коня к кубанской земле, словно изголодавшийся младенец к материнской груди.

Рядом с Корнеем Кононовичем грациозно восседал на своем черном как смоль коне-красавце его кум – командир Кавнарского кавалерийского полка удалой ротмистр Кондратий Акимович Сиротюк. Своего умного, преданного и выносливого коня Кондратий Акимович перед самым уходом на войну с турками присмотрел, выторговал и купил у капризного коннозаводчика в Кабардино-Балкарии и впоследствии нисколько не пожалел, что приобрел его дороговато.

Когда до станицы Кавнарской оставалось рукой подать, вдруг словно гром среди ясного неба грянул полковой оркестр, который по такому торжественному случаю состоял из медных труб, начищенных до умопомрачительного блеска. И тут же удалая песня вырвалась из луженых казачьих глоток и, заглушая в вышине сладостные песни жаворонков, разлилась над кубанской обворожительной степью.

Скакал казак через долину,
Через кавказские края,
Скакал он садиком зеленым,
Кольцо блестело на руке.

Кольцо казачка подарила,
Как уходил казак в поход,
Она дарила, говорила:
"Твоя я буду через год".

Вот год прошел. Казак стрелою
В село родное поскакал,
Навстречу шла ему старушка,
Шутливо речи говоря:

"Напрасно ты, казак, стремишься,
Напрасно мучаешь коня,
Тебе казачка изменила,
Другому сердце отдала".

Казак колечко золотое
В реку бурливую бросал.
Он повернул коня налево
И в чисто поле поскакал.

Эта залихватская, все оглушающая вокруг казачья песня взбудоражила и переполошила всех жителей в станице Кавнарской, которые привыкли к ежедневной тихой, спокойной и размеренной жизни.

Поэтому и стар и млад в растерянности высыпали на станичные улицы, чтобы поглазеть на приближающуюся лавину казаков. Вскоре кое-кто из растерявшихся встречающих все-таки догадался, что это свои же родные станичные казаки. И все, спотыкаясь, побежали наперегонки за выгон в сторону гололобых курганов, откуда неслась удалая, но щемяще-грустная песня. Впереди всех бежали резвые и неутомимые казачата. Никому из взрослых их было не перегнать. Наконец уже ни у кого из встречающих не осталось сомнений, что лавина всадников – это не кто иные, как свои долгожданные станичные казаки, которые возвращались домой из очередного военного похода.

Каждая молодая нетерпеливая казачка, подобрав выше колен подол своей длинной цветастой юбки, бежала без остановки навстречу приближавшимся казакам. А те из казачек, которые были постарше, запыхавшись от непривычного бега, приостановились, чтобы перевести сбившееся дыхание и получше разглядеть лица лихих всадников. Тогда они поспешно представляли ребро ладони к своим дугообразным черным насурьмленным бровям, чтобы солнце не застило глаза, и напряженно рассматривали лавину лихих всадников, пытаясь среди них обнаружить своих долгожданных мужей или признать знакомых. Взволнованному ликованию у всех встречающих не было предела. И слез радости было тоже сполна. Всех молодых и пожилых казачек переполняла гордость за то, что не оплошали их доблестные казаки-станичники и теперь с заслуженной победой возвращались домой. Из газеты, которая издавалась на Кубани в Екатеринодаре, они уже знали, что при взятии вражеских турецких крепостей Карс, Баязет и порта Трапезунд Кавнарский кавалерийский полк приумножил боевую кубанскую казачью славу и был особо и заслуженно отмечен самим царем-батюшкой как Верховным главнокомандующим.

Встречающие пожилые казаки-станичники по усталым лицам воинов-казаков определили и почувствовали, что все они рвались поскорее добраться домой, и в дороге им было явно не до сна. Но несмотря на смертельную усталость, каждый из них изредка посматривал на свою тощенькую походную суму, притороченную сбоку, и выглядел вполне молодецкато.

После долгой разлуки при сдержанном разговоре со встречающими земляками-станичниками тоска по родным и близким сделала этих служилых казаков сухими и замкнутыми. На их обветренных, не в меру посуровевших лицах застыл отпечаток грусти, и какая-то странная отчужденность сквозила в их суровых взглядах. Чувствовалось, что эти с виду одичавшие, с огрубевшими лицами кубанские казаки не один раз безбоязненно смотрели смерти в глаза и отвыкли от человеческой ласки.

Истосковались они на чужбине по родной кубанской стороншке, да так, что многим казакам, закаленным в жестоких боях, удержать слезы радости стало просто не вмоготу.

После возвращения с турецкого фронта, как только ввалился служилый казак Корней Кононович Богацков в свою хату, сразу же развязал на столе свою тощенькую походную суму и с особым шиком преподнес своей Богом данной жене Ефросинье Платоновне ослепительный цветастый кашемировый полушалок. А своего единственного сына Петра, не по годам повзрослевшего за время его вынужденной отлучки, тоже вниманием не обидел и побаловал гостинцем. Тут же Корней Кононович достал из своей походной сумы и, с подчеркнутой щедростью, накинул сыну на плечи отменный бешмет из тонкого черного сукна. Потом он придирчиво, осмотрел свое чадо со всех сторон и следом протянул ему на радость еще и пару армянских черных хромовых, лоснящихся сапог, со скрипом на ходу, тех, что были в то время большой редкостью и к тому же очень модными.

Не забыл Корней Кононович и наказал своему еще ветренному сыну:

– Носи, сынок, свои обновины и помни, што оны мне кровью достались. Со временем ума набирайся и впредь миня, отца своего, не подкачай.

Остальные более скромные трофейные пожитки Георгиевский кавалер вытряхнул из походной сумы и разложил на сундуке, чтобы выбирал каждый его семьянин по своему вкусу. Петро Корнеевич в тот памятный день долго и неотрывно любовался своими подарками.

Корнею Кононовичу показалось, что совсем недавно его сын пешком под стол ходил, а теперь вон как выдурился и уже, видно, во всю парубкует, гарцует по станице и непременно молодым казачкам вовсю головы кружит. В душе сожалел Георгиевский кавалер, что за частыми и долгими военными походами так и не удалось ему свою семью, как многие порядочные казаки, должным образом приумножить.

Петро от отцовских подарков даже обомлел и растерялся. Такое ему и не снилось. Недолго думая он тут же загорелся желанием примерить обновины и показаться в станице.

Душу его распирало от неопишуемого сладкого счастья. Второпях, но придирчиво разглядывал он свой отменный бешмет и, не веря глазам своим, то и дело ощупывал его, стараясь определить фасон и качество басурманского сукна. Потом снимал, но тут же снова надевал желанный бешмет и крутился перед осколком зеркала, придирчиво рассматривая себя. При этом Петро успевал искоса поглядывать на отца и его награды. И гордостью переполнялось сердце молодого казака.

– Носи, Петро, носи, сынок и вспоминай добрым словом своо отца! – подбадрил сына Корней Кононович и, с присущей ему грубой строгостью, подзадорил: – Мне сомнение береть, можить, Петро, понаравится мой гостинец, а можить и нет, шут его знаить. Но запомни, сынок, что дареному коню у нас, у казаков, в зубы не глидять. Дорожи и блюди кровью моей добытые тебе обновины.

Глава 2

Встречу своих доблестных казаков, возвратившихся с кавказского фронта, станичники решили организовать достойно и с почестями. На следующий день праздник в станице Кавнарской устроили с большим размахом. В этот праздничный день кубанская казачья щедрость так и выпирала через край. Дым на станичной площади, как вспоминали потом сами станичники, стоял коромыслом, и жареного и пареного хватило на всех приглашенных сполна и даже с лихвой. Расчетливой скупостью здесь и не пахло, а хлебосольное казачье гостеприимство и радость светились на лицах проворных казачек. Они не ради показухи постарались достойно накрыть столы. Каждый из кожи лез для того, чтобы угодить возвратившимся героям.

При этом встречающие считали, что чем они богаты, тому должны быть и рады долгожданные и дорогие гостечки, которых уже заждались.

Наспех сколоченные столы из неотесанных досок, установленные на станичной просторной площади, были накрыты по такому случаю цветастыми домотканными скатертями, а сверху для каждого гостя лежали расшитые рушники для утирки. К обеду столы уже ломились от всякого рода съестного и спиртного. У любителей выпить и хорошо закусить глаза разбегались.

Один из бойких, недавно возвратившихся с турецкого фронта казаков по поводу накрытых столов не преминул во всеуслышание заметить и откровенно пошутить:

– Господа казаки, вот глядя я на все эти яства на столах, и глаза мои дюжить завидушские хотять насытиться, и слюня должно быть скоро потечет чрез губу. В таком случае глазам моим становится стыдно за мою жадность к еде и кубанской водочке, а душа, преставьте, дюже радуется, што она скоро разгуляется и побалуется домашними харчами вдоволь! Отвык я от такой еды.

Другой, сидевший рядом с ним более осмотрительный казак, тут же его предостерег, заметив:

– У кажного из нас душа прежде всиво должна меру знать! Иначе можно так хватануть лишку водочки, што тут жа скопытишьси и под столом, как пить дать, невидя, очутишьси!

Третий служилый казак, тоже любитель и выпить и пошутить, не утерпел, привстал из-за стола и поторопил всех присутствующих по поводу начала застолья:

– Господа казаки, штойся в горли дырынчить, мабуть треба горло хучь трохи промочить, чи шо?

По всему чувствовалось, что гостеприимные станичники явно не поскупились по такому торжественному случаю. Их казачья щедрость не знала границ и вызывала восхищение у долгожданных гостей, которые соскучились по домашней пище.

На радостях от всей души раскошелились хлебосольные станичники и на славу закатили пир, как они говорили, на весь мир. Тем самым доказали, что все станичные казаки, без всякого сомнения, умеют и сеять, и пахать, и выпить, и закусить.

Даже единственный в станице успешный, но не в меру скуповатый, богач Степан Андреевич Кривохижа, который имел и держал в станице два магазина и два амбара под зерно и тот, хотя и с большим трудом, но, как от своего сердца, вместе с мясом, оторвал, и целый ящик водки – монополки пожаловал на развеселую компанию по такому торжественному случаю. Сам Степан Андреевич даже на действительной службе никогда не служил, поэтому пороху не нюхал. С молодости этот казак был избалован своим отцом, который в нем души не чаял и до призыва на службу заставлял его прикидываться хворым. Со временем этот заботливый батюшка, понятным образом, выправил своему отпрыску такую бумагу, что его сынок к строевой службе оказался совсем негодный. Вот так Степан Андреевич, благодаря своему покойному отцу, сумел отбояриться от службы.

Приглашенные станичные казаки, сидя за праздничным столом, до безобразия хорохорились друг перед другом. И рады были тому, что подвернулся подходящий случай, чтобы выпить за своих односельчан, достойных героев, которые после головокружительной победы над турецкими басурманами вернулись домой целыми, а некоторые даже абсолютно невредимыми.

На этот раз хлебосольные станичные казачки, которые прислуживали так расщедрились, как они умели и привыкли делать своё дело. С присущей им сноровкой, они из кожи лезли и, с большим казачьим размахом, старались угодить каждому долгожданному гостёчку.

Казаки-победители то и дело поднимали свои стаканы с водкой и предлагали выпить за всех своих гостеприимных станичников. То есть те и другие отвечали друг другу взаимностью.

Одни пили монопольную казённую водочку, а другие больше предпочитали привычную и добротную домашнюю самогонку.

Слабоватых казаков выпивка быстро разморила и, в конец, развезла до неузнаваемости. Другие казаки более стойкие достойно держались на своих ногах, и казалось, что у таких даже проблесков от выпитого спиртного не было замечено ни в одном глазу.

На все лады изошрялась то визгливая, то басовитая гармошка. В захлеб заливались в руках искусных дударей игривые и разноголосые дудочки, которых поддерживали старательные балалаечники. Чубатый барабанщик, с серьёзным видом на лице, отбивал свою чёткую дробь в такт увлечённым танцорам.

Заядлые плясуны-жизнелюбы взвились и лихо пошли по кругу, выделявая друг перед другом замысловатые коленца. Они отличались тем, что своею удалью заражали взгрустнувших за столами. Все казаки, сидевшие за столами в полном здравии, напротив, подзадоривали плясунов своим лихим свистом, гиканьем и горячими аплодисментами. Женщины визжали от восторга, а некоторые из них, подхватились с места, и, боясь не отстать от мужчин и не уступить им, кинулись тоже в пляс.

Во время всеобщего застолья на станичной площади присутствовал один из приглашенных – Сазонов Артем Силантьевич, заслуженный и всеми в станице уважаемый казак преклонных лет. Этот старый казак, по случаю такого праздника, принарядился так, как и положено. На груди у него, не без гордости, красовались два георгиевских креста. Без него праздник никак не мог обойтись. Он тоже участвовал в другой русско-турецкой войне, которая случилась гораздо раньше, а именно в 1877–1878 годах.

Глядя на танцоров Артем Силантьевич тоже не удержался и подхватился с места, но жена его вовремя одернула за руку и напомнила:

– Ты уже давно, мой милый, свое оттанцевал! Сиди и не рыпайси, тожить плясун нашелси. Ишь ты раздухарилси, и свои цветастаи перья так распустил, как тот павлин, аж жуть миня береть.

Возбужденные глаза у Артема Силантьевича еще долго не могли остыть от восхищения. Он сразу облюбовал себе удобное место и поторопился усесться за столом, на массивной деревянной скамейке, по левую руку от Корнея Кононовича Богацкова, которого, по давно укоренившейся станичной кличке частенько называли просто – Корень. Этот бравый казак недавно, вместе с Кавнарским кавнарским кавалерийским полком, возвратился в свою родную станицу с турецкого фронта, полным Георгиевским кавалером.

Свою молоджавую жену Агафью Антоновну, которая была лет на двадцать помоложе Артема Силантьевича, он усадил по правую руку от себя.

Корней Кононович Богацков, после окончания войны с турками возвратился в свою родную станицу Кавнарскую, на удивление одним и на зависть другим станичникам, полным Георгиевским кавалером. Слава Богу, пришел домой на радость родным и близким здоровым и невредимым, не считая нескольких плевых сабельных шрамов на правом плече. Перед станичниками предстал этот безумно везучий тридцативосьмилетний красавец-казак во всем каза-

чем умопомрачительном военном великолепии. И получилось так, что одним на зависть, а другим – на загляденье, потому что переплюнул он и превзошел по наградам некоторых станичных казаков-неудачников. Такие награды кое-кому в станице и не снились и вызывали у обделенных наградами казаков потаенную зависть.

В то время головокружительную удачу Корнея Кононовича на Кавказском фронте каждый станичник воспринимал по-своему. Одни смотрели на него с ревностью и нескрываемой завистью, другие с удивлением, что такой везучий оказался их станичный казак, который, считай, всего за каких-то два года войны сумел отхватить сразу еще два Георгиевских креста всех четырех степеней. Но явно равнодушных казаков не было. Зато разных слухов было предостаточно – и хороших, и плохих. В станице Кавнарской этот из ряда вон выходящий случай считался исключением, поэтому вызывал в большинстве своем неподдельное восхищение. Таких быстро преуспевших казаков, как Корней Кононович Богацков, в станице Кавнарской еще не было со дня ее основания.

Артем Силантьевич, после того, как жена перебила ему аппетит с танцами некоторое время сидел молча, но вскоре с нескрываемым любопытством окинул с ног до головы восхищенным взглядом рядом сидевшего полного Георгиевского кавалера Корнея Кононовича и сразу завел с ним непринужденный разговор.

– Вот глядя я на твои награды и думаю, што теперича, ты можешь смело любому нашему казаку можешь смело нос утереть, – с особой гордостью сказал Артем Силантьевич и тут же поспешил добавить, – Скоро, Корень, тебе денег привалит за твои царские награды столько, что и куры клевать не будут!

Корней Кононович счел неприличным отмахиваться от обескураживающей заинтересованности Артема Силантьевича и постарался перевести разговор в шутку:

– Слепой сказал – побачим. Цыплят, говорят, што по осени буду считать!

Но Артем Силантьевич не отставал и поспешил спросить:

– А куды ты, Корень, теперича будишь девать такие большия деньжищы?

Корней Кононович пожал плечами, развел руками и, как само собой разумеющееся, с удивлением ответил:

– Загадывать, я считаю, что грешно, но пусть Господь наш миня простить. Постараюсь по уму тратить, зря транжирить не буду! Сперва дом построю такой, штоба он был не хуже, чем у наших станишных богачей-толстосумов. Куплю хороший инвентарь для работы в поле. А ежели трохи денег будить оставаться, то нищым и калекам, што возли нашей церкви сидять с протянутой рукой. В чулок, избави мене бог, складывать не собираюсь.

Артем Силантьевич сразу оживился и глаза у него опять загорелись добрым, восхищенным светом. Ему приятно и лестно было услышать такой ответ.

– Это ты, казак, по-нашему мыслишь и правильно рассуждаишь! – сдержанно одобрил он намерение Корнея Кононовича, хотя заранее знал, что по-другому этот полный Георгиевский кавалер поступить и не мог.

При взгляде на Корнея Кононовича со стороны первое впечатление он производил как человек спокойный, вполне рассудительный и довольно внимательный. Хотя первое впечатление, как говорили станичники, всегда обманчивое. Этот казак на самом деле был в жизни грубый, вспыльчивый и несдержанный. Если случай сводил Корнея Кононовича с мягкотелым и сюсюкающим собеседником, то он его сразу же грубо обрывал и говорил, что смерть не любит телячьих нежностей. Станичники особо подчеркивали, что характером он весь пошел в своего покойного деда.

Покойный дед Корнея Кононовича, Тарас Григорьевич Богацков, бывший уроженец станицы Кавнарской, поговаривали, тоже был не подарок.

Когда Тарас Григорьевич служил хорунжим в лейб-гвардии 1-й кубанской сотне Собственного Его Императорского Величества конвоя, царь до неузнаваемости разбаловал его сво-

ими безмерными поблажками. Возвратившись на побывку домой, в станицу, Тарас Григорьевич сатанел от гордости и по пьяной лавочке становился весьма буйным и не управляемым, терял контроль над своими действиями и вытворял такое, что не приведи Господи. Бог его силой не обидел. Бывало возьмет оглоблю в свои ручищи и замахнется ею, то подходить к нему поближе, чтобы разоружить, никто не рисковал. Был этот избранный любимец царя гроза и гордость не только в станице Кавнарской, но и в соседних станицах его знали, как облупленного.

В такой момент, если ему попадались под горячую руку те его негодные казаки – одноклассники, с которыми он парубковал в свое время и частенько конфликтовал в беззаботной молодости, которых и теперь не долюбивал, по старой памяти, потому, что они приходились ему не по нутру и относился он к таким с нескрываемой неприязнью. При встрече с ними устраивал им такую несусветную бучу, что только держись. Всем им становилось и тошно и горько и места мало. Разбегались они с перепугу, как мыши в шуршу. Каждый из них бежал туда куда попало, не зная куда себя деть, и где найти ближайшее надежное убежище (укрытие), для того, чтобы, как можно подальше, держаться от буяна. На следующий день приходилось страдальцам волей или неволей, а идти к бабке Чижихи на поклон, чтобы она молитвой от испуга избавила. После этого они еще долго помнили эту встречу. Всё-таки нечасто бывает подобное...

В станице давно и не зря поговаривали, что у Богацковых вся порода такая бусорноватая.

Артем Силантьевич ерзал на лавке возле своего стола. Ему не терпелось показать всем казакам, приглашенным к столу, что он тоже не лыком шит. После второй выпитой чарки долгожитель немного захмелел. Важничая, он расправил у себя на груди свои кровные два Георгиевских креста – четвертой и третьей степени и протер сухоньким кулачком слезящиеся и глубоко ввалившиеся от старости глаза. Старый казак, растроганный до слез праздничным присутствием собравшихся станичников, закашлялся от волнения. Не без умиления и гордости с почтительным восхищением посмотрел он на Корнея Кононовича, как на удачливого земляка-станичника и прошамкал беззубым ртом:

– Господа казаки, я хочу вам сказать, что у настоящего кубанского казака, такого, как наш станишник Корень, всегда только так и должно быть – или грудь в крестах, или голова в кустах.

Смутившийся Корней Кононович привстал с места, поднял голову и осмотрел присутствующих. Не спеша он расправил свои могучие плечи и только потом с достоинством раскланялся на все четыре стороны.

Артем Силантьевич еще больше оживился и, боясь упустить подходящий момент, чтобы высказать основное, продолжил свою мысль и особо подчеркнул:

– Другой участи Георгиевским кавалерам, к примеру, таким казакам, как я и наш станишник Корень, не дано!

Чувствовалось, что старый казак действовал по принципу, что если сам себя не похвалишь, то будешь сидеть за столом, как оплеванный.

Находясь в хорошем подпитии, Артём Силантьевич, восторженно и с восхищением, глядя на награды Корнея Кононовича, уже дрожащим голосочком, кричал:

– Мы, кубанские казаки, народ служилый и храбрости нам не занимать. Воевать с нехристями, так воевать. У нас, казаков, только такая закваска в душе водится. Другой у казака и быть не должно. – Так выпьем же, господа казаки, за веру нашу христианскую, за царя-батюшку и за Отечество. – При этом Артём Силантьевич опорожнил свою порцию водки, понюхал ломтик хлеба и лихо приударил дном опустошенного стакана о деревянную крышку стола.

Его не на шутку обеспокоенная жена, глядя на мужа, который не в меру расхрабрился, ужаснулась:

– Ты мой, дорогой, прежде, чем заглядывать в свою очередную безразмерную посуду с водочкой, лучше почаще заглядывай в свои метрики и читай их внимательно. Я тебе об

этом уже не один раз повторяю. Они у тебе, к стати, в прискринке, в сундуке лежать. Вот тады, прежде чем прикладываться к стакану, будишь помнить, а сколько ж тебе годочков уже стукнуло!

Артем Силантьевич, не обращая должного внимания на тревожные предупреждения жены, панибратски похлопал полного Георгиевского кавалера Корнея Кононовича Богацкова по плечу за то, что тот оказался не чета некоторым станичным казакам, которых судьба явно обошла стороной, и возвратились они домой, обделенные царскими наградами. Артему Силантьевичу, как старшему по возрасту среди собравшихся станичных казаков, такая фамильярность не возбранялась.

Когда дело дошло до третьей чарки, Корней Кононович вдруг поднялся со своего места и предложил:

– Господа казаки, теперича давайте выпьем за процветание нашего кубанского казачества. – Тут он немного подумал и поскреб пятернею лоб. И только потом погрузневшим, озабоченным голосом прибавил: – Боюсь, господа казаки, чтобы мы с вами для наших потомков годов этак через сотню не оказались, как те известные нам два облысевших кургана, что придулились за выгоном к нашей станице Кавнарской, Как видится, што теперича оны, эти безродные и всеми забытые курганы, за многия годы поросли дремучим былъем.

На последнем слове Корней Кононович вдруг прервал свою печальную речь. Ему обидно стало за беспамятство станичников, поэтому он вопросительно посмотрел на рядом сидевшего Артема Силантьевича и с хитрецей на лице, как бы между прочим, его спросил:

– Хочу у Артема Силантьевича, нашего многоуважаемого казака, поинтересоваться насчет происхождения курганов. Он у нас усе знать!

Растерянный и сконфуженный Артем Силантьевич с недоумением пожал плечами, подскочил с места и замахал на Корнея Кононовича руками.

– Нет, Корень, ты мне хучь убей, но я ничегошеньки об етих курганах не знаю и брехать не буду, – ответил он сдержанно и с явным сожалением.

Корней Кононович сделал удивленное лицо и сел на свое место.

Чуть погодя Артем Силантьевич, воодушевляясь, продолжал:

– А вот что касаемо запорожских казаков, откуда я имею честь происходить, и многия из вас тожить самое. Поетому могу вам с твердой уверенностью сообщить, што Российский царь Алексей Михайлович в 1775 годе насильственно многих наших предков, казаков из Запорожской Сечи, что находилась на острове Хортица посередки реки Днепра, узял и гамузом переселил сюды, на вольныя кубанския земли. Етот хвакт я доподлинно знаю, и к бабке ходить мне нетути никакой надобности. Вот так мои, а можить, и ваши тожить далекия родичи, здеся очутились.

Все собравшиеся за столом, где сидел Артем Силантьевич, как только услышали такое, даже открыли рты от удивления. А он как ни в чем не бывало с новой силой в голосе продолжал сыпать знаниями событий старины.

Какой-то казак из собравшихся поспешил беззлобно заметить:

– Ну, Артем Силантьевич раз присел на свово любимого коня, то теперича, казаки, тольки держитися!

– К придмеру, – воодушевляясь, продолжал Артем Силантьевич, – что по моему родовому преданию, которое передавалось из поколения в поколение, от деда к отцу. Вопче-то могу, к придмеру, похвастаться, что мой прапрапрадед по материнской линии был писарем у самого кошевого атамана Сирка Ивана Дмитриевича на Запорожской Сечи. Вот тогда-то он собственноручно под диктовку хорошенько подвыпивших задиристых запорожских казаков по ихнему науськиванию написал турецкому салтану Мехмету четвертому известное всем запорожским казакам заковыристое письмецо.

Казачки, которые сидели рядом с Артемом Силантьевичем за общим столом, притихли. Некоторым из них не хотелось сказанное принимать за правду. Неверующие, стараясь скрыть свое закравшееся сомнение, замотали головами. Другие, наоборот, диву давались, что Артем Силантьевич так досконально знал про жительство-бытие в Запорожской Сечи, как будто там сам присутствовал.

Многие благодарные слушатели, сбитые с толку, терялись в догадках, где этот старый казак, заядлый и увлекательный рассказчик, охваченный воспоминаниями, который находился во время рассказа явно в азартном ударе, говорил правду, а где сумел так искусно и неуловимо приврать.

Тут как тут объявились ревнивые блюстители правды и любители ущучить во вранье зарвавшегося рассказчика. Во время рассказа они наострили ушки и стали держать их на макушке и придирчиво следить за каждым словом, сказанным рассказчиком.

Вот поэтому некоторые из них, самые въедливо-дотошные и грамотные станичные казаки, которые с большим вниманием слушали Артема Силантьевича, но не привыкшие принимать сказанное кем бы то ни было на веру, усомнились в исторической достоверности многих его фактов. Они показались им уж слишком подозрительными.

Эти казаки постарались найти подходящий случай, чтобы в дальнейшем проверить услышанное от Артема Силантьевича.

Чего греха таить, у таких ушлых слушателей был прежде всего большой соблазн докопаться до правды, и не терпелось им установить истину сложнейших исторических фактов, которые преподнес им старый казак. Только таким образом они могли уличить его во лжи. Хотя в станице Кавнарской издавна считали, что какой же он тогда будет казак, если, хотя бы самую малость, для своего красного словца во время рассказа, не возьмёт и не приврёт.

Однако, в случае неподтверждения фактов, приведенных запальчивым рассказчиком, несмотря на его почтенный возраст, неверующие собирались стебануть его по глазам, чтобы неповадно было врать ему впредь. Спустя некоторое время эти дотошные казаки все-таки удусжились и по возможности досконально проверили все, что вызывало у них сомнение в рассказах Артема Силантьевича.

И каково же было их удивление и разочарование, когда все сказанное стариком во многом подтвердилось, и торжествующая правда оказалась на стороне Артема Силантьевича. Больше подкопаться и придрататься им, как оказалось, было абсолютно не к чему. После такого конфуза этим никому не верящим, опростоволосившимся казакам пришлось облизнуться, и, беспомощно разводив руками, они почувствовали себя крайне неловко.

Когда Артем Силантьевич догадался об их бесполезных потугах, искренне посмеялся над ними и спокойным, но издевательски резким голосом сказал в их адрес, что если теща шлюха, то она и невестке не верит.

За праздничным столом казаки и женщины-казачки, потомки запорожских казаков, с большим воодушевлением запели свою любимую украинскую песню:

Розпрягайте, хлопці, коней,
Тай лягайте спочивать,
А я піду в сад зелений,
В сад криниченьку копать.

Маруся раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.
Маруся раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина

В саду ягоди рвала.

Копав, копав криниченьку
У зеленому саду,
Чи не вийде дівчинонька
Рано вранці по воду.

Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.
Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.

Вийшла, вийшла дівчинонька
Рано вранці воду брать,
А за нею козаченько
Вийде коня напувать.

Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.
Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.

Знаю, знаю, дівчинонька,
Чим я тебе огорчив,
Що я вчора из вечора
Кращу дівоньку любив.

Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.
Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.

Вона ростом невеличка,
Ще годами молода,
Руса коса до пояса,
В косі лента голуба.

Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.
Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.

Розпрягайте, хлопці, коней,
Тай лягайте спочивать,
А я піду в сад зелений,
В сад криниченьку копать.

Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.
Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.

Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.
Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дівчина
В саду ягоди рвала.

С превеликим удовольствием поднял каждый казак, сидевший за столом, свою очередную чарку, и, чокаясь друг с другом, все выпили за желанную победу России над турецкими врагами-нехристями. Но прежде чем выпить, перекрестились и поблагодарили Господа Бога за свою удачу. В этот вечер не забыли они выпить и за своего благодетеля – за царя-батюшку. И уже к полуночи, не чокаясь, с горечью выпили за тех казаков-сослуживцев, кому не суждено было возвратиться домой, кто сложил свои буйные головы на чужой стороншке. Не спеша вспоминали их яркие боевые заслуги и поминали навсегда ушедших в мир иной добрым словом и выпитой обязательно до дна чаркой водки.

В этот памятный день горе и радость, выплеснувшиеся наружу, соседствовали друг с другом. В одночасье овдовевшие молодые казачки в душе завидовали женам тех мужей, которые возвратились домой живыми и невредимыми. Они, как только услышали от сослуживцев о смерти своих мужей, в отчаянии рвали волосы на голове и визгливо обголашивали своих невернувшихся мужей.

В разгар празднования, за отдельным небольшим столом, подальше от остальных, разгулявшихся казаков, сидел одинокий станичный казак лет пятидесяти от роду, которого в станице Дмитрием Игнатьевичем Кузьмичевым величали. Пришел он без жены. Видать поссорились. Его казачка, которая хорошо знала строптивый характер своего подвыпившего муженька, поэтому побоялась вместе с ним показываться на празднике. Она предчувствовала, что он может натесаться водочки до чертиков, а затем обязательно выкинет какую – либо свою такую фантазию, что потом она позора не оберется от добрых людей. Рядом с ним пустовало место. Этот стол был заранее предназначен для припозднившихся на гулянку казаков.

Тут откуда не возьмись, появился, завсегда так таких привлекательных гулянок, и, как ни странно, совершенно трезвый Афоня – пролетариат, которого так неуважительно окрестили в станице.

– А почему бы и ему не присесть рядом, – подумал Афоня и и бесцеремонно опустился на скамейку около Дмитрия Игнатьевича, который был явно не в духе.

Пожилые станичные казаки – труженики, которые еще до революции прилепили Афони кличку, что он настоящий пролетариат. Хотя они до конца и не понимали истинное значение и смысл такого заковыристого слова. Поэтому употребляли его всегда с презрением, подразуме-

вая, под этим словом всех бесшабашных лодырей, бездельников и пьяниц, нежелающих трудиться в поле и постоянно жить, как трутни, за счёт других. Пожалуй, никто из собравшихся на гулянке казаков, так и не заметил, или не придал должного значения, когда явный самозванец Афоня, успел затесаться в их порядочную компанию.

Переживания рядом сидевшего казака Афоня воспринял, как свою личную боль. Отнесся он к этому с явным пониманием и сочувствием. Этот пьяница оказался не настолько глуп и черств, чтобы не догадаться, в чем крылась истинная причина расстройства его взгрустнувшего соседа, поэтому решил его успокоить:

– Ты, казак, дюжить не расстраивайся и не бири сабе вголову, и сиводня больше невздумай горевать. Держись за миня, только носом не крути. Уместе мы с тобой, не пропадем! Кстати, у мене жана, Нюрка, тожить, с прибабахами. Она, как змея самая настоящая. Видать, што недалеко от твоей ушла. Поетаму, чиво ради я должен ее с собою кажный раз таскать. Не люблю я Нюрку за ее дюжить вострый язык. Бывало, ежели подвернется мне под руку хорошая компания, то она, зараза, узяла моду и тут жа, так и норовить, проклятущая баба, перебить мне апетит и поломать настроение. За сваю Нюрку я уже узялся, как следовать, и последний раз предупредил, што за такую безобразную поведению живьем ее, курву, под полом сгною и дажить не задумаюся.

В своем устрашающем рассказе, Афоню так понесло по кочкам, что он даже позабыл упомянуть о том, что бессердечная Нюрка частенько его дубасит своею излюбленной деревянной качалкой.

Дмитрий Игнатьевич подозрительно посмотрел на рядом сидевшего грозного хвастунишку и решил поглубже его копнуть и узнать, а чем же он, на самом деле, дышит, поэтому с интересом его спросил:

– Ежели можно, то я тебе, мил человек, задам для начала всиво лишь два каверзных вопроса?

Афоня вызывающе вскинул голову и любезно предложил:

– По мене, хучь десять вопросов задавай, но только не подумай жалеть миня, а то я не люблю коды миня жалеють.

– Лично миня интересует, прежде всиво, што, в случае какой – либо заварушки, ты за кого будешь болеть, за белых или за красных? – спросил Дмитрий Игнатьевич.

Афоня с придыхом хыкнул и не раздумывая выпалил.

– Ды я, за обоих сразу сумею!

– Я, Афоня, такой бузы ишшо с роду, ни разу не слыхал.

– Теперича порадуйся, Димитрий, што, наконец, ты услышал истинную правду, своими собственными ухами, от такого, как я, уважаемого в станице человека. А не от какова-то городского умника прохвесора.

– С тобою, Афоня, мне становится, конечно же, смешно, но более или менее ясно. Задаю последний вопрос на засыпку и на этом свой экзамен закончу. Надеюсь, что ты знаешь Деникина Антона Ивановича и Ленина Владимира Ильича?

– Как не знать, – удивился Афоня, – Об генерале Деникене многому наслышан, а вот про генерала Ленина только крем уха успел пронюхать. Тот и другой достойные люди, но только дерутся, говорят грамотные люди, оны промежду собою, как собаки. А чиво спрашивается скубутся не знаю и знать не хочу.

– С каких его порт Ленин в генералы затесался? – с некоторым возмущением спросил Дмитрий Игнатьевич.

Афоня растеренно посмотрел на него и по глазам его заметил, что ошибочку маленькую допустил, приударил себя кулаком по лбу, и заорал:

– Стоп, Афоня, чужой тебе на язык попался. Што ж ты, мудака, наделал, – и, чуть погодя, добавил, – Ты, Димитрий, извини меня за допущенную ошибочку. В последнее время я балда – болдоу стал, и сам себя не узнаю.

Дмитрий Игнатъевич согласно покачал головой.

– Ты, Афоня, пожалуй, должен твердо знать, когда нужна спешка, – Сказал он и хотел продолжить...

Но суетливый Афоня не дал ему закончить свою мысль и возмущенным голосом пожаловался:

– У мене, в хате, Димитрий, етих дюжить кусучих блох, о которых ты хотел только сейчас мне напомнить, завелось столько, што хучь отбавляй или бросай семью на произвол судьбы и убегай, к такой матери. Эти зловредные насекомые, окончательным образом, мне загрызли до смерти, проклятушие. – В пылу возмущения, за своих многочисленных вшей, которые допели его не меньше, он позабыл вспомнить. – и тут же поспешил предложить, – Давай, наверно, выпьем.

– А не многовато ли будет? – спросил Дмитрий Игнатъевич.

– Мне, Димитрий, штоба ты знал, только водочка на ногах держать и душу согревать.

– Я не знаю, как водочка твою душу греть, но вижу, што она твою голову уже перегрела. Поэтому и буровишь усякую непотребу. А ишло говорил, штоба я за тебе держался. Теперича я вижу, што подвидешь ты миня, Афоня, под монастырь, штоба я там, вместе с нищими, со своею протянутой рукою, просил милостыню. Так што хватить пить, пора и закругляться. – предложил Дмитрий Игнатъевич, хотя увидел, что в бутылке водочки еще многовато осталось. – и подумал, – Поэтому Афоня насчет его предложения будет явно отказываться до тех пор пока, хотя бы одна бутылка, не опустеет.

Афоня, с пьяных глаз, растерялся и явно не заметил, что в первой бутылке еще осталась водка, поэтому попялся за второй бутылкой.

Дмитрий Игнатъевич, с самого начала встречи с Афоней, приметил, что, как только он подошел и присел рядом с ним, и увидел на столе две бурылки с самогоном, закупоренные кукурузными початками, то глаза у него загорелись, как у истощавшего, со впалыми боками, волка, почуявшего дармовую добычу.

Не теряя время зря и долго нераздумывая, нетерпеливый Афоня, сразу попялся за той бутылкой с самогонкой, которая стояла поближе и явно совращала его, как любителя выпить. Совсем не чувствуя себя здесь чужаком и незванным гостем, он по-хозяйски выдернул зубами кукурузную пробку из бутылки и разлил водку по двум глиняным кружкам. Своему соседу, чтобы он не подумал, что Афоня жадный кацап, налил в его кружку до самых краев и, поднимая свою кружку, поторопился предложить:

– Давай, казак, пожалуй, выпьем. Уже пора приспела, а то водка можить прокиснуть али выдохнуться.

– А за што пить будем? – поинтересовался Дмитрий Игнатъевич.

– Как за што? – удивился Афоня и быстро опрокинул в свой, широко открытый рот, содержимое в кружке, и только после того, как благополучно проглотил ее, скаженную, объяснил, – За удачу в этой проклятой жизни, а больше не за что!

– За ето можно. Ну, быть добру, – согласился покладистый Дмитрий Игнатъевич и тоже выпил, но без особого удовольствия.

Афоня, проголодавшийся за день, как только подсел к Дмитрию Игнатъевичу, то сразу пошарил своими жадными глазами по столу, который был завален всякой привлекательной съестной всячиной и облюбовал, стоявшую рядом с ним, большущую глиняную миску. Эта миска оказалась с горою наполненной еще горячими и дымящимися кусками баранины, вперемешку с разваристым картофелем, поэтому глаза у него сильно разгорелись. Наметанным глазом, Афоня приметил для себя, приглянувшийся отборный кусок баранины, который его

очень заинтересовал и прильстил. Сначала он попытался клонуть его вилкой. А когда ему это сделать не удалось, то он схватил со стола ложку, поддел ею снизу свой лакомый кусок, и сразу отправил его, в открытый рот, который был удивительно похож на большущий рот кубанского речного сома. Афоня с жадностью, почти не пережевывая, проглатил эту через – чур горячеватую добычу и чуть не подавился вовремя спешки. Затем он, вдруг, подхватился с места, ухватился обеими руками за живот, согнулся в три погибели и, как резанный, заорал:

– Казак, караул, спасай миня, я чуйствую, што увесь свой жалудак спалил, к такой матери, – и, умоляюще глядя на своего напарника, по несчастью и, взывая его о помощи, продолжал материться на чем свет стоит.

Дмитрий Игнатьевич, глянул на страдальца и, спокойным голосом заметил ему:

– Ить не даром жа, говорить, што спешка нужна только при ловле блох. Но, в данный момент, тебе, друг мой любезный, сгубила чистая жадность!

Афоня с недоумением, но с вежливой улыбкой на лице, наконец, вспомнил, протянул своему соседу руку и предложил:

– По – моему, пора и познакомиться. Мне станишники Афоней Вьюновым зовуть. – не забыл подчеркнуть, у моем роду усетакия, как я люди были вежливые.

– Мне, на всякий пожарный случай, Дмитрием Игнатьевичем зови, – не утерпел и сказал, – я понимаю, што в твоём роду, как и ты, усе были вежливые, и вдруг спросил, – а как они с водочкой дружили или нет?

Афоня мигом и, глазом не моргнув, соврал:

– Вот такого безобразия, я, убей миня, никак не могу припомнить! – И даже не покраснел.

Дмитрий Игнатьевич с удивлением посмотрел на него и грубовато заметил:

– А мне, кажется, што ты, в данном случае, не Афоня Вьюнов, а кацап Крученный, как поросычий хвост! – и тоже наложил себе в тарелку два куса баранина с картофелем и даже не улыбнулся.

Афоня посмотрел на него с недоумением и спросил:

– А, как ты, Димитрий, узял вот так, и сразу догадался, что я Афоня Воронежский?

– А ты, што не видал, как сорока, только недавно прилетала и мне на хвосте принесла, откуда ты родом есть, такой шустрый, как веник.

– Извини, Димитрий, я, видать, так увлекся едой, што ету, курву, и не заметил, – буркнул себе под нос Афоня и сплюнул в сторону.

– Ежели ты, Афоня, ишшо порции три самогоночки примешь на грудь, то и сам себя не угадаешь и не поймешь иде ж ты находишься.

Выпитая Афоней водочка, шибанула ему в голову так, что он сразу захмелел. Вскоре он так расчувствовался, что даже положил свою руку на плечо Дмитрию Игнатьевичу и сказал:

– Люблю я таких понятливых и собоазительных казаков, как ты.

А тот не уважительно и даже с негодованием отшвырнул его липучию руку в сторону и строго предупредил:

– А я не люблю таких телячьих нежностей.

После второй выпитой кружки Афоня не стал закусывать потому, что побоялся обжеться. По старой привычке, он быстро вытер рукавом свои мокрые губы и только тогда кивнул головой в сторону казаков, которые сидели напротив, за соседним столом, указал на них пальцем и сказал:

– А вторую порцию, Димитрий, мы, с тобой, давай, пожалуй, выпьем вон за тех казаков, которые сидят недалеко от нас, за большим столом. Я думаю, што ты их тожить обнаружил. Видать, што турки не успели етих казаков, во время сражения, укокошить, то есть добить. Вот поетому оны и воротилися к себе у станицу такими целехонькими раскрасавчиками. А так бы, представляешь, ежели б их убили, то нам с тобою, и выпить было б не за кого!

Дмитрий Игнатьевич посмотрел на этого странного и жалкого балоболку, с неохотой отпил половину водки из своей кружки и поставил ее обратно на стол.

Афоня, от нечего делать, опять, но уже придиричиво, осмотрел, вблизи себя, сидевших казаков, которых, как он понял, уже тоже, как и его, успела размалинить выпитая водочка, икнул и тут же невпопад ляпнул:

– А ты мне, Димитрий, што не говори, а казачки ети, наши станишнаи, народец скуповатый и прижимистый. Вон, посмотри на тово казака, каторый поднял кверху сваю ограмаднаю бадью. Она, кажись, у няво до краев наполнена, небось казенной водочкой, а не самогонкой, как у нас стобою. И не боится ж, стерва, етот лихой казак, что у яво рука можить отвалиться от такой тяжести. А нам с тобою, хозяйева етого сбору казаков, как я вижу, пожадничали и подсунули манюпусенькие черепушечки. А, как ты, Димитрий, думаишь и сщытаешь, ета не будить обидно, такому уважаемому у станице человеку, как я? – спросил Афоня и, после сказанных слов, заглянул в свою кружку, которая, каким – то, непонятным для него образом, невидя уже успела опустеть, поэтому он небрежно отодвинул ее, как ненужную, от себя подальше.

Дмитрий Игнатьевич внимательно повертел пред глазами свою кружку, осмотрел ее, а заодно и ту кружку у казака, на которую указал возмущенный Афоня и никакой разницы между ними не обнаружил. После такого заключения он косо, с закипевшим возмущением в душе, посмотрел на Афоню, приударил кулаком по крышке стола и строго его спросил:

– Ты, гостечек дорогой, и усеми уважаемый в нашей станице кацап, ты ишшо помнишь, каким ветром тибя сюды занесло и как ты за етот стол попал? Ты, чиво кочевряжишься. Ты, чиво, сукин сын, выкондрючиваться и привередничить ишшо вздумал? Ты, благодари Господа бога, што тибе в шею отседова сразу не выпроводили!

Афоня глянул на своего разгневанного компаньона испуганными и крайне удивленными глазами и сказал в свое оправдание:

– Тю, на тибе, Димитрий, за то, што спрашиваешь мне о таких пустяках. Ну, раз спрашиваешь, то поясняю, што пришел я сюды невзначай, штоба ты знал. Глянул на твой стол, заваленый усякой дребеденью, окромя тибя больше никого не обнаружил. Только тады я и решил присесть рядышком с тобою, как с хорошим человеком. Дай, думаю, трохи подкреплюся, а заодно и погутарю с вумным казаком о нашей чижолой жизни. А ежели чуток выпью и трохи пожую пиццы, то ета уся казачия гоп-компания нисколько не обидняить. Теперича, Димитрий, я надеюся, што ты миня понял, што я здесь очутился совсем случайно. Так, што, дажить и не сумлевайся!

Дмитрий Игнатьевич перемолчал потому, что в это время думал о своих житейских проблемах, и больше всего о скандале, который ему, перед отходом сюда, закатила его ревнивая женушка.

Афоня, глядя на него, как – будто понял его горе, поэтому поторопился его успокоить и сказал:

– А ежели я тибе, мил казак, трохи поднадоел, то я счас ишшо чуточек выпью, а потом молча откланяюсь и на своих рогах, потихонечку смоюся, к такой матери, штоба не мяшать тибе одному играть в молчанку.

Дмитрий Игнатьевич пожалел Афоню и пока не стал его силком выпроваживать.

– Хоть и кацап, – подумал он, – но все ж таки человек, а каждому из нас, всегда выпить хочется на шаромак!

После такого обращения он, как человек жалостливый и заботливый, покряхтивая, нагнулся, заглянул под стол и, обращаясь к Афоне, сказал:

– Слухай, кацап, – и, проявляя свои гуманные чувства, продолжил свою прерванную мысль, – Вот я глядю на тибя, и ломаю себе голову и решил, што, видать, пора тибе, голубчику, заслуженную месту, вот здесь под столом облюбовать и приспособить, штоба ты тама, на ночь глядя, поудобнее улаштовался. Счас месяц май, перебьешься там, покель не протрезвешь.

Дальше разговор не клеился до тех пор, пока Афоня молча, хотя и с большим трудом, но все – таки осилил половину содержимого в своей кружке и сразу сильно захмелел.

Дмитрий Игнатьевич, продолжал терпеливо и молча наблюдать за его поведением.

Афоня в это время никак не хотел расставаться со своей кружкой, которую не успел на половину опорожнить.

Поэтому он, мучительно нянчил ее в руках, и уже несколько раз, и так и сяк, пытался поднести несознательную кружку к своим губам, чтобы приложиться. Но все его старания оказывались безуспешными, поэтому с горя затащил свою заунывную, но любимую песню:

– И петь будем и гулять будим, а смерть прийдець, то помирать будим!

В дальнейшем Дмитрий Игнатьевич, не совсем мягким тоном, прервал его затею, но терпеливо объяснил, что песни петь, еще время не припело и получилось, што Афоня рановато принялся их исполнять.

Недовольный Афоня смолк.

Через некоторое время Дмитрий Игнатьевич посмотрел на умолкшего соседа и, как казак предусмотрительный и догадливый, сказал:

– Вот глядя я на тебе, как на истиново пивуна и сам себе думаю, а ежели бы узять и спаровать вас обоих с моим, тожить слишком пивучим, кобелем. Но предупреждаю, што мой кобель мужик неуступчивый и скандальный. Он до сих пор харатером никак не может сойтися с визгливым ветром. Не любить кода тот, во время совместного пения, яво частенько перебиваить. Но я, Афоня, боюся одного, што в такой вашей спарке, ни только я, но и усе мои соседи должны затыкать свои уши и забегать на усе четыре стороны, покель с ума не походили.

Афоня, не задумываясь, но с ужасом на лице, замахал, на такого свата, обеими руками. Тем самым он дал понять этому свату, что он напрочь отклонил его не лестное и оскорбительное предложение, поэтому категорическим тоном заявил:

– Нетушки, Димитрий, я не согласный на такую свадьбу с твоим паршивым и скандальным кобелем! – И опять попялся за своей недопитой кружкой.

У Дмитрия Игнатьевича создалось впечатление, что слишком настырный Афоня все-таки собирался, во что бы то ни стало, поцеловать свою несговорчивую и непокорную кружку, которую никак не может допить. А она непонятливая все время отбрькивалась и была не согласная целоваться, поэтому и надавалась, чтобы он поднес ее к своим слюнявым губам.

Афоня на минуту чуть остепенился и, в свою очередь, глядя на Дмитрия Игнатьевича, обезумевшими от выпитого глазами, остался в душе благодарен ему за то, что он не мешал ему и не заставлял его сдаваться, при достижении цели, в борьбе со своей кружкой. Вот поэтому, благодаря своему упорству он, вскоре, и достиг своей цели и торжественно поднес своенравную кружку к своим губам. Но целовать ее, совсем оболдевший Афоня, видимо, передумал и, возмутившись, с брезгливой ненавистью глядя на кружку, как человек глубоко оскорбленный, буркнул:

– Видать, ты, стерва, брезгуешь мною и цаны сабе уже никак не сложишь!

Следом за такими обидными словами решил он побезобразничать. Совсем скоро дошел до того, что сплюнул в эту кружку свои вязкие слюни и начал наставлять Дмитрия Игнатьевича на путь истинный и учить его уму – разуму:

– Нужно, уважаемый, Димитрий, знать с кем можно пить и сколько. Душа у каждого из нас должна меру знать насщёт выпивки! Ето я тебе по секрету говорю, понял! Мотай, казак, сибе на ус.

Дмитрий Игнатьевич стал медленно и нехотя пережевывать пищу, которую положил в рот, но проглотить ее никак не мог, воздерживался. Глядя на Афонию, он брезгливо кривил губы, но улыбался и пропаше качал головой.

Афоня понял, что этот выдержанный и вежливый сосед, без возражений, принял его очень умное наставление. Обращаясь к Дмитрию Игнатьевичу он попытался его успокоить и попросил:

– Давай, Димитрий, ты на миня не обижайся, я и сам такой же, как и ты, дюжить брезгливый, – заявил он, неспеша повертел в руке свою ненавистную обслюнявленную кружку и опрокинул ее содержимое в рот и залпом проглотил.

В оправдание своего поступка, Афоня поспешил, как рачительный хозяин, веселым голосом, объяснить, – усервно рядом со мною цадила нетути, штоба я смог процадить, а, значить, в таком случае, не пропадать же добру зря.

Дмитрию Игнатьевичу совсем надоело слушать своего безобразного наставника и стало невмоготу, поэтому он строго его предупредил:

– Заткнись, говорю и поставь свою кружку на стол. Хватить ее нянчить! – И тут же прикрыл своею широченной ладонью Афонин слюнявый рот, а затем, ощущая мокроту в ладони, брезгливо вытер ее о плечо своего наставника.

Афоня, тем не менее, и не думал униматься. Он нашел себе очередную забаву и, с остервенением начал барабанить кулаками по крышке стола, как – будто назло, своему соседу. А затем настырным, визливым и срывающимся голососочком, опять затянул он свою любимую и лихую песню, надоедливо повторяя одну и ту же строчку:

– И пить будим, и гулять будим, а смерть прийдёт, то помирать будим!

Терпение у Дмитрия Игнатьевича явно лопнуло.

Не смог он дальше переносить такого веселого соседства и решил Афоню – потешника утихомирить. Вынужденно приложился Дмитрий Игнатьевич и, и, со всего маху, как и следовало ожидать, аккуратненько саданул певуна кулаком по горбу. Только после такого благословления Афоня обмяк и сник. Уронил он свою отяжелевшую голову на крышку стола и умолк.

Дмитрий Игнатьевич подхватился с места и, не раздумывая, сграбастал визгливого песенника за шиворот, как незваного и шебутного гостёчка и вежливо, подталкивая его сзади, выпроводил подальше от соблазнительной выпивки, чтобы она не совращала этого липучего и надоедливого компаньона.

Весь вечер и до полуночи, дельных и бестолковых разговоров, среди казаков, собравшихся за праздничными столами было, премного.

Дня три в станице Кавнарской еще продолжалась повальная и беспробудная пьянка. Гулеванили на радостях перевозбужденные станичные казаки, да так, что голова у многих пошла кругом.

Вот таким образом они заливали, свое горе и радость, спиртным для того, чтобы успокоить до предела взвинченные нервы.

Глава 3

В ближайший воскресный день перед вечером, как и следовало ожидать, Петр Корнеевич Богацков не утерпел и принарядился на радостях. Первым делом примерил на себя бешмет с галунами, пропитанный едким табачным запахом. Отец, еще будучи в Армении, перед отбытием домой заранее предусмотрительно пересыпал бешмет турецким табаком от зловредной моли. Сапоги его сыну, форсистому молодому казаку, тоже пришлось по вкусу и по размеру, как будто для него сшитые. А потом этот молодой казак, как под хмельком, не чуя земли под собой, решил, не медля ни минуты, пройтись по оживленной и многолюдной центральной станичной улице, чтобы утереть нос кому следует. Он вышел за ворота своего подворья с единственной мыслью: «Мол, теперича знайте наших, уважаемые господа станичные казаки и ваши языкатые бабы, что мы, Богацковы, тоже не лыком шиты и кое-чего стоим!»

Одним словом, не терпелось молодому казаку подразнить станичных завистников и глаза им помулить своими обновинами. А заодно и некоторым глазастым молодым казачкам показаться, если попадутся навстречу. Восторгу и наигранной храбрости у этого статного молодца – красавца не было предела. Когда он вышел на близлежащую улицу, встречные казаки-одногодки, с удивлением глядя на него, недоумевали и в душе явно завидовали Петрову везению и тому, что его отец оказался таким щедрым.

А Петр Корнеевич, как и всякий молодой станичный казак, задрал нос так, что дальше было уже некуда. Он уже успел уверовать в свою ложную значимость. Давненько молодой казак мечтал шикануть таким вот образом. Его так и распирало от желания произвести впечатление на своих сверстников и особенно на ту стайку станичных молодых девчат, что гоготали впереди него, за которыми он уже давно ухлестывал и кружил им голову своей красотой. Еще не доходя до этих девчат, Петр Корнеевич напустил на себя важности и начал воображать о себе мыслимое и немислимое, так что даже его уму было непостижимо, откуда у него взялось такое зазнайство. Для того чтобы Бог миловал Петра Корнеевича и отвел от дурного глаза станичных вездесущих ведьм, держал он в кармане нового бешмета на всякий случай дулю, сложенную из трех пальцев. Панически боялся молодой казак, как бы не напустили на него порчу завидующие и глазливые старые станичные колдуньи. Он понимал, что от них можно было ожидать всякой непредвиденной и скверной гадости. К тому же какой-то внутренний голос подбодрил его: «Правильно делаешь, осмотрительный казак! Береженого и Бог бережет».

Две хорошо знакомые молодые казачки, проходя мимо, застенчиво опустили глаза, загадочно хихикнули, прыснули со смеху в ладони и пошли своей дорогой как ни в чем не бывало. И только потом, осмелев, повернулись к Петру Корнеевичу и уставились ему в спину своими изумленными озорными глазами. Легка, стройна и притягательна была у Петра Корнеевича юношеская казачья поступь. Опасно красив и неотразим был этот молодой казак для любвеобильных и падких на его красоту молодых казачек.

На улице у плетня одной из хат в этот воскресный день устроили посиделки не занятые домашней работой замужние нагловатые казачки. Они беззаботно лузгали подсолнечные жареные семечки и сплевывали их кожуру вокруг себя в разные стороны. Как правило, на таких посиделках обсуждались первостепенные станичные новости и всякого рода горячие сплетни. Здесь же истолковывали приснившиеся сны и то, кто чем болеет, и как эти болезни с успехом излечить народными средствами, и многое другое.

Едва эти казачки увидели расфранченного Петра Корнеевича, который приближался, тут же оживились. Им только дай повод, чтобы позлословить и покуражиться над ним.

Они никак не могли упустить такой подходящий момент, и пока Петр Корнеевич приближался, устроили сорочинный галдеж. Эти бесцеремонные казачки с язвительными усмешечками, с откровенными подковырками стали тыкать в него пальцами и щурить глаза, как бы

пытаясь припомнить, где ж это они его уже видели. Потом одна из них прицокнула языком, закатила глаза и начала вздохнуть издевательски восторгаться:

– Ишь ты, цаца какая. Вы только посмотрите, бабоньки, как вырядился сынок Корнея Кононовича Богацкова! А задавака какой, што ишшо поискать таких надоть!

Любопытная бабка Чижихина Акулина Еремеевна, по прозвищу Колдунья, как только услышала насмешливые голоса казачек, которые устроили за соседским двором посиделки, сразу же выглянула из своей подворотни. В станице она считалась чрезмерно охочей до свежих сплетен. Засуетившаяся Акулина Еремеевна без промедления поддернула очкур своей длинной черной юбки, которую надевала по праздничным дням, и, обнажив голени ног с вздувшимися темно-синими венами, как гусыня, выплыла на улицу. Она торопливо прошла и присела на сухое бревно рядом с одной из скучающих от безделья казачек, которая уже начала издеваться над приближавшимся Петром Корнеевичем. Не успел он подойти поближе, а глаза у бабки Чижихиной округлились, как у любопытной птицы. Она склонила голову набок, презрительно скривила тонкие губы и, хитровато скосив насмешливые глаза в сторону Петра Корнеевича, некоторое время выжидательно наблюдала за ним. Чувствовалось, что его одежда вызывала у нее бабье удивление, раздражение и какую-то неприязнь. В данном случае без всякого рода колкостей со стороны празднично настроенных казачек было просто не обойтись. Чуть погодя занудная Чижиха прицокнула языком, ткнула в Петра Корнеевича пальцем и с ехидцей пропела:

– Вы, бабоньки, только посмотрите на етово задаваку. Вы только посмотрите на яво, аж смех мне биреть, и плакать хочитца.

Другая с виду жизнерадостная, но тоже едко насмешливая казачка машинально вытерла фартуком рот и тут же ее поддержала:

– Теперича на яво не дунь и не плюнь! Во какой стал!

Третья казачка, с острой лукавинкой в глазах, тоже не удержалась. Глядя на неотразимо красивого молодого казака, прижмурила глаза от сладкого ужаса догадки. Она даже раскрыла рот от удивления и не без намека на те последствия, которые может наделать красота Петра Корнеевича в будущем, пропела:

– Теперича усе станичные, заневестившиеся девки только держись! Петро у нас у станице такой жеребец, што усех молодых казачек враз перепортить и глазом не моргнуть!

Бабка Чижихина, видимо, вспомнила свою бурно проведенную молодость, подбоченилась и повела из стороны в сторону крутыми бедрами. Потом она нарочито пристально и с нескрываемым изумлением, как и все остальные казачки, начала пялиться на приближающегося Петра Корнеевича серыми, по-детски озорными насмешливыми глазами и стала рассматривать его с поддельным удивлением.

– Дурак, бабоньки, ежели он никогда обновины не видал, то, как видите, и ветоши рад! – ехидненько процедила она во всеуслышание сквозь редкие пожелтевшие от времени зубы, норовя как можно больше поддеть молодого казака, потому что он ей каким-то чудным показался.

Третья бабка, сидевшая на бревне справа от бабки Чижихиной, поправила на плечах поношенный цветастый полушалок и, как гусыня, прошипела:

– Если свояго ума нетути у молодого казака, то, считай, он на усю жизнь останитца калеккой.

Издевательские голоса казачек Петр Корнеевич хорошо расслышал и не остался равнодушным. Они задели его самолюбие, поэтому он больше не мог терпеть и молчать и решил не выждать более подходящего момента, а тут же заставить этих звягучих баб прикусить свои поганые языки.

Пока все казачки, сидевшие на бревне, несдержанно хихикали от своих примитивных шуток и шептались между собой.

У него не было выхода, поэтому он, не желая остаться перед бабкой Чижихиной в долгу, оказался весьма находчивым молодым казаком: повернувшись к ней и не скрывая досады и раздражения, сложил из трех пальцев дулю и показал всем своим обидчикам, чтобы в следующий раз неповадно им было распускать свои злые языки почем зря. Тем самым задел их за живое. Хуже такого оскорбления Петр Корнеевич ничего не мог придумать, хотя наверняка знал, что отвратительная дуля среди станичных казаков считалась самым большим и нетерпимым оскорблением и у оскорбленного всегда вызывала взрыв негодования. Сидевшие рядом с Чижихой на бревне пожилые казачки от вызывающей дерзости Петра Корнеевича даже опешили, раскрыли в немом молчании рты, но не нашлись, что сказать. Они вовсе не ожидали от молодого казака такого поступка.

Бабка Чижихина сначала тоже опешила и даже растерялась от такой мерзопакостной выходки. Потом подхватила с места, будто оса ее ужалила, взвилась и вслед Петру Корнеевичу погрозила пальцем.

А Петр Корнеевич, набравшись прежней важности, заспешил к центру станицы как ни в чем не бывало.

Не успел молодой и гонористый казак не успел удалиться на каких-то двадцать саженей от липучих и занудных бабок, как по невероятному стечению обстоятельств перешла ему дорогу молодая казачка, которая направлялась с пустыми ведрами за водой к реке Кубани. Вот тут у Петра Корнеевича не выдержали нервы. Он больше не мог удержаться от возмущения и, как ужаленный, закричал на всю улицу:

– Ды што ето за чертобесия твориться вокруг мене! Вот и спробуй апосля етого не верить людским приметам! – И с опаской в голосе сообразил: – Стало быть, Петро Корнеевич, теперича тебе нужно держать сваи ушки на макушке, штоба сиводни ишо не вляпаться в какую-либо паскудную историю.

Перепуганная молодая казачка от Петрова возмущенного крика даже опустила на землю свои пустые ведра, со страхом посмотрела в его сторону и подумала, не рехнулся ли молодой визгливый казак.

По дороге к центру станицы Петр Корнеевич, польщенный отцовскими обновинами, то и дело придирчиво рассматривал полы своего бешмета, который согрел его молодую перевозбужденную душу. При этом он ощущал себя, как на седьмом небе, и еще долго никак не хотел опускаться на грешную землю.

Глава 4

Вскоре жгучая любовь у Петра Корнеевича случилась, как внезапный ожог от глухой крапивы. Началась она с той памятной игры в колечко, которую предпочитала по вечерам казачья молодежь на станичных уличных игрищах, на площади напротив Маркитантового подворья. На одном из таких игрищ шестнадцатилетняя красавица Ольга Паршикова предпочла Петра Богацкова и вложила в его ладони, похожие на ракушечные створки, свое дешевенькое латунное колечко. И пошло-поехало с тех пор. Не жизнь стала у Петра Корнеевича, а сплошные муки. Как будто присушила молодого казака каким-то приворотным зельем окаянная молодая казачка. После этих уличных игрищ, будь они неладны, потерял Петр Корнеевич покой и сон. Сам не свой сделался. Как пришибленный ходил по станице молодой казак, околдованный нечаянно нахлынувшей и вдруг вспыхнувшей любовью. Так сох, страдалец, что чуть с ума не сошел. Сердце и голову ломал, не находя себе ни места, ни покоя, и не на шутку зачастил Петр Корнеевич, стремясь к Ольге на встречу. Казалось, что дня не проходило, чтобы он ни думал о ней!

Ольга, чувствуя его страдания, не подавала вида и старалась не обращать внимания на влюбленного ухажера. Думала, что со временем дурь пройдет, и он успокоится.

Вскоре Петр Корнеевич не вытерпел своих любовных мук и несколько дней подряд безуспешно подкарауливал за станицей свою зазнобушку, чтобы серьезно с ней поговорить. Там Ольга каждый вечер встречала свой домашний скот, который по целым дням находился на выпасах в общественном стаде за станицей или в ложбинах возле реки Кубани. Но объясниться с ней как следует Петру Корнеевичу долго никак не удавалось. Бывало, он часами по пятам ходил за своей возлюбленной, когда она собирала за яром около реки Кубани сухие кизяки для дома на топку. Но ничего путного из его затей так и не получилось.

С другими станичными девчатами Петр Корнеевич никогда не цацкался, а вот при разговоре с Ольгой по вечерам на игрищах ягненком становился, потому что дюже робел перед пышногрудой юной казачкой. Раньше с ним и в помине такого не было. А тут как на грех Семен Кривохижа из семьи станичных богачей стал не давать Ольге проходу со своими обольстительными ухаживаниями. Он постоянно щедро одаривал ее подарками и смущал всякими заманчивыми предложениями.

А когда на днях Петр Корнеевич прослышал, что Кривохижа Степан Андреевич собирается засылать к Паршиковым сватов, совсем потерял голову. Одолеп его непоседливый зуд, и непонятное волнение подхлестнуло душу и толкало к решительным действиям. Даже сон у него совсем пропал. Вот что, оказывается, сделала любовь, будь она неладна, с влюбчивым молодым казаком.

Как-то в середине лета перед самым заходом солнца, когда терпение у Петра Корнеевича лопнуло, он вместе со своей лошадей спрятался в густых кустах орешника возле реки Кубани. С необъяснимым трепетом в душе стал он поджидать свою желанную, которая черпала воду из реки. Когда Ольга стала возвращаться домой и проходила мимо Петра Корнеевича, он, как разнузданный абрек, выскочил на застоявшейся лошади наперерез своей зазнобушке. Словно из-под земли вырос перед ней покусанный комарами молодой разгоряченный казак. Перепуганная Ольга остановилась как вкопанная. Она обомлела от испуга, ойкнула и сняла с плеча расписное лакированное коромысло. Потом не спеша опустила его на землю вместе с двумя ведрами, в которые только что набрала воды. Своенравный белокопытный конь кабардинской породы, на которой Петр Корнеевич сидел как влитой, повинувшись его туго натянутой уздечке и закусив удила, встал на дыбы. Затем он пронзительно и длинно заржал, словно приветствуя опешившую незнакомку.

– Ты что ж это, уже своих не признаешь? – с упреком полушутя спросила Ольга лошадь Петра Корнеевича.

Заинтригованный конь, пританцовывая на месте и нервно прядая ушами, с нескрываемым интересом начал косить на незнакомку своим удивленным лиловым умным глазом, словно никак не могла понять, откуда взялась такая неписаная красавица.

Ольга молча с нескрываемым удивлением стала рассматривать этого небезразличного ей нежданного ухажера. Ладно скроенный бешмет, как будто сшитый по заказу самого Петра Кореевича, сидел на нем в обтяжку. Поверх бешмета была надета длинная белая праздничная черкеска с черными газырями и с тонким серебряным галуном на воротнике. А черные штаны с красными лампасами, подаренные отцом, до глубины души поразили молодую казачку. Ольге было приятно любоваться молодым любимым казаком, которым она бредила и по которому сохла ночами, но виду она старалась не показывать.

Гордостью Петра Корнеевича, как и многих станичных казаков, конечно же, был ременный пояс, украшенный разными замысловатыми серебряными висюльками, похожими на маленькие лезвия ножей, который вызывал зависть у его многочисленных сверстников. За поясом с подчеркнутой ребяческой небрежностью теперь торчал отцовский кинжал в серебряной оправе с дарственной надписью на не понятном арабском языке.

Ольга, насмешливо улыбаясь, с особой придирчивостью стала рассматривать представшего перед ней разряженного красавца и не без наигранного удивления с вкрадчивой подковыркой поинтересовалась:

– Ты случайно, Петро Корнеевич, не озяб, што узял и по-зимнему принарядился в такую жарыщу? Или, можить, уже на службу собралси?

Петр Корнеевич быстро оправился от минутного смущения и, чувствуя в Ольгиных словах насмешку, которая, как жгучая крапива, жиганула его по голому заднему месту, вскинул голову.

– Как только жениюсь на тебе, тогда и на службу можно будить спокойно собираться! – сказал он с твердостью в голосе и двумя пальцами расправил свои жиденькие белесые усы.

Ольга, нервно покусывая пунцовые губы, все еще искоса насмешливым взглядом следила за каждым движением своего вдруг не в меру осмелевшего возлюбленного.

– Ты это всурьез сказал насчет женитьбы или лишь бы языком потелебенить? – с недоумением спросила она.

Петр Корнеевич с бесовской, озорной искоркой в глазах сбил кубанку на затылок, вытер ладонью пот со лба и тяжело, не без намека, вздохнул. Глаза его охальные, стригущие так и пожирали молодую, стройную казачку, стараясь притянуть и завлечь ее в свой соблазнительный греховный омут.

Потом, глядя куда-то в сторону и сохраняя при этом вполне серьезный вид, он с волнением скоропалительно сказал:

– Любушка ты моя распрекрасная, небось, испужалась моего коня до смерти?

– А я не робкого десятка, так что не дюжа переживай за мене! – отрезала Ольга.

Петр Корнеевич, выставляя свою беззастенчивость напоказ, с напускной развязной веселостью припугнул ее:

– А вот ежели я счас возьму и в щёчку поцелую тебя, недотрогу, то что тады будить? Небось, заартачишьси?

Ольга сначала конфузливо одернула свое ситцевое платьишко и, вскинув голову, повернула к Петру Корнеевичу лицо. Потом удивленно подняла дуги бровей и мучительно покраснела. От смущения и неловкости, неискушенная в подобных любовных делах, она даже потерялась и не знала, что ответить, поэтому неопределенно пожала плечами. Нагловатый Петр Корнеевич, не упуская удобный момент, резко наклонился к ней, пытаясь исполнить свое нагловатое намерение.

– Тю на тебя, ты что, белены объелси? – отшатнулась Ольга и сделала обиженные губы бантиком. Лицо ее зарделось от соблазнительного намека ухажера и от прилива девичьей стыдливости. – Ты, Петро Корнеевич, руки дюже не распускай и сначала окстись. А ежели хочешь по-сурьезному что-либо дельное сказать, то не тяни мне за душу, как kota за хвост, – смущенно улыбаясь, глуховатым неприступно-строгим голосом сказала она, чем быстро охладила строптивый пыл зарвавшегося молодого казака, да так, что он чуть язык не проглотил. Петру Корнеевичу стало нечем крыть – любовная карта его оказалась бита.

Ольга быстро выпрямилась и с какой-то лукавой хитрецей посмотрела на него.

– А ты, казак, ничего из себя, видный, однако чересчур нагловатый и самонадеянный! – наконец по достоинству оценила она предосудительный поступок Петра Корнеевича.

Налетевший ветерок подхватил и попытался задрать подол ее легкого ситцевого платья, которое со временем изрядно выгорело под нещадно палящим кубанским летним солнцем. Петр Корнеевич краем наметанного, опытного глаза сразу же приметил, что платье в районе пышных Ольгиных грудей плотно облегало девичье упругое, загорелое тело и на мгновение представил ее нагую гибкую, стройную и ладно скроенную фигуру. Ольгины тугие груди и соски? которые выпирали из-под тесноты тонкого ситца, возбуждали его воображение. Ее загорелые икры вызывали у Петра Корнеевича искреннее восхищение. Ольга обеими руками поправила на голове роскошный венок, который она недавно сплела из ярких, голубовато-сиреневых полевых цветов. На ее блестящей от загара темно-коричневой шее висели разноцветные монисто стеклянных бус, нанизанных на суровую домотканую нитку.

Тут Петр Корнеевич не выдержал и опять потянулся вперед, чтобы обнять Ольгу и приглубить. Тогда она молча, но больно ударила его по рукам. Нетерпеливый ухажер совсем не ожидал такого поворота событий.

Ольга отскочила в сторону, опустила стыдливо антрацитовые угольки глаз и непроизвольно покраснела от предательского смущения. В уголках ее притягательных губ дрогнула едва заметная потаенно-дерзкая улыбка.

С минуту она молчала и, оправившись от смущения, посмотрела на липучего ухажера укоризненным взглядом.

– Ты давай не дюже свои длиннющие руки распускай, а то я их враз укорочу! – строго предупредила она.

Петр Корнеевич понял, что с Ольгой шутки плохи, что она за словом в карман не полезет и в обиду себя не даст. Вдруг Ольга поинтересовалась:

– А ты, Петро Корнеевич, усе-таки скажи мне на милость, по какому такому случаю ты сиводни вырядился?

Петр Корнеевич расправил свою могучую грудь.

– У мне сиводни большой праздник! – не раздумывая и без запинки соврал он. Потом поправил кубанку на голове и начал горячить свою лошадь, легонько поддав ей шенкелями под бока.

Ольга не смогла сдержаться и неестественно расхохоталась.

– Однако, Петро Корнеевич, ты усе-таки складно брешешь! Ну да ладно, брешь дальше, что там у тебе на уме есть! Только поскорее, а нечего лишь бы зубы скалить, да насмеяться зря. А будешь свои руки распускать, я их тебе враз укорочу, запомни. У мне за етим дело не станить!

Петр Корнеевич даже растерялся от таких дерзких слов и не нашелся, что ответить.

– Извиняй, Петро Корнеевич, мне счас дюжить некогда слухать твои пустые брехни. Можить, ты уже белены объелси, поэтому и несешь какую-то дурь несусветную.

Петр Корнеевич мужественно перенес горькие и болезненные Ольгины упреки.

Его норовистая лошадь горячилась и нервно гоняла во рту стальной мундштук.

На любовную тему разговор у молодого казака с Ольгой никак не клеился. Обида и огорчение появились у него на лице. Боясь уронить собственное достоинство, с присущей ему молодцеватой удалью одернул Петр Корнеевич полы дареного отцом бешмета, похлопал широкой ладонью свою послушную лошадь по холке и с нагловатым любопытством уставился на молодую казачку. Он понял, что ему в данном случае больше ничего не оставалось.

– Приходи-ка ты, Ольга Николавна, сюды, как только чуть стемнеет, и горя знать не будешь. Тут я тебе и скажу, что у мене на душе созрело, – сказал он с наигранным безразличием и закатил глаза под лоб.

– А больше ничиво не хочишь? – спросила Ольга.

Петр Корнеевич странно передернул губами и расхохотался молодо и заразительно.

– Какаясь ты смешная казачка. Так ты усе-таки ответь – придешь али нет? – спросил он, придал лицу серьезное выражение и в ожидании ответа сдвинул брови.

Перед нетерпеливым женихом Ольга некоторое время испытывала неловкое чувство смущения и неудобства, потом справилась с замешательством.

– Ты что-нибудь путное наконец можишь сказать? – спросила она молодого казака, и тут же в ее мало искушенной и абсолютно неопытной в любовных делах распахнутой и доверчивой девичьей душе вдруг родилось теплое ответное чувство.

Петр Корнеевич, неопределенно и хитровато улыбаясь, набрал полную грудь воздуха, но сдержанно промолчал.

Ольга расправила на твердых девичьих грудях вылинявшее ситцевое платье и посмотрела на новоиспеченного жениха с открытой лукавинкой.

– Вижу, што ты парень не промах! Дюжить смелый ты казак, однако! – заигрывая взглядом, сказала она с издевкой в голосе и тут же прибавила, как отрезала: – Ты мне зубы не заговаривай, они у мене, представь, покамисть не болять! Ишь ты какой хахаль-соблазнитель нашелси!

Только сейчас Петр Корнеевич понял, что Ольга на самом деле была не из простых, а бедовая казачка, которой палец в рот не клади.

– Смотрю, Ольга Николавна, к тебе счас и на драной козе не подъедешь, – сказал Петр Корнеевич обиженным голосом и откинулся в седле.

Ольга не спеша положила на правое загорелое под солнцем плечо деревянное коромысло с двумя ведрами наперевес и стала с невероятной легкостью резво подниматься в гору по крутой тропинке.

Петр Корнеевич опустил поводья, пристроил коня рядом с Ольгой и с нарочитой небрежностью вкрадчиво спросил:

– Говорять, что тебя, раскрасавицу самую настоящую, за Семена Кривохижу замуж собираются выдавать, чи так, чи не так? – как бы между прочим спросил он весьма заинтересованным голосом и с выжидательной откровенной наглостью заглянул ей в глаза.

Ольга выдержала его испытующий и тревожный взгляд, конфузливо скривила губы и с игривой хитростью заметила:

– Замуж, Петро Корнеевич, не напасть, вот кабы только замужем потом не пропасть.

Петр Корнеевич замотал головой, как норовистая лошадь, и начал пялиться на Ольгу блудливо-насмешливыми глазами. Он все время поддакивал и подмигивал ей бесстыжим, вызывающим образом.

Тогда Ольга, недовольная наглым и бесцеремонным к себе отношением, отвернулась.

– Брехать не буду, были сваты и теперича ждуть мой ответ! – тяжело вздохнув, сказала она упавшим голосом.

Петр Корнеевич посуловел и с определенной твердостью и решительностью сказал:

– Ты вот што, уважаемая казачка, а говорю я тебе на полном сурьезе. Передай-ка своему липучему хахалю, что я ему могу и ноги повыдергивать, а потом скажу, что так и было. Пущай отстанит от тебя, пока не позно, поняла?

Ольга с заинтересованным удивлением посмотрела на своего ревнивого ухажера.

– А ты не спеши, Ольга Николавна, выходить замуж за Семена Кривохижу, не дже гонись за его богатством! – не преминул посоветовать Петр Корнеевич и, с молодцеватой игривостью в голосе угрожающе помахав перед собой плетью арапника, добавил: – Богатство – это прах! А до липучиво Семы Кривохижи, так и быть, я сам доберусь.

Ольга приподняла черные дугообразные брови, согласно кивнула и строго прибавила:

– Пустозвон ты, Петро Корнеевич, и бабник конченный. Видать, ишо ветер у тебе у голове гуляить и никак дурь твою не можить выветрить!

В ее словах Петр Корнеевич уловил горькую нелицеприятную правду и тут же вспомнил, что не с одной казачкой уже отвел он свою молодую душу, не единожды успел разговеться и сбить похоть бесовской оскомины. Недаром за ним по пятам ходила по станице дурная слава, что парень он не промах, что если попадалась ему под руку баба или девка, слабоватая на передок, он просто считал грехом ее упустить.

А теперь, желая хоть как-то скрыть свои грехи, Петр Корнеевич пронзительно присвистнул, с лукавинкой улыбнулся и бойко ткнул себя в широченную грудь короткой полированной кнутовилкой арапника.

– Я – бабник? – спросил он с притворно-растерянным удивлением, засмеялся подкупающе заразительным смехом и с нарочитой важностью в очередной раз расправил свои реденькие усы. А потом не без намека, но вполне серьезным голосом прибавил: – Подрастешь, голубушка ты моя ненаглядная, тады, можить, и поймешь, какой я на самом деле есть!

Ольга вспыхнула – задел он ее за живое. Она кокетливым движением поправила сползавшее с плеча коромысло.

– Не надо мне, уважаемый казак, голову морочить!

– А я и не собираюсь тебе голову морочить, – сказал Петр Корнеевич и при этом сдержанно, но добродушно рассмеялся.

– Гляди, Петро Корнеевич, не криви душой. Если будешь моим, то я тебе враз, кобелину, отучу по чужим бабам шастать, – пригрозила она и с вызывающей насмешливостью обнадежила: – Так и быть, жди меня севодня у Маркитантова двора, приду и посмотрю, какой ты на самом деле есть. – При этом лицо у нее стало растерянно-счастливым, и безотчетной радостью смеялись ее бесхитростно-наивные глаза.

Не веря своему счастью, она, как всегда, сделала губы бантиком и, отстранившись от лошади своего ухажера, по-мужски смачно сплюнула в сторону.

– А усе ж таки юбочник ты, Петро Корнеевич, проклятый. Видать, усю свою жизнь таким и будешь!

Петр Корнеевич даже привстал в стремях от ее неожиданной дерзости.

– Ну-ну, красавица, ты поакуратней будь на поворотах, – с наигранно угрожающей веселостью в голосе предостерег он Ольгу.

Ольга посмотрела на него погрустневшими обиженными глазами.

– Я тебе, Петро Корнеевич, не лошадь, так что нечего на меня нукать! – оборвала она молодого ухажера и тут же обескураживающим тоном, не щадя самолюбия своего собеседника, грубо добавила: – Сдается мне, что ты какой-то шалопутный и ветренный и к тому же путаник, ну, и бабник большой. Это так о тебе все твои станичные зазнобушки говорят, ды я и сама нутром своим чую, что ты своими непутевыми глазищами на одну бабу глянешь, и других упустить жалко. Я ведь знаю всех наперечет твоих станишных люблюшек, оны все – курвы бессовестные и ненасытные в своих грешных делах.

Петр Корнеевич сделал постное, наигранно – удивленное лицо, заулыбался и замотал головой, как норовистая лошадь, но ничего убедительного не смог сказать в свое оправдание, чтобы сгладить возникший конфуз. Тогда он для пущей важности с остервенением ударил плетью по голенищу сапога и с гонором заявил:

– Каким уродился, а другим, Ольга Николавна, представь, уже не буду. Теперича мне, видать, уже не переделаешь.

Ольга вымученно засмеялась и, задыхаясь от волнения, покачала головой: – Бабник ты, Петро Корнеевич, самый последний и, видать по тебе, неисправимый! Какойся – ты ветренный и непутёвый казак.

Петр Корнеевич был действительно парень не промах и своего никогда не упустил, если кто-либо из женского пола попадался под горячую руку. Что греха таить, водилась за ним такая слабость. Ни бабами, ни девками никогда не брезговал. Такой, что кому хочешь заморочит голову и собьет с пути истинного. Если попадались ему падкие на любовные утехы, то спуску не давал. Умел им голову морочить и в этой науке многих своих сверстников превзошел. После некоторой досадной заминки Ольга набралась, наконец, прежней решительности и, лукаво улыбаясь, с издевательской язвинкой в голосе подзадорила молодого нетерпеливого и немного стусевавшегося казака:

– Ты вот всячески уговариваешь мне, чтобы я не спешила с замужеством, и обхаживаешь! А вот скажи-ка, голубчик, мне на милость, какой с тебя толк? Кабы полюбить ты сумел на всю жизнь, а то так телебенишь, лишь бы язык почесать, погыгыкать, а потом ославить на всю станицу – на это ты горазд! Чего уж там, тебя ведь все станишники знают как облупленного, и, как видно, недаром поговаривают, что бабник ты ветренный и дюжить непутевый молодой казак.

Петр Корнеевич остановил коня и дальше за Ольгой не поехал, но старался не выпускать ее из виду.

Ольга тем временем с гордым достоинством откинула голову. Потом поправила пышные, выбившиеся из-под головного платка черные слегка вьющиеся волосы. Стараясь сгладить возникшее напряжение, примиряюще улыбнулась застывшему на месте Петру Корнеевичу и блеснула на него озорными девичьими глазами.

– Вот ишо раз тебе повторю, што севодня приду к тебе на свидание, раз пообещала! Ты думаешь, что я испужаюсь? – спросила она. Голос ее звучал бесстрастно и ровно. В нем не было ни гнева, ни издевки. А чуть погодя в горячах прибавила, – ить ты такой семидум, што таких поискать ишо надо... У тебе ить семь пятниц на неделе бывать!

По выражению Ольгиного лица Петр Корнеевич попытался угадать и раскусить вызывающую искренность ее интригующего согласия. В сердце молодого казака появилась легкая сладостная пустота. Поэтому он только хмыкнул и с понимающей улыбкой молодого грешника жадно посмотрел ей вслед на ее соблазнительные бедра. Ведь Петр Корнеевич, как никто другой, несмотря на свою молодость, толк в заблудших женщинах знал и успел в совершенстве постигнуть эту греховную науку. Его практика по оболыщению и совращению женского пола, слабого на передок, была весьма удачной и не в меру обширной.

После этой встречи, как шутя говорила его мать, не спится и не ложится ее сыну Петру Корнеевичу в своей хате, и сон его по ночам не берет.

Глава 5

А вся эта любовная история, вперемежку с лютой ненавистью на своего соперника Семена Кривохижина, заварилась с того рокового памятного вечера после игры в колечко. В тогдашней заварухе, которая впоследствии привела Петра Корнеевича Богацкова к печальным результатам, не последнюю роль сыграл липучий и настырный Семен Кривохижин. Его отец Степан Андреевич, потом всю вину пытался свалить на Петра Корнеевича. Дело в том, что Семен так увлекся красавицей Ольгой Паршиковой, что не давал ей проходу. А так как Петр Корнеевич давно с ней дружил, его досада ревнивая брала, что все увещевания, а потом и грубые предупреждения Семену, чтобы он отстал от его Ольги, не возымели никакого действия. Когда и угрозы не помогли, Петру Корнеевичу ничего не оставалось, как подговорить своих озорных дружков, охочих подурочить, чтобы пристращать Семена Кривохижина. А для такой затеи, как известно, особого ума не надо, лишь бы желание было. После непродолжительного совещания молодые казаки единогласно решили, что потехи ради все-таки нужно как следует проучить Петрова соперника, которого он на дух не переносил. Магарыч своим дружкам для храбрости Петр Корнеевич проставил вполне подходящий.

Несмотря на июльскую духоту, тем вечером напялили разгоряченные молодые шутники на себя овечьи шубы, вывернутые наизнанку. А свои лица намазали сажей, добытой кем-то заранее в печной трубе. На головы приладили они кто бычьи, кто бараньи рога и преобразились под стать омерзительным чертям, которые испокон веков наводили панический ужас на суверенных станичных казаков.

Устроили засаду и поджидали насмешники Семена Кривохижина, спрятавшись в зарослях деревьев, на территории старого станичного кладбища. Во время возвращения домой со свидания от Ольги Паршиковой ему это место было никак не миновать. Вот тут как раз и выскочили озорники из засады, заулюлюкали и погнались за своей жертвой. Сердце у насмерть перепуганного и жидковатого на вид Ольгиного ухажера ушло в пятки, и бежал он с визгом домой как угорелый. Ни живой, ни мертвый остановился передохнуть у родительской калитки. А его сердце, готовое выскочить из груди, трепыхалось, как телячий хвост. С тех пор Семен стал сильно заикаться.

После этого позорного случая Семену как бабки пошептали, и он сразу забыл дорогу к подворью Ольги Паршиковой. С тех пор и закрепилась за Семеном обидная кличка Семен – Заика. В то время многим станичникам шутка Петра Корнеевича казалась весьма забавной и вроде бы совсем безобидной. Крайне зломстительный Семенов отец, Степан Андреевич Кривохижа, никак не мог смириться и простить Петру Корнеевичу его дурацкую шутку. Вот так и нажил себе Петр Корнеевич Богацков в лице старого Кривохижи злейшего врага.

Потом Семенов родитель немало пооббивал пороги у всякого рода знахарей, ездил и по близлежащим станицам со своим сыночком, как дурак со ступой. Но все его безмерные потуги вылечить заикание Семена так и не увенчались долгожданным успехом. Даже станичный лекарь и всякого рода доморощенные колдуны и знахари беспомощно разводили руками, потому что оказались бессильны и ничем не смогли помочь Семенову горю.

Денежек Степан Андреевич Кривохижа за время лечения сына спустил, надо заметить, немало. Но вскоре понял, что зря старался и терял время, и решил как следует проучить шутника Петра Корнеевича Богацкова, поэтому недолго думая подал на него заявление пряменько в суд. Дескать, нечего с таким казаком сюсюкать.

Казалось бы, шалость Петра Корнеевича и выеденного яйца не стоила, но его дело в суде день ото дня принимало крутой оборот. И разгорелся серьезный сыр-бор. А в случае плачевного исхода о вожденной Петровой службе в охране Его Величества и мечтать не приходи-

лось. А Корней Кононович спал и видел только там своего сына, который должен был пойти по стопам своего деда Тараса Григорьевича Богацкова.

Хотя долговые злыдни заедали семью Богацковых, но для того, чтобы оградить Петра от суда и замять его скандальное дело, пришлось Корнею Кононовичу порядком раскошелиться и срочно отвезти на базар и продать двух трехгодовалых упитанных бычков. Вырученные от продажи скота денежки он быстренько сунул в Екатеринодаре нужному судье, от которого зависела дальнейшая судьба Петра Корнеевича. Надо сказать, что вовремя спохватился Корней Кононович и на этот раз обхитрил старого Кривохижу, потому что опередил его с дачей взятки, которую он первым преподнес судье втихаря. Хотя и с большим трудом, но ему всё-таки удалось утрясти и уладить судебные Петровы дела относительно претензий Семёна Кривохижи.

Корней Кононович, возвратившись из Екатеринодара, после того, как там ему благополучно удалось утрясти судебные Петровы дела относительно допущенного ущерба Семёну Кривохижи. Сидя за домашним столом он вдруг он вылупил на неугомонного и шкодливого сына свои колючие глаза и отложил свою деревянную ложку в сторону.

– Не было с тобой, Петро, печали, так, видно, черти накачали! Ты, вот, Петро, постоянно так куролесишь в станице, што я уже не один раз берусь за свою седую голову и не успеваю расхлёбывать твои очередные чудачества, – сказал он и в растерянности развёл руками, потом добавил, – Я уже и не знаю, што с тобою делать. Приходится, хучь бери мне и забигай, на усе четыре стороны с твоих глаз долой.

– Потерпи, отец, ишо трохи. Вот скоро женим Петра, тады он и образумится, – поторопилась заступиться за сына Ефросинья Платоновна и скорбно пожалала губы.

Корней Кононович, замордованный очередными проказами неугомонного сына, строго посмотрел на неё и, в отчаянии обращаясь к сыну, удручённым голосом сказал:

– Ты, у мене, Петро, как чиряк, который образовалси на одном моём неподходящем месте. А мене етот чиряк и выдавить больно и оставлять опасно потому, как можно получить заражению крови и загудеть на тот свет. Просю тебе, сынок, не доводи мене, ради бога, до греха. Ты жа знаишь, што у мене рука чижолая, ежели приложуся, то мало тебе не покажитца.

Не успела Ефросинья Платоновна разлить по кружкам узвар, как взвинченный и не сдержанный Корней Кононович в поисках виновника за плохое воспитание сына, сверкнул недобрыми глазами и накинудся на неё:

– Ето ты во всём виновата, усю жизнь сюсюкаешься с Петром, а я должен теперича отдуваться.

Ефросинья Платоновна решила остудить его пыл.

– А то кто ж виноват в данном случае. Конечно же, невестка . . . , как у нас у станице казаки говорят. Зато только ты один у нас такой безгрешный ангелочек. А тады куды ты смотрел, кады Петро подрастал на твоих глазах?

Эта взрывоопасная ругань, как началась, так и закончилась ни чем, кроме семейного расстройства.

Тем временем разгоряченный и настырный Степан Андреевич Кривохижа, как затравленный волк, начал мыкаться по судам. Даже к Екатеринодарскому судье добрался этот строптивый казак, чтобы засудить зловердного и ненавистного Петра Богацкова. Но секретарь Екатеринодарского суда его вежливо выпроводил за дверь и посоветовал разбираться со своей жалобой в суде по месту жительства. Только тут Степан Андреевич понял, что Екатеринодарский и его местный судья – это одного поля ягоды, что ворон ворону в данном случае глаз не выклюет. Против местного судьи, как он небеспочвенно подозревал, своевременно подкупленного Корнеем Кононовичем, побоялся попереть. Решил, что это все равно, что против ветра п?сать: все брызги на тебя же и полетят. Когда порочный круг замкнулся, Степан Андреевич, как говорится, на то место и сел, с которого только что встал.

Глава 6

Через некоторое время, когда улеглись у Петра Корнеевича зуд и блажь насчет соблазнительного щегольства, и дело с судом отец благополучно уладил, втемяшилось Петру Корнеевичу в голову и так приспичило, что заезжил молодой нетерпеливый казак: жениюсь, заявил он родителям, и все тут. Такая спешка подпирала Петра Корнеевича потому, что он предчувствовал и боялся, что уведет Семен Кривохижа у него из-под носа Ольгу Паршикову. Такой уж был Петр Корнеевич, что ему вынь да положь. Хоть яловая корова, а ему все равно бери и телись, и никаких гвоздей. Отец и мать на дыбы встали и воспротивились.

Корней Кононович не успел очухаться от разорительных судебных тяжб со Степаном Андреевичем Кривохижей, поэтому вылупил на бестолкового и настырного сына набрякшие, как после похмелья, глаза и, обращаясь к жене, тоненько присвистнул:

– Ты послухай, мать, что чадо твое буровить! Ты только послухай, чиво он хочить учудить. До чего додумался наш олух царя небесного? – и, не дождавшись поддержки жены, немного подумал и как отрезал сыну: – Какая, Петро, может быть счас женитьба, когда у тебе служба на носу! Ты хучь об етом подумал? Ты хучьсоображаешь, што сидим мы с матерью счас в долгах, как в шелках, после судов праведных по твоей же прихоти? Иде я счас деньги ишо и на свадьбу возьму, скажи мне на милость? А такому, мать, как наш упёртый и настырный Петро, и бай дуже. Яму хучь яловая корова, а он усеримно требует, давай-ка телись и никаких гвоздей! И не блажи, слухать не хочу такого бестолкового сына.

Грубее что-либо сказать Петру у него язык не повернулся, да и слов подходящих больше не нашлось.

Ефросинья Платоновна даже опешила от скоропалительного намерения сына и в свою очередь испуганно уставилась на Петра Корнеевича. Изумлению ее не было предела.

– Ты что, совсем сказился? – спросила она непутевого сына растерянным голосом. – Ишо сопли под носом не успели просохнуть, а он жениться собрался. Это ж надо!

– погоди трохи, ишо успеешь, сынок, себе ярмо на шею одеть, – предупредил Корней Кононович, и без того отягощенный непомерными хлопотами, которые создавал ему сын и которые в последнее время не выпускали его из своих цепких когтистых лап.

Однако, как ни бились, как ни отговаривали родители своего упрямого сыночка Петра, но так и не смогли отговорить его от безумной затеи с женитьбой. Такого настырного переубедить было не так-то просто. А он изо дня в день продолжал талдонить одно и то же, как блаженный. Уши прожужжал отцу и матери своей прихотью. Все родительские уговоры повременить с женитьбой оказались – как об стенку горох.

Родительской твердости хватило ненадолго. Вскоре они поостыли и уже глядели на Петра Корнеевича, как на безнадежного душевно больного молодого казака.

Петр Корнеевич хорошо знал, что делать в данном тупиковом случае и недолго думая бухнулся в ноги своенравному родителю и не ошибся. Любовь и не до такого унижения доводила влюбленных молодых станичных казаков.

Корней Кононович в конце концов понял, что не в силах совладать с упертым сыном, что с таким ему все равно теперь уже не справиться, и махнул на него рукой. Поэтому он тут же снял со святого угла икону Николая Угодника, подозвал жену и вместе с нею наконец благословил настырного сына. Допек надоедливый молодой казак своих родителей каждодневным нытьем и нудным зудом.

– Кому што, а шивому подай баню. Так, Петро, и тебе. Женись, мать твою так, раз уж женилка выросла и невтерпеж стало, – в конце концов сказал Корней Кононович, – только не забывай, што тебе вскорости служба предстоит. Делай теперича что хочешь, хучь об стенку голову бейся! – с признаками крайнего недовольства и с присущей ему грубостью выдал

из себя Корней Кононович. – Будя тебе, Петро, по станице неприкаянно шляться и баклуши бить зря.

Он попытался подыскать другие, более грубые слова, но таких не нашлось.

Материнская милость сразу вслед за мужем обернулась тоже согласием, потому что жалость взяла верх.

– Женидьба, сынок, не напасть, лишь бы, женившись, не пропасть, – предостерегла сына Ефросинья Платоновна и, повернувшись к мужу, поддакнула ему. – Пушай женится! Видно, мы с тобою, отец, полагаем, а Господь Бог располагает.

В результате доконал Петр Корнеевич родителей и добился своего. Корнею Кононовичу, сломленному настырностью сына и ссылкой жены на соображения Бога, наконец пришлось заявить:

– Вот через месяц, кады в поле и дома с огородами загодя управимся, денюжат трохи подкопим, тогда и свадьбу можно будить справлять.

Ровно через месяц в воскресенье вечером, как и было Корнеем Кононовичем обещано, его проворные сваты, боясь оплошать перед Георгиевским кавалером, появились в доме Паршиковых. Там они с нескрываемой дотошной придирчивостью принялись знакомиться с Петровой невестой Ольгой Паршиковой. Ее родителям они сразу дали понять, что не кота ведь в мешке собрались покупать, поэтому должны присмотреться и немного попытать невесту. После некоторого капризного раздумья Ольгиных родителей она все-таки получила их благословение. Ведь семья Богацковых в станице была не из последних, всегда на виду и на хорошем слуху.

Корней Кононович был такой казак, что из кожи вылезет, чтобы устроить свадьбу как следует, чтобы получилась она не хуже, чем у других станичных казаков.

Он такой, что готов последние штаны снять и заложить в ломбард по такому случаю, но Боже его упаси, чтобы в грязь лицом ударить перед станичниками с подготовкой достойной свадьбы. Иначе не мог он поступить, казачья совесть не позволяла. И не приведи Господи, чтобы оплошать перед языкатыми станичными сплетниками, которым только дай повод позлословить, поэтому пришлось основательно раскошелиться и еще больше залезть в долги к богачам – заемщикам. Недельки через две после удачного сватовства свадьбу Богацковы закатили действительно на славу, и получилась она не хуже, чем у других богатых станичников. При этом Корнею Кононовичу непременно хотелось утереть нос всем станичным богатеям и доказать им, что Богацковы хоть и не их поля ягодка, но тоже не лыком шиты.

Через два дня на подворье Богацковых, в пьяном угаре, отшумела колготная свадебная гулянка. Казалось бы вся свадьба от начала и до конца ничем не была омрачена, и прошла гладко, но один ревнивый казак приревновал свою жену и под конец свадьбы устроил жестокую драку, чем испортил у остальных праздничное настроение.

В станице Кавнарской в шутку считали, что какая ж это свадьба, если она обходилась без драки, то и поговорить и вспомнить о такой свадьбе было не о чем. Если же свадьба всё-таки проходила по – тихому, без драки, то тогда такую свадьбу называли с унижительным оттенком в голосе, как обыкновенную безграмотную пьянку или того хуже, с отвратительным презрением, как разнузданная гулянка и не более того.

На третий ее день, после заключительного похмелья, когда сошла на нет и улеглась обременительная суматоха, протер Корней Кононович оплывшие от перепоя глаза и с облегчением вздохнул:

– Ну, теперича у мене, мать, апосля Петровой женидьбы и гора с плеч сволилась!

Но как бы не так. Видать, рановато отец обрадовался.

Медовый месяц у молодоженов пролетел, как во сне. Их семейное скоротечное и безоблачное счастье длилось совсем недолго. Заскучал молодой казак по волюшке вольной. Особенно его прельщали ночные гулюшки под ослепительной бледной луной. В такое времечко,

опьяненная лунным светом, во всю ивановскую хороводила на станичной площади молодежь. Вот тут и потянули Петра на сторону и враз совратили бывшие разгульные друзья и заманчивые старые зазнобушки. Проснулся в нем зуд старого гуляки, и он быстро вошел во вкус прежнего блудника.

Петро и до женитьбы был не безгрешен. За ним постоянно глаз да глаз родительский был нужен. Бывало, чуть зазеваются они, а он тем временем уже в шкodu нырнет или еще похлеще какую-нибудь пакость утворит. Многое ему прощалось: дело молодое не безгрешное.

– Но раз женился, – однажды заявил сыну Корней Кононович, – тады извини, блюди свою семью, и никаких гвоздей. А свои старья гулюшки, Петро, на стороне сейчас жа выбрось из головы и навсегда забудь.

Но не тут-то было!

Рис. 1. Иван Лукич Сорокин. Главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа. Командующий 11-й красной армией

Глава 7

Еще не успел молодой бодливый месяц на ранней зорьке как следует упереться в землю рогами, и кубанская весна тоже еще не успела полыхнуть белым цветом вишен и акаций и горьким запахом вдохнуть в казацкую душу живительную силу и надежду на хороший урожай, как неугомонный и непоседливый казак Корней Кононович Богацков, заядлый землепашец и хлебороб, уже был на ногах. Ходил он, озабоченный, по двору, суетился и от радости не знал, куда себя деть от предстоящих приятных хлопот и забот. Не сиделось и не лежалось такому казаку, и сон его не брал. Начиная с ранней весны и до поздней глубокой осени, короче, до тех пор, пока с неба не полетят белые мухи, у каждого станичного казака-хлебороба в поле, на его незабвенной земельной делянке неотложных дел всегда было невпроворот. Даже толком разогнуть спину и посмотреть на небо такому заядлому труженику порою было некогда.

И теперь, когда глубокая весенняя пора устоялась на дворе, ни свет ни заря все станичные казаки на своих подворьях, как и Корней Кононович Богацков, тоже уже были на ногах. Первым делом они молились Господу Богу и рвались в поле, на свою заветную и ненаглядную земельную делянку. Там повседневная насущная работа для них была превыше всех остальных дел. Без нее они себя и не мыслили. При этом каждый из них ни на минуту не забывал, что нужно было все дела успеть переделать в поле вовремя, а лучше всего управиться загодя. Поэтому по весне у трудяги-казака душа болела и не давала ему покоя. Рабочий зуд не позволял расслабляться. Не с руки непоседам было с лодырями равняться. Если у такого хлопотливого хлебороба-казака, как Корней Кононович Богацков из станицы Кавнарской, поинтересоваться, когда же он думает отдохнуть, он тут же удивленно посмотрит на тебя и спросит, какой может быть ему отдых, и, усмехнувшись, отшучиваясь, с недоумением ответит, что отдыхать будет на том свете! А на земле нужно работать день и ночь, тогда и толк будет.

Посреди двора у Корнея Кононовича все его взбудораженное суматохой, беспокойное и хлопотное хозяйство тоже просыпалось вместе с хозяином. На разные лады гоготали неугомонные и сварливые гуси. У плетня возле деревянного корыта, наполненного водой, кричал горластый селезень, стараясь держаться подальше от задиристого и надменного гусака, который так и норовил его ущипнуть своим клювом. Этого гусака и сам Корней Кононович тоже недолюбливал, за его скандальный нрав. А петух огненного цвета спрыгнул на землю со своего насеста и, славил раннюю зарю своим скрипучим голосом. Но, оказавшись рядом с Корнеем Кононовичем он надрывал его душу. На базу мычала рыжей масти дойная корова, умоляя хозяйку Ефросинью Платоновну и ее сноху Ольгу поскорее освободить ее вымя от накопившегося за ночь молока.

Всю эту ночь перед поездкой в поле, на сенокос неумному казаку Корнею Кононовичу было явно не до сна. Этому казаку, как подшучивали станичники, не спится, не лежится, и сон его не берет, как и любого совестливого кубанского казака-хлебороба, жадного до работы. Какой тут может быть сон, если он всю ночь только о том и думал, чтобы не проспять зарю. Боялся опоздать с выездом в поле. Долго вылеживаться такому казаку не с руки. Такое могут себе позволить только лодыри, но не Корней Кононович. Не к лицу ему было выглядеть беспечным лежебокой перед остальными прилежными, работающими станичниками. Ни к чему такому уважаемому в станице казаку ненужные разговоры о нем как о бездельнике, который любит поспать. Так уж повелось в станице издавна, что каждый казак, боясь позора и стараясь не оплошать перед другими, спешил загодя выехать в поле, на сенокос на своей земельной делянке. Суматошные сборы станичников на сенокос начинались с ранней зари.

И начала кишмя кишеть взбудораженная и неугомонная казачья станица Кавнарская, как потревоженный муравейник.

Корней Кононович понимал, что раз весенняя пора уже устоялась на дворе, значит, мешкать с сенокосом ему никак нельзя. Он всегда помнил народную поговорку, что под лежащий камень вода не течет.

Рабочий зуд распирает и щекотал его душу. Он понимал, что по домашнему хозяйству у него дел невпроворот, а в поле, на своем земельном наделе с ранней весны и до поздней осени такой работы тем более непочатый край. И со всем нужно управиться вовремя. Этот казак до работы был очень жаден, потому что она для него была власть.

Не успел чуть забрезжить рассвет, и третьи петухи еще не успели дружно прокукарекать, а хлопотливый Корней Кононович, как и все станичники, был уже на ногах.

Он возмущался своей медлительностью и упрекал себя, что даже неразумные птички от малой и до великой, обремененные ежегодной весенней заботой, и те побыстрее него торопились свить себе по весне новое гнездо. А он, кубанский казак, и подавно должен трудиться в поте лица и всегда помнить старую мудрую поговорку, что один рабочий день целый год казака кормит.

Корней Кононович спешно вывел во двор с база своих лошадей, запряг их и уселся в передке на перекладной доске поперек шарабана, а рядом с собой усадил сына Петра. Женщинам – своей жене Ефросинье Платоновне и снохе Ольге – он постелил солому в задке повозки, чтобы помягче было сидеть. Там они и уместились, как квочки на гнезде во время высидивания яиц.

Корней Кононович понимал, что дорога предстояла кочковатая, и женщин на ней будет сильно трясти, поэтому уважил их. Когда выехали за околицу, Корней Кононович начал подгонять кнутом своих справных лошадей, которые радовали глаз своей упитанностью и хозяйской ухоженностью.

Когда заря вовсю заливала своей горячей аlostью восток, станичные казачьи повозки, словно стоворившись, наперегонки друг с другом устремились в поле, как на пожар. Самые нетерпеливые, зараженные духом соревнования, то и дело лихо и с задором обгоняли, по их соображениям, медлительных и нерасторопных. Из задков казачьих повозок торчали черенки кос, деревянных грабель, штыковых лопат и тяпок и всякой нужной и ненужной всячины. И потянулись казачьи повозки из станицы по грунтовой дороге, и гнали сосредоточенные казаки лошадей, устремившись к своим земельным наделам.

Со стороны растянувшаяся посреди поля обозная вереница станичных разношерстных повозок была больше похожа на спешное переселение непоседливых кочующих цыган. Можно было подумать, что эта орава вечных странников вместе со всем своим табором только что снялась с временной стоянки и погнала лошадей куда глаза глядят.

Каждый глава семьи старался загодя попасть на свою делянку. Корней Кононович Богацков со своим малочисленным семейством тоже спешил. Он непременно хотел успеть добраться на свою делянку до восхода солнца, пока ночная роса не высохла, тогда, решил он, и косить будет легче.

Старым казакам, таким, как Артем Силантьевич, тоже не сиделось дома, и они не мытьем так катаньем старались увязаться следом за своим молодняком. По такому ответственному случаю надел Артем Силантьевич свою отбеленную домотканную холщовую рубаху, тщательно расчесал деревянной гребенкой реденькие волосенки на голове, пригладил пятернею седую бороденку и по старой привычке с гордостью устроился в передке повозки. Со стороны похоже было, что все его непоседливые казаки-сверстники как будто собрались ехать не в поле, а в церковь, к причастию, или на веселый праздник, устроенный на станичной площади. Счастливого возбужденные нетерпением, они вертели головами по сторонам и с радостью на душе оглядывали степную буйную травяную вольницу, а если подворачивалась такая возможность, шутили друг с другом.

На просветленных лицах старых казаков была заметна хозяйская озабоченность и много раз пережитая радость от предстоящего сенокоса, посадки овощей или прополки своего земельного надела. Когда повозки останавливались на делянках, хозяева распрягали лошадей и с Богом отпускали их на выпас. Тут лошади, дорвавшись до сочной полевой травы, набрасывались на нее с жадным наслаждением.

За какие-нибудь два-три дня из станицы Кавнарской успели перекочевать на свои земельные делянки целые семьи. Хозяйство они оставляли под присмотром своих немощных стариков, которым работа в поле была уже не под силу, или в крайнем случае повзрослевшим детям, которым они могли доверять.

К удовольствию Корнея Кононовича его семья благополучно добралась до своего совсем не близкого земельного надела. И вскоре он со своим сыном Петром Корнеевичем приступил к обустройству стоянки и первым делом намеревался изготовить балаган, чтобы укрыться в случае непогоды. А супруга Корнея Кононовича Ефросинья Платоновна вместе с невесткой Ольгой- тут же не мешкая закинули черенки тяпок на плечи и поспешили туда, где собирались прополоть рано взошедшую бахчу.

По всему необозримому кубанскому степному простору, который уходил далеко за горизонт, как грибы после дождя, выростали казачьи балаганы, похожие на цыганские шатры. Вот уж где чувствовалась казачья волюшка вольная. Ликовало сердце Корнея Кононовича, взволнованное степным раздольем. В его балагане, который он поставил на скорую руку и сверху накрыл тяжелой свежескошенной травой, стояла паркая духота и преснота молодого молочая и порея.

Работа косарей начиналась с рассветом. Уходили они в травостой по росе, чтобы успеть как можно больше скосить до восхода солнца, пока трава не стала жестко-дротяной.

К утру поле, одетое белесой дымкой, серебрилось от выпавшей росы.

С восходом солнца, вытесняя прохладу, накопившуюся за ночь, набирала сил докучливая паркая теплынь, пахнувшая кубанским степным разнотравьем. Волнующим душу божественным, завораживающим разноцветьем играли в лучах восходящего солнца удивительные серебряно-изумрудные капельки росы, которая выпала на заре. Влажный утренний туман с особой заботливой нежностью укрывал кубанскую степь белесым и легоньким пушистым одеялом.

Взволнованному Корнею Кононовичу как радивому казаку-хлеборобу, замороженному такой степью, казалось, что находится он, как в раю, не иначе. Помолвившись Богу за такую благостную красоту, которая придавала ему в его нелегкой работе небывалые утроенные силы, он брал в руки косу, кивал молившемуся сыну Петру, чтобы тот не медлил и непременно начал косить вслед за ним. С лица Корнея Кононовича еще долго не сходила улыбка счастья от удовлетворения видеть сочную траву, которая после покоса высохнет как следует, а зимой за милую душу пойдет на корм домашнему скоту. Степь ободряла и окрыляла возмужалого казака – собственника, влюбленного в свой земельный надел, который был выделен его отцу по велению самого царя-батюшки, Российского самодержца, почитаемого всеми кубанскими казаками.

Как только ободнялось чуть, высоко в небе над млеющей кубанской степью был виден жаворонок, который завис над зачарованной утренней степью. Его возбуждающе заливиная песня долго висела в вышине и ободряюще действовала на душу Корнея Кононовича, очутившегося в поле в такую рань на своем земельном участке.

А неугомонный серенький и невзрачный птах бил об воздух крылышками и своей полусонной, но до захлеба заливиной трелью до изнеможения начинал славить кормилицу казаков – кубанскую землю. Этот жаворонок будоражил и заражал своей жизнерадостной песней проснувшихся кузнечиков, которые вскоре, придя в себя, дружным хором начинали трескуче подпевать неумному певуну-жаворонку.

Вскоре минует весна, и в начале лета будет млеть разнеженная кубанская степь, которую и глазом не окинешь. А в июле, когда подопрет макушка лета, эта степь уже будет томиться, угоревшая от несносной жары.

На следующий день Корней Кононович, проснувшись до зари, выползал на карачках из своего балагана наружу и сипло откашливал накопившуюся за ночь мокроту после вчерашнего курева. Его торопливая и тоже непоседливая жена Ефросинья Платоновна выползла вслед за мужем.

Корней Кононович остановился возле балагана, потом поскреб пятерней за пазухой под рубахой и долго приходил в себя. И, еще не ожив как следует, уже начинал крутить сигарку и, щурясь, оценивающим взглядом приноравливался к косам, которые с вечера висели на шарабане повозки и теперь сверкали своими крючковатыми носами.

Молодоженам – снохе и сыну в их отдельном балагане – Корней Кононович решил дать немного позоревать и досмотреть сладкие предутренние сны.

Ефросинья Платоновна расстелила на траве, которая была вытоптана, около балагана домотканую цветастую попону. Эта попона в полевых условиях служила столом, и она быстро поставила на нее съестное для каждого едока. Скучный завтрак состоял из куска свиного сала с хлебом, с головкой – на любителя – злющего лука и чеснока, а также поставила перед каждым тружеником по большущей кружке, наполненной ядреным домашним квасом.

Настоящий казак за стол не сядет, пока не сотворит молитву во славу Богу и три раза не перекрестится. Первым это сделал озабоченный Корней Кононович, а затем подошел и сын Петр Корнеевич со своей женой Ольгой, и они тоже помолились, повернувшись лицом на разрумяненный восток.

Только после молитвы все присели за импровизированный стол. С завтраком семья Богацковых управилась быстро, каждый понимал, что рассиживаться некогда.

Спозаранку, пока не ободнялось, Корней Кононович не спеша обошел свой земельный надел. Ефросинья Платоновна собрала посуду со стола и спрятала в балагане. Ее сын Петр и сноха Ольга ей с удовольствием помогали. В образовавшемся прерыве Ефросинья Платоновна, глядя на эту пару молодоженов, вспомнила свою молодость и с увлечением начала незамысловатый рассказ:

– Счас и смех и грех вспоминать, как твой, Петро, батюшка Корней Кононович в молодости после недолгих ухаживаний и катаний мне на качелях заслал к нам своих сватов. А усе началось с качелей и куруселей, которые в станице завлекали молодежь по праздничным дням на станичную площадь. А я, глупая ворона, рот раскрыла и, глядя на такого жениха-красавца, уже и глаз не могла от него отвести. Словно околдовал мне женишок. Недолго думая я тут же бух в ноги моему строгому батюшке, мол, согласна замуж за етого казака, только благослови. Тады мой батюшка, до того как согласиться, вышел во двор и прежде всиво посмотрел, на каких лошадях приехали сваты. А кады он открыл калитку и увидел перед своими воротами расписную тачанку, запряженную лихими конями, сразу помягчел, смилостивилси и без разговору дал мне свое отцовское благословение. И только апосля свадьбы мой строгий папаня раскусил, што Корней Кононович приезжал мне сватать на чужих конях, которых он выклячил у кого-то в станице по случаю своего сватовства. Вот тады мой папаня за голову взялся и понял, что его окрутили, но диваться было некуда. Вот каким, Петро, премудрым оказалси твой папаня. Как видишь, он и смолоду был не простой казак, обведеть вокруг пальца кого захочить.

Корней Кононович тем временем быстро обошел и осмотрел свой земельный надел. А вокруг, как живой, притихший и загадочный степной кубанский простор дышал опьяняющим чистейшим духом разнотравья. До глубины души взволнованный, Корней Кононович вдыхал его полной грудью, никак не мог вдоволь надышаться этим бодрящим настоем воздуха и благодарил в душе Господа Бога за такую неопишимо сказочную и волнующую земную благо-

дать. Млел уматерелый казак от удовольствия, и его душу распирало от счастья, что послал ему Господь Бог такую земную красоту. Любовался казак-хлебороб и никак не мог налюбоваться рядом посеянными всходами щетинистых зеленой озимой пшеницы, которые подавали надежды на будущий урожай. Вернувшись к своему балагану, он не удержался и обрадованно сказал заспанному сыну, который вместе с женой Ольгой уже крутился около балагана:

– Пшеничка, сынок, в этом годе не только у нас, но и у других казаков, видать, хо-оррошая удастся, – И тут же с твердой уверенностью прибавил: – Нынче хлебушком огребемся!

– Слепой сказал, побачим, – пошутил Петр Корнеевич.

Перед глазами у восторженно настроенного Корнея Кононовича волнообразно колыхалась, как бы вздыхая, живая, притихшая и загадочная необозримая кубанская степь. Она невольно будоражила своим опьяняющим чистейшим духом разнотравья душу не только Корнея Кононовича, но и каждого соседа по делянке, ухватистого и жадного до работы станичного казака-хлебороба.

Такая чарующая красота природы еще долго не отпускала Корнея Кононовича, поэтому он любовался и никак не мог налюбоваться не только своим, но и соседскими заботливо ухоженными земельными наделами. Прежде всего его радовали делянки пшеницы и ячменя, поэтому он прикидывал в уме насчет обнадеживающего урожая. Потом Корней Кононович трижды перекрестился, азартно поплевал на ладони, и только тогда взялся за черенок косы и, взглянув на сына, сказал:

– Ну, с Богом, Петро! – и как бы играючи взмахнул косой, которая вжикнула, подчиняясь азарту косаря, и с особым упорством принялся за свое ответственное дело.

Петр Корнеевич, боясь уступить отцу в рабочей сноровке, принялся следом, а женщины с тятками через плечо пошли, чтобы заняться прополкой бахчевых.

Корней Кононович, молодецки взмахивая, заносил косу, при этом с напряжением поворачивал морщинистую шею то влево, то вправо.

Петр Корнеевич молча шел рядом и, боясь отстать от отца и оплошать, ловко взмахивал косой, принаравливаясь к отцовскому шагу.

Моноotonно вжикали две косы. Буйное разнотравье в этом году вымахало по пояс и радовало косарей. Отец и сын Богацковы спешили с покосом, боясь упустить время. Если чуть перестоит трава, трудно будет с ней справиться.

Дивно красовалась под солнцем облитая яркой зеленью степь. А с косогора, где, не разгибая спин, трудились Богацковы, просачивался через лежащую внизу балку желто-горячий цвет донника, и слышался приглушенный гул трудолюбивых пчел, которые, проведая поле, торопливо ошупывали хоботками каждый цветок, как будто боялись его пропустить. Беззаботные и хохлатые жаворонки хлопали крыльями в вышине и пели косарям свои сладкие песни.

Через полчаса Корней Кононович, разогнувшись, с удовлетворением оглядывал начало своей работы. Тут он заметил, что скошенная им и сыном трава была уложена в ровные, как по шнуру, валки и истекала соком. Она испускала, распространяя вокруг, дурманящий травяной пресновато-горький запах.

Терпко млея под горячим солнцем, свежескошенная трава испаряла едва приметный колеблющийся настой увядания, и сердце у Корнея Кононовича начинало наполняться сладкой умиротворенной радостью.

Во время минутного отдыха он выдергивал из-за пояса песчаный оселок и несколькими точными ударами бывалого косаря поправлял притупившееся полотно косы. Петр Корнеевич машинально повторял за отцом то же действие, боясь уступить ему в мастерстве и проворности.

Широко и спокойно лился свет низкого утреннего солнца, поддурманивал необозримые просторы кубанских полей и съедал медленно уползающие тени, которые с ночи залегли в полусонных балках. До обеда Корней Кононович и его сын Петр Корнеевич были так увлечены работой, что и перекурить им было некогда.

Работа у Ольги валилась из рук. Обида на загулявшего мужа скребла душу, и слепая ревность не давала покоя.

Дома по ночам, да и теперь она горько плакала от безысходности, потому что не видела конца своим душевным страданиям. Никак не могла простить мужу его недавнюю измену. К утру ее подушка была мокра от слез. С каждым днем она таяла на глазах и до того вся извелась, что на женщину стала не похожа. Тошно ей было смотреть на белый свет. А ее мужу-гуляке Петру Корнеевичу хоть бы хны.

Недели за две до выезда в поле Ольга не утерпела – сходила на свое прежнее подворье, где она была уже как отрезанный ломоть, и поделилась безутешным горем со своей матерью. Та внимательно выслушала ее и, глядя на дочь с укором, заявила, что во всем виновата она сама, потому что в свое время перебирала женихов, крутила носом и не вышла, неслухменная, замуж за Семена Кривохижу, при котором жила бы сейчас как у Христа за пазухой. А в конце недолгой и неприятной беседы заметила:

– Это тебе, милая моя, с Петром только цветики, а усе ягодки ишо впереди тебе ждуть!

После этого разговора Ольга присмирела, замкнулась и продолжала жить молитвами с надеждой на лучшее.

Свекровь Ефросинья Платоновна, хотя и догадывалась о причине расстройтва снохи, поглядывая на ее страдания со стороны, но делала вид, что в семейных отношениях молодоженов ничего серьезного не подозревает.

Свекор Корней Кононович, воробей стреляный, у него глаз наметанный. Такого на мякине не проведешь. Он раньше своей жены заподозрил неладное в семье молодоженов, но долго терпеть выходки сына не собирался. Сегодня он выжидал удобного момента, чтобы поговорить с Петром по душам, поэтому, нервозно посапывая, молчал до поры до времени.

Петр Корнеевич, как шкодливый мартовский кот, изредка украдкой поглядывал на недовольно посапывающего отца, предчувствовал, что назревал неприятный разговор насчет его гулюшек, который, как он считал, был неминуемым.

До самого обеда кругом стояла оглушительная степная тишина и полное безветрие. Только то тут, то там на казачьих делянках монотонно вжикали лезвия кос, врезаясь в сочную обреченную траву. В такую сенокосную страду косарям расслабляться и заниматься пустыми и никчемными разговорами было недосуг. Солнце с каждым часом поднималось все выше и выше и припекало так, что косарям становилось невмоготу. А уже к обеду, когда солнце стояло в зените, косари приморились от однообразной и нелегкой работы. В предчувствии предстоящего обеда Петр Корнеевич первым снял свою рубаху, упревшую от соленого пота и выгоревшую от нещадно палившего солнца. Тела казаков, не тронутые загаром, выглядели словно сметаной намазанные. Чуть погода, отдышавшись и придя в себя, сделали косари небольшой перекур, и каждый из них с косою на плече начинал продвигаться к своему балагану, потому что наступала пора полудновать.

Корней Кононович положил свою косу на валок сочной свежескошенной травы. Потом он не спеша вытянул чистую тряпку из-за пояса, вытер пот со лба и шеи, снял мокрую, липнувшую от пота к спине домотканую рубаху и взглянул на яркое, нещадно палившее солнце, которое, как он убедился, приблизилось к полудню.

– Должно быть, пора и пообедать. Кличь, Петро, баб! – сказал он усталым, пересохшим голосом.

Петр Корнеевич по старой привычке заложил два пальца в рот и, глядя туда, где на противоположной стороне их делянки маячили знакомые белые женские косынки, пронзительно, до рези в ушах свистнул. Как только мать и жена повернулись в его сторону, помахал им руками, приглашая к своей повозке.

Запах цветочной горечи тернов будоражил его молодую душу. Их разросшиеся кусты подступили со стороны редкого леса к восточной части земельного надела Богацковых. Преду-

смотрительный Корней Кононович не позволял им сильно разрастаться и беспощадно выкорчевывал те, которые перешагнули допустимую межу и угрожали заполнить его землю. Глубокой осенью, когда первые морозы прихватывали переспелые, темно-сизые ягоды терна, Корней Кононович вместе со своей семьей приезжал на это место и любил собирать их впрок для взвара.

Теперь же Корней Кононович подошел к своему балагану, повесил косу на деревянный шарабан повозки и только тогда разогнул спину, затекшую от однообразной, утомительной дневной работы.

С нескрываемой вдруг нахлынувшей досадой этот умудренный жизнью казак вспомнил, что настала подходящая пора поговорить с сыном с глазу на глаз и заодно приструнить и образумить зарвавшегося в последнее время гуляку по поводу его беспутной семейной жизни. Раньше ему было некогда, а теперь время как раз пришло, чтобы без присутствия женщин наставить своего не в меру разгулявшегося сына на путь истинный.

Тут Корней Кононович спохватился и с неприязнью посмотрел на Петра, который стоял рядом и утирал рушником обильный пот на лице и на шее, а сам самонадеянно подумал: «Я этому бабнику сейчас рога враз обломаю!» – но явно переоценил свои возможности.

В передке повозки он быстро достал спрятанный там под соломой замусоленный кисет с махоркой, скрутил сигарку и закурил. Наконец, собравшись с духом и глядя на Петра исподлобья, решил затронуть большую семейную тему молодоженов и как бы между прочим, неопределенно, с иронической похвалой сказал:

– Цены тебе, дорогой сынок, нетути ... в базарный день!

Петр Корнеевич, не будь дураком, сразу почувствовал скрытый отцовский подвох. Тогда он вскинул голову, повесил свою озелененную соком травы косу на деревянный шарабан повозки рядом с отцовской, бросил туда же мокрый от пота рушник и сказал:

– Из твоих загадочных слов, папаня, я ничиво не понял.

– Не бреш! – оборвал его Корней Кононович и, как всегда, с присущей ему грубостью прибавил: – Я по глазам твоим вижу, што ты усе понял, но придуряишься.

Петр Корнеевич хмыкнул, но промолчал.

После короткой паузы Корней Кононович с язвительной усмешкой уставился на недогадливого сына своими недобро сверкнувшими черными глазами и, не щадя его самолюбия, с издевкой вдруг его огорошил:

– Ты у нас, Петро, ей-богу, как племенной обществанный бугай, который у нашем станишном стаде всегда готовый обслуживаить усех коров. Тот как на одну загулявшую корову глянить, так и других упустить боится, – И, уже без надобности резко повышая голос, продолжал распекать сына с утроенной силой, стараясь при этом побольнее стегануть его по глазам, пояснил: – Вот и ты, к придмеру, глянишь на одну станишную бабенку, и других тебе, черт побери, жалко оставить без удовлетворения. А ежели ты, паче чаяния, ищышь ту бабу, у которой ее завлекательные прелести расположены поперек задницы, а не вдоль, как у большинства этой породы, то зря теряешь время. Такой поперечной прелести ишшо на белом свете никогда не было. Видать, Господь Бог такую бабу ишшо не создал!

После этих слов Петр Корнеевич не знал, куда себя деть. Хоть бери и сквозь землю провались тут же в поле на этом месте. Чувствовалось, что крепко пригвоздил его отец своими словами к позорному столбу.

Чуть заметная вялая усмешка тронула пересохшие губы Петра Корнеевича, и он густо покраснел. Застигнутый врасплох отцовским возмущением, молодой шкодливый казак растерялся и долго не мог сообразить, что ж ему ответить в свое оправдание, поэтому некоторое время с недоумением смотрел на отца притворно не понимающими глазами и думал: «Ну, попала моему папане шлея под хвост, теперича только держись!»

Отцовская правда больно колола его глаза, но деваться было некуда, так что пришлось через силу, вымученно улыбаясь, выслушивать нелицеприятные упреки.

– А ты не дюже скалься, пакостник, и запомни, что это первый признак, что скоро плакать будешь, – заметил Корней Кононович и тут же подчеркнул: – Смех без причины – всегда признак дурачины, – И, перехватив Петрову едва заметную хитроватую улыбку, понял, что сыну хоть кол на голове теши, плюнул в его сторону и, ожесточаясь, прибавил: – Глядя я на тебя, Петро, распаскудился ты, ды так, что дальше уже некуда ехать! Одна срамота с тобою получается, ды и только! Уся станица уже знаить и гудить про усе твои шашни-машни!

Петр Корнеевич припираться с отцом не стал, закурил и молча в расстроенных чувствах отошел туда, где жадно щипали траву их стреноженные лошади. Они ошалело мотали мордами и секли хвостами липучих, надоедливых мух и кусачих оводов. Не без сладостного содрогания он вспомнил свои недавние похождения и прегрешения, которые кружили его молодую голову и за которые только что досталась ему нахлобучка от отца. Хоть и правду высказал ему в глаза отец, все равно от неприятной горечи на душе как-то стало не по себе. Выслушивать родительские хлесткие упреки и тошнотворную нотацию, конечно же, не мед пить.

Корней Кононович угадал, о чем думал Петро, и подошел к нему ближе. Он горько усмехнулся, укоризненно покачал головой и пытливо полюбопытствовал:

– Что, сынок, небось, правда глаза тебе колить? – В голосе у него появилась отеческая строгость. – Я с тебя, прохвост, всю дурь выбью, так и знай!

Петр Корнеевич пристыженно молчал, как воды в рот набрал, тупо глядел себе под ноги. Он хорошо знал крутой и непредсказуемый отцовский нрав. Корней Кононович хмурился и щурил хитроватые глаза. Искоса наблюдая за сыном, он заметил, как тот переменялся в лице. Перед глазами у Петра Корнеевича тем временем опять всплыли бессовестно-сладкие подробности недавних шашней-машней по женской части. Он явно чувствовал за собой вину, поэтому отцовский строгий разнос напраслиной не считал, но в душе противился признаться себе в этом. Более того, нюни распускать и откровенно каяться перед отцом вовсе не собирался. Тем самым показал свой характер. В нем чувствовалась упертая Богацкова порода. Поэтому Петр Корнеевич тут же притворился всерьез обиженным на беспощадного и своенравного родителя.

А Корнея Кононовича, в свою очередь, бесила упертость сына, не способного к чистосердечному раскаянию.

– Нет, сукин сын, – подумал он, – узял ба и раскаялся. Вот тоды и у мене малость полегчало ба на душе!

Никак он не мог успокоиться и продолжал в душе негодовать по поводу прескверного уличного поведения своего непутевого сына.

После этого предварительного разговора Корней Кононович пригласил сына расположиться в тени разлапистого старого куста боярышника высотой метра четыре. Там в полуденный зной все еще сохранялись остатки прохлады, и всюю пахло цветущим перегретым чабрецом, молодой полынью и горечью оцветавшего дикого терна. Петр Корнеевич знал, что этот куст боярышника был посажен предусмотрительным прадедом, покойным Харитоном Кондратьевичем Богацковым. Тот в свое время сам обихаживал его с особым нежным чувством благодарности за его спасительную тень от несносной летней кубанской жары. Своим сыновьям он наказывал, чтобы впредь как зеницу ока берегли они этот его любимый куст.

Когда перешли в тень под роскошно разросшиеся кусты боярышника и там присели на траву, Петр Корнеевич продолжал наблюдать за отцом исподлобья, жадно курил и о чем-то напряженно думал.

Корней Кононович чуть остыл и сменил гнев на милость.

– До чего ж ты, Петро, упертый уродился. Ума не приложу откуда ты такой узялся! – более спокойным голосом упрекнул он сына и сплюнул в сторону ком густой слюны. – Ишь ты, какой шкодливый, пакостник, а покаяться и не подумал!

Петр Корнеевич был так смущен и озадачен этим упреком, что не знал, как ему дальше вести себя с отцом.

Корней Кононович все еще продолжал хмуриться. Потом достал тряпку из-за пояса и долго тер ею лоб. Он тоже, как и сын, искоса наблюдая за ним, шурил хитроватые глаза.

После образовавшегося небольшого перерыва в разговоре с сыном Корней Кононович свернул толстую сигарку, высек кресалом о кремь сноп сизоватых искр, и трут, прижатый пальцем к кремню, начал медленно тлеть. Только тогда он не спеша прикурил и, откинув голову, пустил перед собой кольцо густого сизого дыма, после чего с ворчливым въедливым неудовольствием скорбным голосом спросил:

– Можить, тебе моча у голову ударила? – и в ожидании затянувшегося сыновьева ответа взвизгнул и подчеркнул с озабоченностью: – Ишь ты, сукин сын, моду узял по ночам шляться черт яво знать иде! Совсем, пакостник, от рук отбился. Как можно вести себя так легкомысленно? Ума не приложу! Вон, баба у него забрюхатела, уже на сносях ходить, а он, кобелина бесстыжий, кажную ночь на стороне преспоконенько разговляется, – И пригрозил: – Я тебе, сукин сын, заместо нашего попа Прокона так причашу своим арапником апосля твоего разговения, што ты мигом забудишь про усех своих зазнобушек!

Петр Корнеевич бросил свою сигарку в сторону.

– Каких ето тама, папаня, ишо зазнобушек? – спросил он отца в недоумении и поспешил добавить: – Ето бабския станишныя сплетни, и усе тут!

Неостывший Корней Кононович вопрошающе посмотрел на него сердитым взглядом и спросил:

– До каких же пор будить продолжаться твоя позорная процедура? А теперича скажи мне на милость, куды такая безобразия годится? Ты уже, Петро, докатился, что называется, до ручки и разшалючился так, что дальше уже и ехать некуда! Побойся Бога, Петро! – При этом Корней Кононович в сердцах плюнул себе под ноги и вытер рукавом губы.

Петр Корнеевич отвернулся, отрешенно глядел куда-то вдаль и нетерпеливо жевал размокший конец сигарки. Его тягу к гулюшкам на стороне и неискоренимому блюду мать воспринимала тоже крайне неодобрительно. Она старалась объяснить мужу эту позорную сыновью слабость несомненными колдовскими чарами его ненасытных зазнобушек, поэтому, проклиная их на чем свет стоит, обращалась за помощью ко всякого рода станичным чернокнижным знахарям и знахаркам.

Упертый Корней Кононович, будучи ревнивым блюстителем семейных казачьих устоев и человеком твердых правил, отмахиваясь, отвечал своей супруге:

– Усе ето бред сивой кобылы! Усе ето самая настоящая распущенность, которая предела не знает!

Исходя из своих соображений, он считал, что для того, чтобы выбить подобную дурь и блажь из головы, как он твердо считал, своего разболтанного и беспутного сына, по крайней мере, непременно нужен его ременный кнут или арапник. Других лечебных и профилактических средств Корней Кононович в данном случае не признавал и бредней о колдовском происхождении сыновней позорной слабости, на которые любила ссылаться его мягкотелая жена Ефросинья Платоновна, не брал в расчет и слушать такие доводы не хотел.

Петр Корнеевич и без отцовской тошнотворной нотации понимал, что так жить, как он жил, и вести себя дальше действительно нельзя, что его безответственные позорные безобразия не могут продолжаться в станице вечно незамеченными, что как ни хитри и ни лукавь, а шила в мешке не утаишь. Однако из-за непреодолимой пагубной распущенности Петр Корнеевич никак не мог отказаться от своей позорной привычки, которая была настолько заразной, что у него не хватало физических и моральных сил побороть ее в своей душе.

В сердце Петра Корнеевича гнездилась какая-то чертовщина и руководила соблазнительной похотью и помыслами, склоняющими его неустойчивый дух к прелюбодеянию. Несколько

оправившись от смущения и неловкости, он повернулся к отцу и, покусывая губы, с присущей ему беспечностью и наигранной веселостью в голосе отрубил:

– Вали теперича, папаня, на меня усе кулем, потом разберем!

Корней Кононович сделал несколько жадных затяжек и, поперхнувшись дымом, прокашлялся и только потом посоветовал:

– Остепенись, Петро, пока не поздно, не зли меня, Христом Богом прошу! – и с угрозой добавил: – Иначе я с тобой, ты мой характер знаешь, церемониться не буду. Я с тобой в кошки-мышки играть не собираюсь! Возьму в руки ременный арапник и выпорю как сидорову козу за твою беспутную жизнь!

У Петра Корнеевича вся кровь прилилась к лицу. Он вскинул голову, как норовистый конь, взнузданный опытным седоком, и, глядя на отца в упор, раздосадованно и с наглой откровенностью заявил:

– Я, папаня, представь себе, не баба, в подоле дитенка не принесу, так что вы за мене не дюже беспокойтесь, – И на лице его застыла язвительная усмешка.

Корней Кононович не ожидал такого ответа. У него даже в голове не укладывалось, что сын способен ему такое сказать, поэтому взвился от его все возрастающей наглости и очевидности торжествующего бесстыдства.

– Ты как со мною разговариваешь, растуды твою мать? – выкрикнул он в запальчивости срывающимся голосом и подхватился с места. – Ишь ты, моду узял... грамотей какой нашелси! – И впился в сына взглядом. – Ты, Петро, не дюже ерепенься и брыкайся, а то я такому норовистому и нахрапистому быстро ума уставлю! – Но чуть погода остыл и, понижая голос, со всей строгостью напомнил: – Бачилы, сынок, твои очи, шо куповалы, – потыкал он пальцем в сторону приближавшейся Ольги. – Теперича ештя хучь повылазьте!

Чуть заметная конфузливая усмешка пробежала по лицу Петра Корнеевича. Он хотел опять что-то вякнуть в свое оправдание, но куда там! Возбужденный отец не дал ему и рта раскрыть, чтобы слово вымолвить.

– Цыц, кому сказал! Подожди свой подмоченный хвост и помолчи, ради Бога, ссыкун, когда старшие с тобою говорить! Твое дело теперича телячье, обосрался и стой, покудова тебе задницу подмоют!

Петр Корнеевич подавленно вздохнул и вслед за отцом поднялся с места. Он беспечно зевнул, сладко потянулся и до хруста в костях развел назад руки, демонстрируя недюжинную силу своих широченных плеч. Былой гонор и спесь у него как рукой сняло. Он прекрасно знал, чем пахнет отцовская угроза, поэтому прикусил язык, стал тише воды ниже травы и, не зная, куда себя деть, начал ходить взад и вперед около куста боярышника и жадно курить. Его затяжное молчание, похожее на непонятное смирение, раздражало и льстило самолюбию отца. Невозмутимо попыхивая сигаркой, Корней Кононович поглядел на сына и подумал: «А дури у ниво хучь отбавляй! И в случай чиво совладать с таким мене будить чижало! Но ежели надобно будить, то как-нибудь постараюсь!» – и с добродушной хитрецей напомнил ему:

– Вот что, Петро, хочу тебе сказать. По-моему, ты по своей воле женилси и в немалья затраты мне втянул, поетому теперича нечего по чужим бабам шастать и творить безобразию. А для мене в станице одна неприятность получается, когда ты по ночам из дому уходишь и шляешься черт знаить иде. Заруби себе на носу и всигда помни, что твои гулюшки до хорошего тебе не доведуть, а семья у нас, казаков, – дело святое. Сбил трохи оскомину, и будя чудить.

Разговор с отцом у Петра Корнеевича получился нелицеприятный, но своевременный и нужный.

Ольга вместе со свекровью приближалась к повозке. Она заметила раздор между мужем и свекром и с тревогой на душе поделилась своим предположением со свекровью.

– Чтой-ся наш батюшка дюже размахивает руками, видать, не в духе и Петра, видать, благословляить за какиеся грехи, – высказала она свою небеспочвенную догадку.

Ефросинья Платоновна быстро заправила волосы, которые выбились из-под белой батистовой косынки, и ускорила шаг. У нее даже сердце екнуло, и лицо стало напряженно-озабоченным.

– Етому старому дуrolому недолго до такого раздора додуматься! Небось, с Петей что-ся не поделили и сцепились, как пауки у банке.

Корней Кононович не утерпел и тут же, не дожидаясь прихода женщин, решил промочить пересохшее горло. Недолго думая он ловко выхватил из передка шарабана спрятанный там в соломе покрытый изнутри коричневой глазурью пузатый глиняный кувшин с домашним хлебным квасом и через край сделал несколько жадных глотков. Квас, резковатый на вкус, шибанул ему в нос, только тогда он оторвался от кувшина, отрыгнул спертый воздух, вытер мокрую бороду и грудь и, впадая в назидательный тон, примирительно произнес:

– Семью, Петро, всигда блюсти и беречь надобно, как зеницу око! И последний мой тебе отцовский совет. Ежели тебя Бог разумом не обидел, то держись-ка ты, сынок, от всякого позорного греха подальше, не позорь нашу пристойную фамилию.

Разговор отца и сына получился для обоих явно не из приятных. Гадко стало у Петра на душе после такого профилактического общения.

Сегодня Корней Кононович решил больше не усугублять отношения с сыном. Он снизошел до того, что не стал затевать мордобой и руки марать. Чуть погода прикинул в уме и понял, что плетью обух топора-колуна все равно не перешибешь. Потом великодушно отложил свое строгое намерение до следующего более подходящего случая, если сын не одумается. При этом он решил, что если его сын Петро паче чаяния не соизволит извлечь из состоявшейся беседы должный урок, то к этому не поздно будет и спустя некоторое время возвратиться. Отцовский нюх подсказывал ему, что упустил он золотое времечко для воспитания своенравного и разболтанного сына, которому теперь хоть кол на голове теши, о чем приходилось только пожалеть. Корней Кононович в душе согласился с тем, что воспитывать распалючившегося здорового балбеса нужно не сейчас, когда он уже не вмещается вдоль лавки, а тогда, когда он помещался поперек нее. Если раньше его выходки воспринимались родителями как безобидные, потешные забавы, то теперь это выглядело иначе. Поэтому и результат получился плачевный. Корней Кононович только теперь понял, что поздно вато спохватился, и с ужасом вспомнил, что Петро и смолоду был не лучше, что дело постепенно шло к такому позорному финалу не один год. И несмотря ни на что, Корней Кононович остался доволен своим нынешним обстоятельно-строгим внушением сыну.

Петр Корнеевич растоптал окурок сигарки, расстелил под кустом рядом, вытканное матерью из разноцветных тряпочных лоскутов на домашнем деревянном ткацком станке. Поднял голову, а когда выпрямился, то не знал, чем заняться дальше.

Отцовский суровый разговор пришелся ему явно не по душе, однако виду подошедшим женщинам он старался не показывать.

Несколько минут в наступившем молчании отец и сын сидели в тени и опять курили в ожидании, когда женщины накроют на стол. Никто из них во время этой тягостной паузы не проронил ни слова. Никому не хотелось продолжать прерванный разговор. Неловкое положение наконец разрядил Корней Кононович. Он положил руку на плечо сына и, обведя взглядом бескрайнюю зазеленевшую степь, примирительным тоном сказал:

– Ты, сынок, на mine не обижайся, – И, с большим усилием подавляя в душе незваное чувство нахлынувшей жалости, добавил: – Что заслужил, то, как говоритца, и получил!

По всему было видно, что мужская размолвка на этом прекратилась.

На душе у Петра Корнеевича немного полегчало. Отцовское заявление он принял как должное и неизбежное, но без особого подъема энтузиазма и признаков ярко выраженной благодарности, поэтому чуть помедлил и, старательно подбирая слова, сухо ответил:

– А мне, папаня, обижаться нечиво! – И, как побитый кутенок, пошел к повозке искать себе какое-нибудь дело, без которого не мог себя чувствовать нормальным человеком.

Петр Корнеевич и раньше подозревал, что его разгульная жизнь не могла быть сплошным праздником, который способен продолжаться бесконечно, и всегда помнил поговорку, что сколь веревочке не виться, а конец все равно будет.

Вскоре подошли раскрасневшиеся, упаренные жаром солнца женщины.

Встретившись с женой взглядом, Петр Корнеевич, как шkodливый мартовский кот, опустил глаза. Ольга посмотрела на него с недоумением, не совсем понимая, что же на самом деле произошло между мужем и свекром. При этом что-то трогательное, робкое, почти по-детски беспомощное сквозило в ее взгляде. Ничего не подозревая, что могло бы объяснить создавшуюся ситуацию, она не стала терять время на разгадку и торопливо принялась помогать свекрови собирать обед. Ефросинья Платоновна достала со дна шарабана повозки узел со скудными домашними харчами, подала их снохе и как бы между прочим поинтересовалась у Корнея Кононовича:

– Чтой-ся вы тут, мои дорогие казаки, как мне показалось, о чем-то крупно и в сердцах беседовали? – И с вопросительной растерянностью глядела то на разгоряченного мужа, то на поникшего, в плохом настроении, сына, пытаясь угадать, что они могли тут не поделить.

Корней Кононович не спеша расчал ножом поданную ему снохой краюху хлеба, разложил ломти напротив каждого, присевшего к расстеленному на земле рядну, и, сверкнув недобрый взглядом на свою любознательную жену, отрубил:

– Усе будишь знать, быстро состаришься! – И тут же, переведя взгляд на сына, с рассеянной загадочностью весомо пропел: – Значится, было о чем нам, казакам, погудорить! Не вашего ума, бабы, это дело.

– А усе-таки? – продолжала допытываться сконфуженная, но уперто досужая Ефросинья Платоновна.

Корней Кононович не отмахнулся, как всегда, сдвинул к переносице густые кустистые брови, поднял угольно-черные глаза и метнул на любопытную жену свой тяжелый колюче-пронизывающий до озноба взгляд, и охота задавать какие-либо вопросы у нее сразу пропала.

Ефросинья Платоновна обиженно опустила глаза.

Корней Кононович немного подумал, хмыкнул с едва заметной хитровой усмешкой, поскреб под рубахой пятернею пропахшую потом волосатую грудь и как казак, давно усвоивший манеру отделяться в таких случаях от нежелательного ответа шуткой, уклончиво объяснил жене:

– Приставь, моя суженая, что я учу наше бестолковое чадо, как надо правильно сено косить, чтобы быстро не умориться! – И, до конца не проясняя сути своего недовольства сыном, не без призрачного намека добавил: – А заодно и грешную тему пришлось мимоходом затронуть. Без етаво в наше паскудное время никак нельзя обойтись!

По ответу мужа и по его вдруг помрачневшему лицу Ефросинье Платоновне нетрудно было догадаться, что он крайне недоволен недостойным поведением сына и его плохими супружескими обязанностями.

Петр Корнеевич, не находя себе оправдания, притих, и жгучее чувство стыда заставило его опускать голову все ниже и ниже. Стыд застил глаза.

Свекровь и сноха прошли к бочке с водой, которая лежала в задке повозки, налили в алюминиевую чашку воды и тут же наспех ополоснули руки. На ходу вытирая руки о свои цветастые фартуки, принялись спешно собирать обед.

С накипевшей обидой Ольга поглядела на гуляку-мужа осуждающим взглядом. Никак она не могла простить ему недавнюю измену и как бы между прочим полушепотом ему пригрозила:

– Я твоим гулящим зазнобушкам все патлы с корнем повыдираю, – И тут же как ни в чем не бывало разложила на попоне домашние скудные съестные припасы.

Ефросинья Платоновна пыталась шутить, но развеселить семейную компанию ей так и не удалось.

– Хватить балаболить, – одернул ее Корней Кононович.

А после этого разговор уже не клеился, хоть тресни.

Ели всухомятку и молча.

Когда с обедом управились, Ефросинья Платоновна извиняющимся голосом пообещала сварить кулеш после работы вечером.

На душе у Петра Корнеевича было такое ощущение, словно там кошки нагадили. И жизнь ему стала не жизнь, а так, одна тошнотворная тягомотина.

Однако расхолаживаться в страду было некогда. Сразу после обеда отец и сын молча продолжили косить траву, предназначенную домашнему скоту на зиму. А женщины решили во что бы то ни стало к вечеру закончить прополку бахчи.

Делянки через три от Богацкова земельного надела возле своего балагана сидел Артем Силантьевич и, понукая двух своих великовозрастных сыновей, привередничал. Ему казалось, что они не так косят, как ему бы хотелось.

Жена не вытерпела его необоснованных придирок.

– Сиди ты, отец, и помалкивай, не донимай детей. Тيبة усе равно не угодишь, – в защиту своих сыновей одергивала она слишком капризного мужа. – Вон погляди, ребята и так упарились на солнцепеке. Им пора бы сходить и освежиться прохладной водицей из Кубань-реки.

Когда солнце скатилось и приблизилось к закату, часть Богацковой земельной делянки, предназначенной для сенокоса, которая еще с утра наполнилась дружной сочной травой и яркими полевыми цветами, опустела и попросторнела. Обессиленные валки скошенной травы завяли и припали к земле.

Глава 8

В это время недалеко от Богацкова земельного надела появилась Нюрка жена Афона Вьюнова. Нюрку и ее муженька Афона в станице знали как облупленных бездельников и лодырей. Эта семейка у всех станичников была на виду и на слуху.

Иногда Афоня и Нюрка жили душа в душу, просто не разлей вода, как парочка голубков ворковали, любовались и миловались друг около друга. Тогда они забывали про все свои невзгоды и лишения и не могли нарадоваться такой жизнью. Со стороны любо-дорого было на них посмотреть, и можно даже позавидовать такому взаимопониманию и слаженности их взаимоотношений. Но такое времечко, когда они, как голубки, ворковали друг с другом, продолжалось недолго. Крутой поворот наступал неожиданно. Бывало, попадет вдруг ни с того ни с сего кому-нибудь из них шлея под хвост, тогда туши в хате свет. Закатывали они друг другу такие скандалы, что только держись. Очевидцам даже не верилось, и они диву давались такой резкой перемене в их семейных отношениях. Ведь недавно эта сладкая парочка жила совсем иначе, когда у них установилась такая неопишуемая идиллия необычайного умиротворения и удивительного взаимопонимания. Хотя, исходя из старых ярких наглядных примеров, очевидцы понимали, что иначе такие взаимоотношения развиваться не могли.

Частенько, после очередных жесточайших ссор и скандалов между Афоней и Нюркой наступала в их жизни черная полоса, то есть такой промежуток времени, когда они продолжали свое жалкое сосуществование, как неуживчивая кошка с собакой.

Однако эти люди не были злопамятными, поэтому долго не могли обижаться и сердчать друг на друга, и вскоре с необычайной легкостью забывали недавнюю вражду, как дурной сон. После естественного перемирия постепенно наступало должное прекрасное оздоровление в их недавно испорченных отношениях.

Если Афоня и дня без выпивки прожить не мог, то Нюрка без брехни и сплетен себя тоже не мыслила и дня прожить не могла. Без этого она и шагу не шагнет, а если и шагнет, то обязательно сбрехнет.

Нюрку и медом кормить не надо, а только дай ей преподнести благодарному слушателю свою очередную диковенную. Неизвестно откуда, появившуюся новость и хоть малость прихватить при этом. Станичники прекрасно знали Нюркину слабость, однако, каждый раз слушали ее с большим удовольствием, но правда не все.

Нюрка – баба непоседливая, разбитная и пронырливая, и не она будет, если не приврет или не преувеличит свою новость или выдумку. Делала Нюрка свое дело с большим природным мастерством. Без ее новостей жизнь в станице была бы намного скучнее и беднее. С такими попутчиками и жить станищикам гораздо веселее: что ни день, то новость, связанная с очередным развлечением по этому поводу.

А сегодня ночью, перед самой зарею, приниhsя Нюрке Вьюновой диковенный сон. Вроде бы она, каким-то образом попала на станичную площадь и там в растеренности долго находилась. Рядом с ней скопилось очень много казаков, которые рыскали по этой площади в поисках хороших поденщиков, для работы на своих земельных наделах. Одному из них Нюрка Вьюнова так приглянулась, што он, пристал к ней, как смола, и не отстал до тех пор, пока не уломал капризную и не стоворчивую бабу. Пришлось ей, в конце-концов, голаситься, но только после того, как набила она себе подходящую цену. Раненько утром Нюрка подхватиhsя со своей кровати и, не глядя на храпевшего Афона, который пускал непозволительные пузыри, быстро собралась. Выйдя из хаты, она подумала, что вот этот сон ей, как раз, тот, что надо. Уже находясь далеко в поле она шла уверенной походкой по дороге, которая вела ее к близлежащим казачьим земельным наделам, Нюрка, своим предчувствием, сразу определила, что ее утренний сон, не иначе, как вещий.

Не успел глазастый Петр Корнеевич разогнуться и мельком посмотреть вперед, как приметил Нюрку Вьюнову и указал отцу пальцем туда, откуда появилась нежданная и непрошенная гостья.

– Вон, папаня, кажись, Нюрка Вьюнова нарунжилась и чимчикуить прямо к нам, – сказал он отцу не без удивления, но и с не совсем понятным восторгом.

Корней Кононович после такого известия оторвался от косьбы и разогнул спину.

– Не сидится и не лижится етой, бездомной шалавы, у своей хате, и дажить сон ее, курву, видать, што не беретъ, – сказанул он таким голосом, как будто поприветствовал Нюрку издалека и с ожесточением плюнул в ее сторону.

Петр Корнеевич чуть поразмыслил и ут же заметил отцу:

– Голод, папаня, не тетка!

По пути следования, Нюрка, решила немножечко задержаться возле казаков Богацковых, чтобы поговорить с ними по душам и себя показать. А заодно, она питала не беспочвенную надежду, поэтому и подумала, что, смотришь, и работенка какая нибудь шальныя, тут, как тут, перепадет, чем черт не шутит. Тады и вещей ей сон в руку пойдет!

Нюрка легкая на помине, не заставила себя долго ждать, а когда подошла к Богацковой земельной делянке, то чуть отдышалась и с бойким наигранным видом на лице, которое изрядно тронули морщины, рискнула поприветствовать отца и сына.

– Здорово дневали, господа казаки? – поспешила она сказать и поглядела то на отца, то на сына, желая определить, какое впечатление произвела своим появлением на косарей.

Корней Кононович, обремененный работой, исподлобья недружелюбно посмотрел на Нюрку, не спеша свернул сигарку, закурил и только тогда сказал:

– Слава Богу, покель живем и казакуем, как надобно. Каждый день свой кровный хлеб-соль жуем и не бедствуем, как ты со своим муженьком-лодырем и конченным п्याницей Афоней! Теперича рассказуй, зачем приперлася? – Уже не глядя на Нюрку и не желая с ней сюсюкать, спросил он и, осененный догадкой, бесцеремонно поинтересовался: – Небось с очередной брехней приперлася, бездельница?

Не успела Нюрка и рот открыть, чтобы ответить на этот неприятный вопрос, как Корней Кононович согнул и опять разогнул, затекшую от утомительной работы, спину и, опершись на черенок косы, осуждающе посмотрел на гостью.

– Я дюжить боюся, Нюрка, штоба мне такая лихия работнички, как ты со своим Афоней, дажить в страшном сне приснились, кода – нибудь, среди ночи, – опережая заранее намеченную Нюркину задумку, высказал свое предположение, не в меру, догадливый Корней Кононович.

Нюрка поправила на голове свою белую батистовую косынку и заулыбалась.

– Вот и не угадали, уважаемый григориевскай кавалер. Я и не подумаю, апосля етова, проситься к вам на работу, – соврала она без тени смущения.

Догадливый Петр Корнеевич, глядя на нее, издевательским тоном подсказал отцу:

– Видать, папаня, Нюрка в помощники к нам пожаловала и не иначе, поетому ждеть покель мы ее слезно попросим.

Корней Кононович презрительно посмотрел на новоявленную поденщицу и, поперхнувшись дымом своей цыгарки, возмущился:

– Такую работницу, Петро, надобно гнать поганой метлой отседова к такой матери! – сказал он и тут же не без грубого намека неуважительно посоветовал: – Иди-ка ты, Нюрка, туды, откель пришла, и помогай тому, кому счас делать нечего!

Петр Корнеевич тоже за словом в карман не полез, не дал гостье опомниться и спросил:

– Штой-ся ты, Нюрка, худющая стала, как щука, опосля длительной зимовки?

Корней Кононович глянул с усмешкой на гостью и рассерженным голосом по этому поводу заметил сыну:

– А синичку, Петро, видать, посади хучь в пшеничку, она усе равно в одной поре будить.

Нюрка быстро оглядела себя и, как знающая себе истинную цену, с неотразимым задором, заметила своему главному обидчику:

– А по-моему, я девка, ишшо хучь куда. Напрасно вы, Корней Кононович со своим приредедливым сыночком, мною брезгуетя. – и быстро поправила свои груди под кофтенкой.

– Ух ты, какая казырная баба, – глядя на Нюрку подкусил ее невыдержанный Корней Кононович. И тут же неприминул ей заметить, на ее слишком завышенную самооценку, своими, до неприличия, колкими словами:

– Там у тебе, Нюрка, под кофтой, видать, спряталися не сиски, а два недозрелых прыща. Поетаму их без помощи очков и рассмотреть никак нельзя.

Нюрка на этот раз так возмутилась, что даже побелело ее лицо, но проявила завидное терпение и посмотрела на Корнея Кононовича своими бессовестными глазами.

– Вы, уроде ба уже и пожилой казак, а такое городитя, што и на голову не оденешь, – сказала она со сдержанным возмущением и, с завидной выдержкой, добавила, – ды я, ежели трохи подчипурюсь, то буду, усем понятливым нашим станишным казакам, на загляденье. Так, што отбою не будить от любителей разговеться и отвести свою грешную душу в любовных утехах. Я завсегда в одной завлекательной поре нахажуся, мне и старость ни по чем, штоба вы знали! А счас мне дюжить косануть хотца

Корней Кононович с насмешкой глянул на Нюрку и скривил губы.

– Иди, иди-ка ты, Нюрка, красавица неписаная, поскорее с глаз моих долой. Нечиво тебе тута мельтишить, своей худой задницей вилять и глаза мои мулить.

Нюрка, как и следовало ожидать, заупрямилась. Она завела руки за голову, сцепила пальцы в замок и до хруста в костях лениво потянулась. А спустя некоторое время по простоте своей необдуманно опять ляпнула:

– Эх, косануть ба счас!

Тогда Корней Кононович вынужден был ей напомнить и сорвался:

– Я ж тебе, курва, што сказал, штоба ты пошла ... А ты, как муха липучая, никак тебе не спровадишь. Счас жа проваливай отседова к такой матери, – посоветовал он и бросил в ее сторону окурочек своей сигарки, а потом добавил: – Тожить мне, косарь нашелси! – И наконец предупредил: – И не вздумай поворачивать к нашим бабам и отвлекать их от насущной работы своими брехнями.

– Тю, на вас, я и не думала заглядывать к вашим бабам. С чего это вы узяли? – обиженным голосом спросила Нюрка.

Корней Кононович опустил пятку своей косы на скошенный валок травы, глянул на беспечную Нюрку недобрыми глазами и оборвал ее с возмущением:

– Иди-ка ты, развеи-горе... Иди! И не просто иди, а иди, повторяю, к такой матери. Штоба и духу твоего, косарь задрипаный, тута не было.

Корней Кононович давно уже знал, что за Нюркой водится такой скверный грешок, что если эта бесстыжая бабенка прилипнет и начнет пичкать его женщин своими новоиспеченными новостями, тогда от нее им уже не отбрыкаться до тех пор, пока она не заставит их терпеливо выслушать весь ее несусветный бред. Поэтому Корней Кононович вынужден был сразу оборвать Нюрку и послать такую говорливую хлопотунью куда-нибудь подальше. Нераздумывая отшил он Нюрку и счел, что не зря так поступил в данном случае правильно.

Нюрка недолго лупала на Корнея Кононовича своими бессовестными глазами. После такой недружелюбной встречи она преспокойно подняла подол своей длинной, изрядно поношенной ситцевой юбки, вильнула своим худым задом и как ни в чем не бывало направилась к соседской земельной делянке, где орудовал Артём Силантьевич. Но ее там тоже не ждали. Однако Нюрка не теряла надежду, что там она непременно даст волю своим новостям, и ее выслушают люди добрые с превеликим удовольствием.

В далеке, на бледно – синеватой прогалине неба, маячила коричневая рубаха шепутного Артёма Силантьевича, который, возмущённо размахивал руками. При этом старый казак, который с молодости не терпел никаких возражений, делал какие-то замечания или распоряжения. Прежде всего он обращался к своей жене, а потом добрался и к двум засуетившимся невесткам, которым явно решил дать нагоняй. А своих работающих двух сыновей, которые увлеклись покосом травы, пока не посмел трогать.

До воспитания своих детей у Афони и Нюрки руки никак не доходили, и росли они, как сорная трава. Одни из них были дерзкими, а другие, наоборот, покладистыми.

Станичные казаки понимали, что их жизнь в станице без Афониных и Нюркиных выкрутасов была бы явно скучноватой.

Глава 9

Петр Корнеевич, угоревший от несносной дневной жары, после покоса решил перед закатом солнца малость освежиться в реке Кубани и сбить соленый пот с изрядно упревшего за день тела.

Недолго думая он быстро повесил свою косу на бок шарабана и только тогда сказал отцу: – Я, папаня, пройду к реке Кубани и там освежусь хучь трохи.

Голос у Петра Корнеевича сел и осип, тягучая слюна застревала в горле. Рубаха прилипла к спине и покрылась белесой солью.

Корней Кононович посмотрел на сына и с отцовской озабоченностью сразу же предупредил его:

– Вижу, Петро, что ты упарилси за день-деньской и весь разомлел, но будь поаккуратней, не додумайси в глыбь речки заплывать. Вода счас там ишо дюжить холодная, так и гляди, што судорога сведеть ноги, или ненароком простудишьси.

Петр Корнеевич не стал жену Ольгу отрывать от работы. Решил сначала сходить и сам испробовать воду, а потом уже в следующий раз и ее пригласить.

Распахнутая и звенящая степь волновала душу Петра Корнеевича.

Он торопливо шел по дну глиняной ложбины в балке, которая, спускаясь к реке Кубани, все больше углублялась и расширялась. При этом молодой казак ощущал, как снизу от приближающегося широченного русла реки тянуло желанной освежающей прохладой и едва уловимой сыростью. Склоны балки были усеяны порослью нетронутого травостоя вперемежку с песочного цвета перекасти-полем и желто-восковым бессмертником. Кстати, этот травостой сохранился нетронутым потому, что считался станичниками непригодным для покоса на сено домашнему скоту. Среди этих перезревших, жестких, неприхотливых трав, выгоревших на солнце до суховатой желтизны, особенно выделялись и бросались в глаза островки зелено-вато-белесых зонтичных цветков дикой моркови. А мелкие белоголовые и кустистые степные ромашки и сине-фиолетовые тонконогие фиалки были абсолютно без запаха и совсем не похожи на те, что растут возле окон казачьих хат в ухоженных палисадниках.

Впереди, шурясь от встречного низкого солнца, Петр Корнеевич наконец увидел вдруг открывшуюся его взору любимую, расплескавшуюся в низине реку Кубань.

Величавая и полноводная, она несла с ледников далеких Кавказских гор талую воду, сдобренную желтым глиняным илом и поэтому похожую на бледно-кофейную гущу. С Богацковой делянки река Кубань была не видна, потому что была закрыта лобастым, выжженным под палящим солнцем супесчаным бугром. Сверху лысину этого бугра прикрывали желтовато-восковые цветы неприхотливого бессмертника.

Река Кубань, поспешая и полнясь у подножия крутого глинистого правобережного обрыва, бежала, прорываясь к Азовскому синему морю.

Теперь Петр Корнеевич совсем другими глазами, нежели в раннем детстве, взглянул на любимую реку. Раньше она по утрам, накрывшись легкой сизовой тюлевой дымкой, словно живая, в своей неутомимой работе дышала пресной речной испариной. Как и прежде, река Кубань огибала косу, которая образовалась из намытого песка вперемежку с серовато-отполированной галькой, и протянулась от противоположной стороны к правобережью. Где-то на середине реки острая оконечность галечно-глиняной косы уходила, погружаясь вглубь нее. На поверхности этой косы грелись под солнцем мелкие речные чаечки, а также причудливые коряги, выброшенные половодьем и похожие на Змея Горыныча с несколькими корнями-щупальцами. Эта коса, на удивление всем станичникам, протянулась почти до самой быстро текущей середины реки. Минувя эту загадочную косу, течение реки устремлялось в глубину, засасывая все, что попадалось. Когда на ее поверхности возникали воронки с круговыми

разводами, казалось, что гневно кипящая в этом огромном котле вода, приправленная желто-глинистым киселем, выбрасывала всю муляку из глубины реки наверх.

А на противоположном левом берегу реки, низком и заболоченном, в тихих мелководных прибрежных заводях плескалась жирующая рыба, с которой перешептывались дремавшие вербы, наклонившиеся к самому зеркалу воды. Прежде чем спуститься по тропинке вниз к самому берегу, Петр Корнеевич остановился над обрывом и осмотрелся.

С головокружительной крутизны правобережного желто-глиняного обрыва пологое левобережье казалось совсем близким и было окаймлено белесыми раскидистыми вербами и белолистками, а за ними притаились густые заросли орешника-фундука, переходящего в сплошной массив малоценных пород деревьев, который потом сливался в одно зеленое пространство. Этот лесной массив простирался над берегом Кубань-реки до самых отрогов Кавказских гор, заливая все обозримое пространство едкой, приторной зеленью. Где-то там, окутанные сизоватой вечерней дымкой, спрятавшись от досужих казачьих глаз, уже дремали черкесские мирные аулы.

Бездонная чаша неба, опрокинутая над головой, казалась Петру Корнеевичу безумно недостижимой. По ней лениво и вразброд тянулись, застыя солнце, отливающие снежной холодноватой белизной стога ватных невесомых облаков. На юго-западной стороне этой чаши неба хороводили проворные сгустки туч, налитые плотной синевою, стараясь искромсать небо, из-под которых змеились далекие голубовато-пламенные всполохи разгульных хвостатых молний. Потом слышался отдаленный приглушенный басовитый хохот грома, и, стараясь перечеркнуть кляксы туч, четко обозначились где-то далеко жидкие нити косога дождя, подсвеченные скупыми лучами спрятавшегося за тучами солнца.

Дожди на Кубани в предгорьях Кавказских гор в летние жаркие дни не обходились без гроз. В такую пору они часто ополаскивали далекие притихшие горы, умывали лес и старались вдоволь напоить предгорное пестротравье и ненасытную сухую землю черкесов, у которых аулы спрятались по правую сторону реки Кубани. Оттуда сквозь речную и лесную сырость прорывался в сторону станицы Кавнарской легкий ветерок. В летний зной желанная прохлада держалась под глиняной кручей почти до полудня. Там рождался бодрящий сквознячок и устремлялся по балке в гору. Потом он подступал к самым казачьим наделам, уже духмяный, терпкий, с едва ощутимым черкесским дровяным дымком, смешанным с настоем разнотравья. Петр Корнеевич старался дышать полной грудью, но никак не мог надышаться. При этом он ощущал, как дурманно и хмельно пахло всеми остальными прелестями кубанского лета.

Там, на юго-западе, где матовое зеркало Кубань-реки, расплескавшись, делало по-над станицей Кавнарской замысловатую петлю, садилось багрово-дымное солнце и как бы подожгло позолоченные купола двуглавой станичной церкви. Сама же станица, утонувшая в зелени садов, так же, как и черкесские аулы, абсолютно не просматривалась.

Кругом волюшка вольная, поэтому бродила в душе Петра Корнеевича хмельная казачья удаль. Северо-восточный шаловливый ветерок, вдруг сорвавшийся с угоревшей под палящим солнцем казачьей степи, подкрался к измученным жаждой непричесанным белолисткам. Они возмущенно шумели на другой стороне реки Кубани, наклонились к самой воде, готовые испить ее. Ветерок, заигрывая с ними, взлохматил их непокорные макушки. От ощущения приятной бархатной прохлады эти застенчивые деревья робко и стыдливо выворачивали наизнанку свое посеребренное нижнее белье и, как нецелованные невесты, смущенно и с укором нашептывали вслед ветерку что-то приятно-загадочное.

Из-под ладони, приставленной ребром к бровям, шурясь от все еще ослепительного перед закатом кубанского солнца, Петр Корнеевич еще долго и пристально смотрел в сторону притягательно-манящих аулов, которые укрылись от досужих казачьих глаз за стеной густого леса. С какой-то щемящей сладостью вспоминал, как ему показалось, только что пролетевшее мимо,

приятно проведенное там и безвозвратно ушедшее времечко, и недавнюю отцовскую встряску как рукой сняло.

На косе, которая простиралась до середины реки Кубани, по мелководному перекату бесновалась такая речная рыба, как усач, жерех и чернопузик, а длинноносый краснюк пугливо держался поглубже на почтительной глубине. У самого уреза берега по разводьям воды жировал усатый сом, прицельно гоня дурную зазевавшуюся там рыбешку, которая ошалело, пулей, со страху выскакивала из воды и, распластавшись серебряным дождем, шлепалась на глинисто-мутноватую поверхность.

Петру Корнеевичу казалось, что это вовсе не вода, а жидковатый желтый кисель, сваренный экономной станичной хозяйкой.

Рядом с промышлявшим сомом всполошилась стая станичных пугливых гусей и, чувствуя смертельную опасность, хлопала крыльями по воде, будто пугала коварного обжору и своим скрипучим, угрожающим гоготом предупреждала его, что она на чеку и готова постоять за себя. Но голодный сом иногда и гусями не брезгует и обязательно зацепит, если заманчивая добыча зазеваается и попадетс я ему в зубастую пасть.

На другой стороне реки на макушках высоких белолисток в изобилии гнездились серые длинноногие цапли, заботливо потчуют своих голозадых птенцов пойманными в прибрежных заводях лягушками.

Из густого леса, как из пустой бочки, слышался голос кукушки, которая была всегда готова любому загадавшему подсчитать своим кукуканием, сколько осталось ему жить на этом свете.

Слева от Петра Корнеевича, прилепившись к стене желтого глиняного обрыва, то и дело с криком ныряли в свои земляные норы разноцветные щурки, большие любители пожирать станичных пчел.

Над водой кое-где с тревожным попискиванием летали совсем непривлекательные мелкие черноголовые речные чайки размером чуть больше стрижа.

Рис. 2. Алексей Иванович Автономов в своём личном вагоне. 1919 год Главнокомандующий вооруженными силами Кубанской советской республики.

Глава 10

Станичники знали, что Петр Корнеевич водил дружбу не только с мирными черкесами, аулы которых находились на противоположной стороне реки Кубани, а их постройки закрывал от посторонних глаз густой лес. Молодой казак частенько втихаря якшался и со своенравными абреками, которые скрывались и жили в густых прикубанских лесах на другой стороне реки. Не только абреки, но и другие черкесы его чтили и относились к нему с подчеркнутым уважением. Порой станищикам казалось, что это были друзья просто не разлей вода. При этом в ближайшем ауле, куда Петр Корнеевич частенько заглядывал, отзывались о нем с гордой похвалой и величали его не иначе как настоящий джигит, потому что ценили в нем безграничную удаль и твердость характера, а еще за то, что слов на ветер он никогда не бросал.

Конечно, не безгрешен был Петр Корнеевич, но казак действительно что надо – на загляденье всем станичным невестам удался. Со стороны посмотреть – он картинно красив и казак хоть куда. Любо-дорого полюбоваться таким молодцом. Он всегда свеж, чисто выбрит, подтянут.

В своих движениях Петр Корнеевич гибок, ловок и стремителен, как прыткая дикая кошка. С виду чувствовалось, что и силой природа его не обидела. Выправка у молодого казака чисто гвардейская. На осеннем станичном смотре Петр Корнеевич занял первое место по рубке лозы и по танцам.

Глаза у молодого казака темно-карие и пронизательно жгучие. Чертовски ладно скроен, притягательно красив, да и ростом вымахал, слава Богу, метра два. Весь в отца пошел, а вот ума, как считал его отец Корней Кононович, пока не набрался. Однако широкие плечи и достаточная узость талии создавали удивительную гармонию картинно-атлетической пропорциональности. Его ладно скроенная мускулистая фигура и стройная привлекательная выправка были предметом загляденья и вызывали у многих станичных казаков достойное восхищение. Им казалось, что этого молодого казака-красавца не один год до седьмого пота муштровали на плацу и готовили не иначе как для грандиозных парадов или напоказ во время ответственных встреч особо высокопоставленных персон при царском дворе. Его своенравный, холеный, белокопытный конь ахалтекинской породы молодому казаку под стать. Видно, недаром его друзья-абреки, что скрывались в лесах за рекой Кубань, знали толк в лошадях, поэтому конь Петра Корнеевича вызывал у них затаенную зависть и трепетное восхищение. Не будь Петр Корнеевич их уважаемым закадычным кунаком, давно не видать бы ему, как собственных ушей, этого белокопытного красавца.

– Казалось бы, что ишшо надо? Вот вам готовый казак для службы в гвардии его Величества Самодержца Российского, – раскатал губы перед односельчанами Корней Кононович.

Он спал и видел и не представлял иначе дальнейшую судьбу сына, поэтому частенько бахвалился:

– Пойди сыщи в станице другого такого молодца! Такие казаки, как мой сын, на дороге не валяются!

Ему хотелось, чтобы сын его непременно попал на службу в Санкт-Петербург в тот привилегированный казачий полк, в котором раньше служил его всеми уважаемый в станице покойный прапрадед Тарас Григорьевич Богацков.

Однако жизнь, будь она неладна, его сыном Петром распорядилась по-своему. Недаром же в станице всегда говорили, что казак полагает, а Бог располагает.

И надо ж такому случиться, на очередном станичном придирчивом смотре перед самым призывом Петра Корнеевича на службу, как на грех, въедливо-крючковая комиссия из Екатеринодара забрала его коня. Корней Кононович тут же повесил нос. Никак не мог согла-

ситься с такой вопиющей несправедливостью. Жизнь его, окрашенная черной безотрадностью, стала нестерпимой.

– Многие, как и я, хотя в рай, да грехи, видать, не пускают, – с огорченной самокритичностью пожаловался он жене обреченным голосом.

– Бедному жениться, и ночь коротка, – сочувствуя мужу, поддержала его Ефросинья Платоновна.

Как ни бился Корней Кононович, как ни старался, но так и не смог доказать свою правоту, что конь его сына несправедливо и не без участия станичного богача Кривохижи забракован. Атаман и члены станичного правления Корнея Кононовича не удосужились выслушать и развеять его небеспочвенные подозрения. Он даже в Екатеринодаре понюхал двери высокопоставленного казачьего начальства, но до правды так и не смог достучаться.

А тем временем вместо Петра Корнеевича на службу в Санкт-Петербург послали двух молодых станичных призывников – Луку Топчанова и Антона Краснобрыжева, которым по всем статьям было очень далеко до Петра Корнеевича. Зато их зажиточные родители вовремя успели как следует задобрить тех, кого следовало, от кого зависела судьба их чад.

Пронзительный орлиный взгляд и смуглое, совсем нерусское лицо Петра Корнеевича вызывали у очарованных станичных невест трепетное восхищение, которое потом сменялось какой-то трудно объяснимой суеверной робостью и смятением.

Видно, не зря поговаривали станичники, что прапрабабушка Петра Корнеевича согрешила с каким-то черкесским князем. По воле судьбы случилось то, что должно было случиться. В те далекие времена мужья-казаки, участвуя в длительных военных походах, надолго отлучались из дома и оставляли на произвол судьбы своих молодых жен. А ведь черкесские аулы, как на грех, располагались рядом, под боком, у станицы. Вот и попробуй молодухе удержаться от греха и сохранить верность! Сын прапрабабушки не вернулся из дальнего похода, и она в защиту невестки всем любопытным станичникам старалась затыкать рот и всегда говорила:

– Чей бы бычок ни прыгал, а дитяtko все равно наше!

Таким образом был сохранен род кубанских казаков Богацковых.

С малых лет за ее праправнуком Петром Корнеевичем закрепилась совсем не безобидная кличка Черкес с прибавкой необузданный. Видно, была в том доля правды, потому что в предка своего пошел.

С малых лет Петр Корнеевич уже неплохо знал язык и обычаи адыгов из близлежащего аула Хатажукай. Относился он к ним с должным уважением, поэтому среди них был своим человеком. Он постоянно и с интересом изучал адыгейский гортанно-мягкий язык и, к удивлению гостеприимных друзей, довольно быстро начал сносно говорить на их наречии, так что в ауле Хатажукай всегда был желанным гостем и чувствовал себя там, как свой среди своих. Когда ему исполнилось лет шестнадцать, его чуть не женили на застенчивой местной черноокой красавице Назурет. Однако к тому времени Петр Корнеевич в своей родной станице уже ухлестывал за Ольгой Паршиковой и намеревался на ней жениться, но не только поэтому он не мог изменить своего твердого намерения, а потому, что знал за собой грешок непостоянства. Такое у адыгов с рук не сходило и было неппростительным. Он понимал, что если в станице ему по этой части многое прощалось, то у черкесов этот заскок не пройдет. Последствия измены черкешенке были чреваты большими неприятностями, а можно было и жизнью поплатиться. Законы адыгов на этот счет твердые и непоколебимо жестокие. В случае каких-то недоразумений, осложнений брата Назурет, отпетые абреки, в обиде свою обманутую сестру не оставят и обязательно отомстят за ее поруганную честь. А ссориться с ними Петр Корнеевич никак не хотел. Такая раскладка не входила в его дальнейшие далеко идущие планы. Поэтому он, как старый кот-гуляка, проявил необходимую осторожность и осмотрительность и вежливо дал понять влюбчивой Назурет, что впереди ему предстоит длительная служба. Грубоватое полу-

чилося вранье, но зато в глазах своих кунаков он выглядел настоящим джигитом и оставался в ауле желанным гостем.

Глава 11

На западных границах Российской империи уже вовсю разгорелась и полыхала Первая мировая война, развязанная психически неуравновешенным и амбициозным кайзером Германии Вильгельмом Вторым.

Здравомыслящему кубанскому казаку трудно было поверить, что эта жестокая и кровопролитная война между кайзеровской Германией и Россией будет иметь реальное место в тогдашней истории, так как кайзер Германии Вильгельм Второй приходился кузеном Российской императрице Александре Федоровне, а также троюродным дядей Российскому царю Николаю Второму. Однако случилось то непоправимое, что должно было случиться по воле капризной судьбы.

В связи с такой военной обстановкой вскоре после рождения сына Алешки вручили Петру Корнеевичу Богацкову мобилизационное предписание, чтобы он вместе со своим конём и всей необходимой амуницией в указанный пункт сбора для срочной отправки на Западный фронт. И загудел Петр Корнеевич туда под фанфары. Там уже сражались доблестные подразделения кубанских казаков, которые состояли из таких, как он,

У приунывшего Петра Корнеевича никакой охоты расставаться с отчим домом, со своей семьей и с родной станицей не было.

На проводах при напутствии сникшего сына в дальнюю дорогу Корней Кононович, с сочувствием глядя на него, заметил:

– Служба, Петро, дело святое, от нее не отбрыкаться и не отбояриться, – Потом обратил внимание на кислое сыновье лицо и резковато, строгим голосом подчеркнул: – Не хотела, Петро, коза на базар итить, а ее заналыгали и силком туды повели. Так и твое теперешнее дело.

Мать Ефросинья Платоновна и ее сноха Ольга на проводах Петра долго и нудно голосили навзрыд.

Сначала попал Петр Корнеевич на сборы под Новочеркасском. Там в то время находился на непродолжительном отдыхе Кавнарский кавалерийский полк, который сильно поредел за время двухлетней войны на Юго-Западном фронте. Его спешно доукомплектовали новобранцами, такими, как Петр Корнеевич Богацков, и бросили в самое пекло войны – на Барановичское направление Юго-Западного фронта, которым командовал тогда небезызвестный старый и заслуженный генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт.

Главная задача Кавнарского кавалерийского полка состояла не только в том, чтобы под страхом смерти не давать уставшим и вконец разуверившимся в справедливости войны солдатам самовольно покидать свои осточертевшие окопы, но и самим делать дерзкие вылазки в тыл врага, а в случае необходимости контратаковать или отбивать его атаки.

Здесь, на Юго-Западном фронте, в Первую мировую войну, судьба нечаянно свела Петра Корнеевича Богацкова с его земляком, кубанским казаком подьесаулом Андреем Григорьевичем Шкуро, уроженцем станицы Пашковской, что располагалась тогда вблизи города Екатеринодара. Шкуро был сначала младшим офицером Третьего Кавказского корпуса, вскоре был произведен в подьесаулы и некоторое время находился на Юго-Западном фронте в составе Третьего Конного корпуса, которым командовал граф генерал Федор Артурович Келлер.

От природы подьесаул Шкуро Андрей Григорьевич был неумным авантюристом, поэтому, не теряя времени, выступил со своей инициативой по организации партизанской дивизионной сотни, которая показалась высшему начальству привлекательной, и ее тут же одобрили. По этому поводу Шкуро был вызван в Могилев в ставку Походного атамана казачьих войск Великого князя Бориса Владимировича. Там во время испытания зажигательных пуль подьесаулу Шкуро посчастливилось находиться рядом с Государем, Наследником Цесаревичем и генералом от инфантерии Генерального штаба Михаилом Васильевичем Алексеевым,

который в то время был общепризнанным крупнейшим военным российским авторитетом, и другими высокопоставленными лицами.

Вскоре при поддержке начальника штаба Походного атамана казачьих войск Великого князя Бориса Владимировича и полковника Генерального штаба Африкана Петровича Богаевского подьесаул Шкуро организовал партизанский «Кубанский конный отряд особого назначения» из шестисот исключительно кубанских казаков. В самом начале своих дерзких вылазок в Минской губернии и в районе Южных Карпат этот отряд заходил в тыл противника и успешно уничтожал там его мосты, артиллерийские склады и обозы. Во время одного из таких рейдов он разгромил штаб германской дивизии и захватил в плен его командующего.

Затем подьесаул Шкуро вместе со своим отрядом совершил успешный рейд на глубину семь верст в тыл австрийцам и, не понеся при этом почти никаких потерь, захватил в плен около шести тысяч вражеских солдат и офицеров.

Будучи на Юго-Западном фронте в составе конного корпуса генерала Ф.А. Келлера и подвергая свою жизнь явной опасности, Шкуро установил связь между 21-й пехотной и 1-й Донской казачьей дивизиями.

Согласно Георгиевскому статусу, лихой подьесаул Шкуро приказом по войскам 4-й армии Юго-Западного фронта за N 413 от 29 января 1915 года был награжден Георгиевским оружием с присвоением генерала.

Природная лихость, склонность к авантюризму и нестандартным решениям начали выдвигать Шкуро в первые ряды военачальников Первой мировой, а затем и Гражданской войны на Кубани.

Шкуро до конца своих дней старался быть оригинальным. При достижении своих целей не брезговал ничем, ни совестью, ни честью и в своих действиях придостжении намеченной цели был не предсказуем.

Примечательно, что со временем он сам и бойцы его партизанского отряда осознали свое исключительное положение в царской армии и вместе со своим своевольным генералом придумали собственные атрибуты. Одним из них стало черное знамя с изображенной на нем волчьей головы, а шапки казаков-партизан, по приказу генерала Шкуро были сшиты из волчьего меха. Вполне возможно, что эту идею Шкуро позаимствовали у опричников Ивана Грозного, которые для устрашения своих врагов всегда ходили в боевой поход с притороченной к седлу собачьей головой. А черное знамя с головой волка, в свою очередь, породило новое неофициальное название партизанского «Кубанского конного отряда особого назначения». Генералы, сослуживцы Шкуро по Юго-Западному фронту, частенько отпускали шуточки по этому поводу и все чаще стали называть его отряд «волчьей сотней» или просто волками, так как в атаку казаки-партизаны ходили с боевым кличем, подражая волчьему вою. Немцы оценили голову Шкуро в 60 тысяч рублей. По тем временам сумма была весьма приличная.

Когда строптивый Петр Корнеевич Богацков попал в волчий отряд генерала Шкуро, то волчье обмундирование ему сразу не понравилось. Он возмутился, потому что этот, молодой кубанский казак, привык носить свою родную кубанку, поэтому наотрез отказался надевать шапку из волчьего меха, которая воняет псиной. Когда об этом услышал самолюбивый и вспыльчивый Шкуро, то утром, перед строем, для начала высказал Петру Корнеевичу свое крайнее неудовольствие и пристыдил его.

– Ты, Богацков, должен благодарить Господа бога за то, что он сподобился и дал тебе возможность служить в моем престижном «Кубанском конном отряде особого назначения». А ты, как привередливая и капризная баба нос воротишь. Если тебе не нравится служба под моим командованием, то я могу тебе помочь перейти к другому генералу. Хорошенько поди, а потом мне скажи.

Совсем скоро и совершенно случайно, как на грех, после очередного затяжного боя, по дороге к своим конюшням, подвернулась навстречу Петру Корнеевичу смуглолицая и вызыва-

юще грудастая, с большими и по детски озорными черными глазищами, местная раскрасавица, похожая на цыганку. Ее обворожительная улыбка и гортанный, с цыганским акцентом соблазнительный голос тронули его до глубины души. Таких притягательно – красивых, как ему показалось, он и с роду в своей жизни еще не видел, поэтому, сидя в седле, машинально потянул на себя уздечку, чтобы замедлить шаг своего коня. Липучая и настырная незнакомка увязалась за ним и шла рядом слегка запыхавшись. Судя по ее решительному намерению, отставать она и не подумала. Сослуживцы, по очереди обгоняя Петра Корнеевича, с недоумением и завистью разглядывали его спутницу. Один из них даже не выдержал, сначала хихикнул и дружку своему с удивлением на лице во все услышанье ляпнул:

– Неужели это Петровой жонушке не в моготу стало. Видать, што не утерпела казачка сиднем сидеть в станице и решила припереться сюды тольки для того, чтоба проведать своего запропастившегося муженька! Вот это настоящая диво! – когда поравняся с Петром Корнеевичем, то осененный и польщенный своей догадкой, понимающе подмигнул незнакомке, ударил шенкелями под бока свою лошадь и заразительно, как конь заржал. А чуть погодя он не утерпел, повернулся назад и не без зависти, с отчаянием прибавил, – Видать, што ни каждой курве везеть в етой проклятой жизни! Атут впору хучь караул кричи и помирай без бабы!

В Кавнарском кавалерийском полку, который был расквартирован в Прикарпатье, на границе с Австро – венграми, рядом с «Кубанским конным отрядом особого назначения», быстро распространился нехороший слухок и вызвал разноречивые толки.

Во время передышки между очередным боем один из сослуживцев Петра Корнеевича не выдержал и с недоумением спросил:

– Можить тебе, служилый, моча ударила в голову? Ты што ж это, земляк, учудил, узял и отбил у свово командира генерала Шкуро яво любовницу, – и, ужаснувшись, предостерег, – Ведь он же тебе никогда не простит такова позору.

Вскоре так и вышло. Подослал генерал Шкуро своих троих, с виду физически крепеньких лизоблюдов, которые отозвали Петра Корнеевича в сторону и объявили ему, что поговорить надо. Потом они долго с ним не чванились. Двое из них взяли Петра Корнеевича под белые ручки, а третий подпихал сзади и волоком потащили его, с глаз долой, от лишних свидетелей подальше, за глухую стенку полковой конюшни. Там и началась жестокая и не шуточная драка, не на жизнь, а на смерть. До тех пор пока их разняли, то попало Петру Корнеевичу с полной лихвой, всмятку разбили ему лицо и крепко посчитали ребра. Но он тоже не оплошал. Одному задире, самому гонористому, Петр Корнеевич постарался так ловко приложиться, что с первого удара выбил челюсть и вышиб памороки напрочь. Тем самым аккуратненько уложил его на землю, да так, что тот долго дико стонал и больше до конца драки не поднялся. А двух других, которые более стойко держались на ногах, изуродовал, как черт черепаху, но с ног не сбил. Этих молодых казаков, таких продажных земляков, Петр Корнеевич раньше, в станице и в глаза никогда не видел, поэтому и знать не знал, а теперь, после случившегося, и, давным-давно, даже видеть не хотел при случайной встрече. В полковом лазарете провалялся Петр Корнеевич с полмесяца. Там его и следователь, который вел дело о случившейся драке, для вида посещал неоднократно для того, чтобы якобы разобраться и докопаться до истины, и все-таки определить виновника, который затеял такой позорный мордобой. Генерал Шкуро в закулисной доверительной беседе с этим следователем заранее договорился, конечно же, за предварительное денежное вознаграждение, что виновником драки должен быть непременно Петр Корнеевич Богацков. В результате денежная взятка сделала свое дело.

Состоявшийся суд, который друзья Петра Корнеевича, заранее называли с презрением и не иначе, как судилище, состряпанное, на скорую руку, и догадывались, что не без помощи и участия генерала Шкуро конечный результат этого суда, для их товарища, будет плачевным. Суд длился не долго, вскоре судья уже готов был объявить драчуну, Петру Корнеевичу, пять годочков тюрьмы строгого режима, а прокурор предложил уменьшить этот срок до трех лет.

Но в это время слово на суде вдруг попросил полковник Носов Петр кузьмич, которого уполномочил сам генерал Алексей Ермолаевич Эверт, довести судебное расследование до спрведливого логического завершения.

В связи с такими обстоятельствами Петру Кузьмичу следователю по особо выжным делам вменялось который прежде вел это уголовное дело, оказать недоверие прежнему следователю и заменить его новым следователем, который должен более внимательнейшим образом разобратся с подсудимым. Вот поэтому решение суда отложили. Если раньше Петр Корнеевич недопонимал свои любовные похождения и серьезность своего теперешнего уголовного дела, то после заседания суда почувствовал его весьма опасный и не приятный запах.

Шкуро с некоторых пор скрытно воловодился с местной молодой и смазливой женщиной, которая, как только увидела его подчиненного, красивого и статного казака Петра Корнеевича, так сразу же положила на него свой наметанный глаз. Она не недолго присматривалась к новому избраннику и, вскоре, это липучая развратная бабенка, взяла и переметнулась к нему. Не посмотрела эта провинциалка, из захолустного прикарпатского городка, на то, что Шкуро все-таки генерал и часто дорогими гостинцами ее баловал. Совсем с ума сошла и не подумала о том, что в какую грязную историю она втянула своего молодого любовника.

Петр Корнеевич тоже совсем потерял свою голову и, как кот к теплой печки, так и прилабунился к смазливой холостячке. И не подумал, своей охмелевшей, от сомнительной любви, голову, что же он натворил и какую опасную беду сам на себя наклик.

Генерал Шкуро был от природы казаком зломстительным и обид своих старался никому и никогда не прощать. Недолго думая подговорил он своих трех приближенных казаков из станицы Темижбекской, дескать, разберитесь с этим капризным землячком и дайте ему понять, кто здесь командир. В тот же день вечером после нелюбезных разговоров между Петром Корнеевичем, которого Бог силой не обидел, и двумя самонадеянными и задиристыми молодцами завязалась нешуточная драка, которая закончилась для них большими увечьями, и они попали в полевой лазарет. В этой драке Петру Корнеевичу тоже немало досталось. Однако ему как устроившему недозволенный мордобой, который привел к серьезным увечьям двух казаков, грозил военно-полевой суд.

Генерал Шкуро, был большой любитель поиздеваться над такими ершистыми подчиненными, как Петр Корнеевич Богацков. Когда Петр Корнеевич после выздоровления вышел из госпиталя, то во время построения на плацу, то генерал Шкуро остановился напротив него, глянул ему в глаза и, потирая руки, процедил сквозь зубы:

– Приготовься, голуба, скоро тибя потянуть туды, куды надо. А там за рукоприкладство по головке не поглядать! Могут и к стенке поставить.

Перевозбужденный Петр Корнеевич, охваченный крайней ненавистью, тут же схватился за рукоять своего кинжала, метнул на подьесаула недружелюбный взгляд и решительно шагнул в сторону обидчика. Такое отношение подчиненного оказалось Шкуро не по нутру. Он тоже был казак не робкого десятка, но, чувствуя неминуемую опасность, стал быстро расстегивать кобуру своего револьвера. Короче, как говорится, нашла коса на камень! Дальше сыр-бор разгорелся нешуточный.

Дня через три, как и следовало ожидать, состоялся полевой суд, который ничего хорошего Петру Корнеевичу не сулил. Но тут один кубанский казак, сотенный есаул Михаил Карпенко, который не поленился появиться на суде, потому что хорошо знал отца Петра Корнеевича, полного Георгиевского кавалера Корнея Кононовича Богацкова, попросил у судьи слово, поднялся со своего места, перекрестился и назвал себя. Есаул Карпенко не преминул напомнить судье и присяжным про геройскую заслугу Петра Корнеевича Богацкова, который во время недавней атаки неприятеля находился справа от его сотни, оторвался с горсткой казаков и увлек их за собой. Потом зашел с этими казаками в тыл неприятеля и порубал множество немецких солдат. Остальные уцелевшие отступили и позорно бежали с поля боя. Есаул

Карпенко также с огорчением заявил, что он уже подготовил генералу Ф.А. Келлеру рапорт о награждении бесстрашного Петра Корнеевича Богацкова за его геройский поступок по меньшей мере Георгиевским крестом четвертой степени, но недавняя досадная драка помешала это сделать. На лице судьи появилась гордость и восхищение. Таким известием он был поставлен в тупик. Однако Петров серьезный проступок, связанный с недозволенным мордобоем, по долгу службы спустить на тормозах никак не мог. Господа присяжные, видимо, восхищенные героическим поступком Петра Корнеевича, немного пошептались. На этот раз Петру Корнеевичу повезло, и он отделался строгим нагоняем и был предупрежден, что при повторном самоуправстве ему грозит неминуемый расстрел.

Убежденный монархист, генерал от кавалерии, «первая шашка России» Ф.А. Келлер как опытный командир и генерал старой закваски прекрасно понимал, что два пострадавших казака после возвращения из полевого лазарета обязательно отомстят Петру Корнеевичу Богацкову и учинят самосуд.

После окончания суда генерал Третьего кавалерийского корпуса Ф.А. Келлер по просьбе есаула Михаила Карпенко приказал Петра Корнеевича Богацкова перевести в его в сотню, подальше от своенравного подъесаула А.Г. Шкуро. А Петр Корнеевич Богацков, несмотря на грозящую опасность, будучи себе на уме, некоторое время не хотел уходить от Шкуро. Для себя он уже наметил то, что во время ближайшего боя обязательно пустит пулю в спину ненавистному Шкуро. Но приказ генерала Келлера Петру Корнеевичу Богацкову пришлось выполнять, и его задумкам не суждено было сбыться.

Командующий Уссурийской казачьей дивизией генерал-майор Алексей Ермолаевич Эверт, как только услышал про стычку Шкуро с молодым кубанским казаком Петром Корнеевичем Богацковым, был крайне возмущен тем, что Шкуро в своем волчьем отряде умышленно старался не замечать того, что его кубанские казаки никогда не упускали подходящий момент, чтобы прибрать к рукам то, что им не принадлежит, но плохо лежит и таким образом их соблазняет.

А после связи Шкуро с женщиной легкого поведения, которая стала истинной причиной драки, еще больше невзлюбил подъесаула Шкуро, как выскочку и любителя закулисных интриг, поэтому оценивал впоследствии действия его волчьего отряда весьма негативно.

В беседах с генерал-майором Крымовым Александром Михайловичем генерал-майор Алексей Ермолаевич Эверт неоднократно подчеркивал, что такие офицеры, как его подчинённый Шкуро, злопамятны, эгоистичны и беспощадны к тем, кто посмел встать на их пути, но вида стараются не показывать.

Вскоре, по настоянию командира Третьего Конного корпуса генерал-майора Крымова Александра Михайловича, который сменил на этом посту генерала Келлера, партизанский отряд Шкуро был отозван с участка корпуса, и его партизанские действия после нескольких неудачных вылазок были признаны неэффективными.

Рис. 3. Краснов Петр Николаевич Генерал-майор Русской императорской армии, атаман Всевеликого войска Донского, военный и политический деятель, писатель и публицист

Глава 12

Большевики, которые 7 ноября (25 октября по старому стилю) 1917 года захватили власть в России, заключили 15 декабря 1917 года в Брест-Литовске сепаратное перемирие с такими воюющими державами, как Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария. Это перемирие дало возможность вывести обескровленную Россию из кровопролитной Первой мировой войны, которая длилась уже более трех лет. Не успело Брест-Литовское сепаратное перемирие вступить в силу, как в России началась Гражданская война.

Революционная октябрьская кровавая смута в 1917 году, как омерзительная ядовитая гадюка, с быстротой смертельно опасной молнии, проползла по всей необъятной территории Российской империи. А вскоре она добралась и до кубанских раздольных степей и своим острым сабельным хвостом, казалось, без особого труда расколола кубанское казачество, как бурелый арбуз, на две половинки. Одна из них, к возмущению некоторых станичных кубанских казаков бывших верноподданных царю и Отечеству, начала вызывающе и подозрительно краснеть, а другая с завидной, непоколебимой и упрямой твердостью продолжала оставаться уперто белой.

Видимо, благодатная духовная почва для вскармливания на кубанской земле красной бесовщины в тот революционный трагический промежуток времени оказалась, как и везде по России, вполне подходящей.

Эта смута, словно грязный омут, начала засасывать в свою трясиину, как неискушенных пловцов, малоимущих кубанских казаков из станицы Кавнарской.

Когда Российский царь Николай Второй по приказу Временного правительства был арестован и вместе с семьей помещен под домашний арест в Царском селе, то в умах его верноподданных кубанских казаков, большинство из которых искренне любили царя и переживали за судьбу своей Родины, начался разброд и неразбериха. Известие об аресте царя Николая Второго до умопомрачения потрясло кубанское казачество, но не сломило его вольнолюбивый дух, стремление к свободе и справедливости.

Изо дня в день накалялись низменные, братоубийственные страсти среди этого царского верноподданного кубанского казачества, подогреваемые смертельным наркотиком красной пропаганды. Часть простодушных малоимущих казаков, которые попали в сети революционных политических хитросплетений и передрыг, восприняла все эти агитационные бредни с легковой доверчивостью. Будучи умело одураченными, заразительно призрачной свободой, сомнительным равенством и братством, такие казаки необдуманно поддались необъяснимому соблазну. Вот поэтому некоторые из них так легко переметнулись на сторону покрасневшего казачества. Позже они, уверовав в свою безнаказанность, так распоясались, что принялись с особым удивительным рвением и слепым усердием беспощадно крушить все и вся кругом. При этом некоторые красные казаки делали свою грязную работу с каким-то завидным голодным старанием и непонятным наслаждением своей жестокостью. Видимо, вездесущий бес восторжествовал в сознании этих заблудших казаков и начал с необычайной силой управлять их легковыми душами. Именно этот дьявол впоследствии всячески подстрекал необузданный и низменный накал страстей к братоубийству. Всю эту загадочную и непредсказуемую революционную жестокость и оголтелую разнузданность красного казачества никак нельзя было увязать с его недавней повседневной христианской набожностью и преданным служением царю-батюшке и своему отечеству.

Глава 13

Десятого февраля 1918 года малочисленная белогвардейская Добровольческая армия под командованием генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова выступила с Дона и с боями совершила свой безумный героический Первый Кубанский поход, который заранее был обречен на неудачу.

Добровольческая армия сформировалась 15 ноября 1917 года в Новочеркасске по инициативе царского генерала М.В. Алексеева. Ее командующим был назначен генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Другой более подходящей кандидатуры, по соображению не оказалась. В то время эти малочисленные белогвардейские силы и армией-то назвать было грешно. В сущности, сначала это была не армия, а большой офицерский партизанский отряд, в составе которого числилось 36 генералов, 2103 офицера и 1067 рядовых (в том числе 467 юнкеров и кадетов старших классов). Столько воинов Русской императорской армии, собравшихся на Дону после Октябрьского переворота, решили, что не имеют права сложить оружие и разойтись по домам в конце проигранной Великой войны, закончившейся оккупацией Отечества красным большевистским Интернационалом.

Сформированная Добровольческая армия должной и своевременной поддержки от местной буржуазии и от донского казачества, прежде всего необходимых денежных пожертвований, не получила, поэтому вынуждена была покинуть город Ростов перед занятием его превосходящими силами красных. Выхода из создавшегося катастрофического положения не было, и генерал Корнилов решил двигаться на Кубань на соединение с войсками Кубанской Рады. Численность и боевые средства Добровольческой армии были плачевны. Незнание окружающей обстановки, холод и лишения усугубляли ситуацию.

С необъяснимым упорством Добровольческая армия Корнилова двинулась на Кубань в свой первый (ледяной поход) Кубанский поход, который не увенчался успехом. Однако этот тяжелейший поход на пределе человеческих сил, связанный с огромными потерями, вопреки ожиданиям торжествовавших красных, закалил и стал новым рождением Белого сопротивления.

Так начался первый Кубанский (ледяной) поход Добровольческой армии.

Предпринятая белогвардейцами четырехдневная отчаянная попытка штурмом взять столицу Кубани город Екатеринодар, а затем очистить Кубань от ненавистных им большевиков, для перспективного командующего белогвардейской Добровольческой армией генерал-лейтенанта Лавра Георгиевича Корнилова оказалась последней.

13 апреля 1918 года в его штаб, расположенный в станице Елизаветинской, попал снаряд, выпущенный красными. Старшие офицеры, склонные к мистификации, не беспочвенно поговаривали, что в смерти их боевого друга было что-то непременно мистическое. Оправдывая свои умозаключения, они вспомнили, что именно генералу Корнилову Л.Г. Временное правительство поручило взять под арест Российского царя Николая второго и всю его царскую семью, что генерал Корнилов Л.Г. и сделал без колебаний, тем самым принял на свою душу непростительный грех. Видимо, поэтому ему было суждено своею смертью искупить свой тяжкий грех предательства Помазанника Божия.

После трагической гибели генерала Л.Г. Корнилова командование белой Добровольческой армией принял генерал А.И. Деникин. Этот генерал сумел с честью вывести остатки своей белой армии из-под фланговых вражеских ударов, а так же избежать ее дальнейшего смертельного окружения и полного уничтожения красными. В конце апреля 1918 года Добровольческая армия под командованием генерала А.И. Деникина благополучно отступила на Дон для того, чтобы затем начать свой второй Кубанский поход.

Летом 1918 года генерал А.И. Деникин со своей Добровольческой армией опять появился на Кубани.

Вот тут и развернулись жестокие и по долгу непрекращающихся, затяжные бои Добровольческой армии с войсками красных с переменным успехом.

Генерал Врангель Петр Николаевич был назначен командиром 1-й конной дивизии, составленной главным образом из кубанских и терских казаков. На этой должности его ждали серьезные проблемы, так как казаки долгое время не считали его "своим". Тем не менее ему удалось восстановить уставную дисциплину и многому научить белую конницу. Авторитет его укрепился во время октябрьских боев под Армавиром, в сражении за Ставрополь, во время рейдов в ставропольских и ногайских степях.

За успешные бои под Ставрополем в ноябре 1918 года генерал Врангель П.Н. был произведен в генерал-лейтенанты и по приказу Главнокомандующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта Деникина стал командовать Кавказской Добровольческой армией. Теперь Врангель П.Н. отличала от остальных черная черкеска с орденом Святого Георгия на газырях, черная папаха и бурка. Именно таким он и остался на многочисленных фотографиях периода Гражданской войны и эмиграции. Ряд станиц Кубанского, Терского и Астраханского войск приняли Врангеля П.Н. в почетные казаки. Уже к концу 1918 г. весь Северный Кавказ контролировался Кавказской Добровольческой армией под командованием генерала Врангеля.

По договоренности между ее Главнокомандующим генералом Антоном Ивановичем Деникиным и Донской армией, которой командовал генерал Петр Николаевич Краснов, их силы объединились и стали называться Вооруженными силами Юга России (ВСЮР).

Услуги, которые Врангель оказал армии, оправдали ожидания Антона Ивановича Деникина. С самого начала Врангель показал себя выдающимся кавалерийским начальником, который отлично разбирался в боевой обстановке, умел брать на себя ответственность, принимать решения на месте. Оценив в нем качества полководца – искусство маневра, порыв и энергию, – генерал Деникин, всецело доверяя Врангелю, с искренней радостью продвигал его по службе. Повышения следовали одно за другим с невероятной быстротой.

Высокого роста, на голову выше толпы, худой, поджарый, с зычным голосом, Врангель нравился войскам своей запоминающейся внешностью и манерой держаться. Он даже сумел подчинить себе своевольных и трудных людей вроде генерал-лейтенанта Виктора Леонидовича Покровского и генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро.

С ростом роли всей Добровольческой армии юга России быстро росла в ней и роль барона генерал-лейтенанта Врангеля, как командира Кавказской Добровольческой армии, которого Кубанская Рада наградила Орденом Спасения Кубани 1-й степени.

Когда на фронте у белых сложилась аховская ситуация, хитроватый и чрезмерно нагловатый, самонадеянный кубанский казак Андрей Григорьевич Шкуро воспользовался этим и обратился в Кубанскую раду со своим ультимативным требованием, чтобы там не мешкали и немедленно присвоили ему воинское звание генерала. При этом Шкуро заявил, что он, казак, не гордый, и на всякий случай припугнул думцев, что в случае отказа удовлетворить его требования переметнется на сторону красных, где его уже якобы давно ждут с нетерпением. Думцы сначала заартачились, но тут же пошли на попятную и согласились с требованием Шкуро.

Спустя два года во время Гражданской войны в России распоясавшаяся «Волчья стая» в волчьих шапках, под командованием уже генерал-лейтенанта властолюбивого Шкуро А.Г. рыскала по ставропольской земле и громила красных на северном Кавказе. На хуторах и в станицах Ставрополя эта «Волчья стая» наводила ужас среди мирного населения своим крайним беспределом.

Генерал Врангель, как командующий Кавказской Добровольческой армией юга России, в своих донесениях постоянно докладывал своему непосредственному вышестоящему начальнику генералу Деникину А.И., что в районе Кисловодска ошивается волчья стая генерала

Шкуро А.Г., которая занимается партизанщиной, грабит и убивает неугодных ему людей. Однако генерал Деникин А.И., зная старую неприязнь Врангеля к Шкуро, обшел это донесение молчанием, а Врангелю посоветовал пока воздержаться от крайних мер. В то время обстановка в белой Добровольческой армии не позволяла принимать крайних репрессивных мер. Несмотря на это генералу Деникину А.И. все-таки пришлось срочно отзвать генерала Шкуро А.Г. в своё распоряжение потому, что при подготовке к решительному штурму Екатеринодара, где прочно засели красные, требовалось родкрепление.

Спустя месяца четыре после Брест-Литовского сепаратного перемирия, которое было подписано между Россией и австро-германцами в Бресте 15 декабря 1917 года, командир Кавнарского казачьего кавалерийского полка полковник Харлампий Фомич Стародубцев получил из Ставки Российской царской армии зашифрованную телеграмму от генерала царской армии Алексея Михаила Васильевича, который во время Первой мировой войны фактически руководил всей русской армией. В этой телеграмме Кавнарскому кавалерийскому полку предписывалось не мешкая сняться со своих боевых позиций и немедленно направляться на Кубань для того, чтобы оказать там неоценимую помощь белой Добровольческой армии под командованием генерала Деникина А.И.

Только месяца через три удалось, наконец, с большим трудом, организовать отправку Кавнарского казачьего кавалерийского полка. В тупике, на железной дороге в Барановичах, полковник Стародубцев наконец сумел погрузить своих кубанских казаков вместе с лошадьми и со всей их амуницией в поезд с теплушками и через Киев, Ростов в срочном порядке направился в сторону Екатеринодара. На вопросы любопытных однополчан отвечал скупко, что война с немцем для них закончена, и направляются они на родную Кубань в распоряжение Добровольческой армии. Однако толком никто из кубанских казаков, кроме Стародубцева, не знал о существовании Добровольческой армии.

Поезд, на который был погружен Кавнарский казачий кавалерийский полк, досадно медленно телепался по железным дорогам. Начальники железнодорожных станций иногда отказывались выполнять распоряжения полковника Стародубцева. Тогда, по законам военного времени, ему приходилось применять силу и припегнуть к расстрелу саботажников. Случалось, что из-за всякого рода проволочек поезд по целым неделям, а иногда и больше, застревал на железнодорожных станциях и полустанках по каким-то непонятным трудно объяснимым причинам. Первые несколько недель казаки, от нудного безделья, азартно резались в карты. Потом, когда игра в карты надоела и пыл спал, то проклятая нудьга у многих казаков засела в душе и стала угнетать до отчаяния.

Ранним утром в конце мая 1918 года товарняк с казачьим полком остановился на глухом разъезде около кубанской станицы Платнировской. Затем заспанные, осунувшиеся от усталости и ожидания казаки по приказу командира начали нехотя выгружаться. Выскочил и Петр Корнеевич вместе с остальными казаками-сослуживцами на безлюдный перрон, с жадностью хватанул чистого пьянящего кубанского воздуха и только после этого огляделся вокруг своими скучающими глазами. Некоторые казаки опередили его и уже дымом своих цыгарок принялись коптить и без того неприветливо-пасмурное небо.

Сзади Петра Корнеевича один казак вдруг сказанул крамольные слова:

– Видать, што кому война, а кому и мать родна!

– Ты, умник доморощенный, закрой свой паганый рот, – приструнил его виду строгий казак, оказавшийся рядом с ним, и прибавил, – иначе я тебе закрою твоё хлебало своим кулаком.

Тут, откуда не возьмись к компании Петра Корнеевича, которая кучковалась возле своего вагона и разминалась, подскочил коротконогий, низкорослый и невзрачный казачишка. Этот невмеру суетливый и никогда неунывающий казачек сделал артистичный выпад вперед и несколько раз заразительно прихлопнул в ладоши, вроде бы тем самым вызывал Петра Корне-

евича сплясать «Наурскую». После того, как этот острый на язык казачек, который считался в полку, как доморощунный стихоплет, лихо притопнул то одной, то другой своей кривой ногой, вроде бы собираясь пуститься в пляс, но передул. На минуту приостановился он, с задором подмигнул Петру Корнеевичу, и до безобразия гнусавым голосочком, но без чувства злорадства, вдруг развеселым голочком пропел:

– Самолет летел колеса терлися, нас неждали здесь, а мы приперлися!

Петр Корнеевич, осуждающим взглядом и с неудовольствием посмотрел на развеселого и поясничавшего стихоплета.

– Дураков у нас не сеют и не пашут, оны сами рождаются! – сказал он неодобрительным простуженным голосом.

В это время, после гибели генерала Корнилова, Командующий Добровольческой армией уже командовал генерал Деникин А.И., который с нетерпением ждал с Юго-Западного фронта обещанное генералом царской армии Алексеевым Михаилом Васильевичем крайне необходимое подкрепление.

Кавнарский казачий кавалерийский полк прибыл в его распоряжение как нельзя кстати. И тут же был передан в подчинение генералу от кавалерии Ивану Георгиевичу Эрдели, который в апреле 1918 г. командовал отдельной Конной бригадой, а затем 1-й конной дивизией Добровольческой армии под командованием генерала Корнилова и готовился к штурму Екатеринодара.

Казачи не успели с дороги отдохнуть как следует, а тут приказ: всем по коням! К вечеру Кавнарский казачий кавалерийский полк стал обходить Екатеринодар со стороны станции Пашковской, чтобы отрезать красных конников, которые прикрывали кубанскую столицу. Генерал Эрдели как опытный стратег решил, что предстоящее смертельное кольцо окружения для красных окажется мышеловкой.

Петр Корнеевич Богацков без особой прежней молодой горячности выполнял этот приказ. Он, как вкопанный сидел на своём коне и с каким-то скучающим видом и безразличием на лице, рассматривал в пригороде Екатеринодара, брошенные на земельных делянках, сухие кукурузные бодылья.

Почти в течение двух лет пребывания на Юго-Западном фронте Петр Корнеевич Богацков немало горюшка хлебнул и лиха хватанул по самые ноздри. Вдоволь покормил он вшей своей кровью и только там понял, почему фунт лиха.

Невольно вспомнил он, как первый месяц боевых действий на фронте многократно полегло таких, как он, слепых котят. Петра Корнеевича Бог миловал, потому что он денно и ночью молил его, и все обошлось. После легкого ранения попал он в полевой лазарет и целый месяц провалялся там на вонючем деревянном топчане, который пропах карболкой. Там ему один раненый ветврач, сосед по топчану, которого величали Изей Соломоновичем, открыл глаза, за кого они, кубанские казаки, не жалея живота своего здесь на фронте из кожи лезут и кровь проливают. Какие-то смешанные и не совсем понятные чувства сейчас овладели Петром Корнеевичем. Чувствовалось, что чахоточный прочно и надолго заронил в его душу негодующее чувство вопиющей несправедливости.

Казалось бы, все невзгоды перенес Петр Корнеевич мужественно и стойко, как и полагалось настоящему кубанскому казаку, но перед Екатеринодаром на него накатило. За два года войны надоели придирки своих офицеров. До тошноты натерпелся издевательских унижений и от другого осточертевшего полкового начальства. Не с руки ему с ними стало в Кавнарском кавалерийском полку. Хватит! Эта занозистая и неотступная мыслишка засела и сверлила его голову уже давненько. И решил он наконец обозначить свою четкую гражданскую принадлежность, о которой в свое время не один раз напоминал и долго вдавливал ему в замороженную голову в полевом лазарете его наставник Изя Соломонович. После этих проклятых наставлений ум у Петра Корнеевича совсем расступился. Теперь он

А здесь Петру Корнеевичу как раз и представился удобный случай, чтобы осуществить давно задуманное мероприятие и покончить со всеми своими сомнениями.

Среди ночи, во время одной из вылазок в тыл врага, Петр Корнеевич бросил свой Кавнарский кавалерийский полк на произвол судьбы и с необыкновенной легкостью переметнулся на сторону красных, чтобы, как ему казалось, изменить вокруг себя несправедливую и опостылевшую жизнь к лучшему. Возле близлежащей станицы, около Екатеринодара Петр Корнеевич, нанизывая в душе одну нелепую мысль на другую, остановил коня и не без содрагания в теле посмотрел в бездонное небо. Вдруг ему сделалось так страшно, что он уже хотел повернуть назад, к своим. Его конь нетерпеливо фыркал, вроде бы поторапливал своего нерешительного хозяина-семидума, чтобы тот побыстрее сделал свой выбор или выбросил из головы свои намерения о предательстве, как дурь несусветную. Тогда пружинисто оттолкнулся он от земли и очутился в седле, сглотнул комок слюны, подступивший к горлу, пришпорил коня под бока шенкелями и, отпустив поводья, все-таки, как умалишенный, направился к намеченной цели.

Совсем потерял молодой казак свою забубенную головушку и, как азартный картежный игрок, отчаявшись, сказал себе, как отрезал:

– Эх, была, не была! Ты кубанский казак, Петро Корнеевич, или тряпка! Пора действовать. Знай, что двум смертям не бывать, а одной все равно не миновать! Ну, с богом.

Таким образом, боясь упустить подходящий момент и долгожданную удачу, одним махом срубил он тот сук, на котором всю жизнь прочно сидел сам и все его предки кубанские казаки.

На окраине Екатеринодара стояла невзрачная хатёнка, на скорую руку крытая прогнившим камышом. Вот туда на зорьке и препроводили Петра Корнеевича переметнувшегося на сторону красных. В теплушке этой хаты, прокуренной до блевотины, на голом столе без скалтерти, горела семилинейная лампа под жёлтым прокопчённым абажуром. Худосочный мужчина, сидевший за столом, повернулся в сторону Петра Корнеевича, который остановился у порога, сдвинул очки на лоб, и мельком, без особого интереса, взглянул на вошедшего незнакомца. А потом он, посапывая, нагнулся к своей замусоленной амбарной тетради, и, подслеповато щурясь, стал огрызком карандаша, что-то тщательно выводить на её лощёном листе бумаги. При этом он придирчиво рассматривал свою замысловатую писанину то слева, то справа. Таким образом, любовался ею, испытывая внутреннее удовольствие. Ещё с порога, справа от себя, Петр Корнеевич приметил странного мордатого мужчину, который произвёл на него впечатление, как человека, не протрезвевшего со вчерашнего жуткого перепоя.

Писарь, сидевший за столом, повернулся в сторону мордатого мужчины и не с того, не с сего, как с цепи сорвался:

– Ты чиво, Юхим, чи совсем заснул и храпишь на усю хату, как загнанная лошадь!

Юхим, не поднимая головы, нехотя огрызнулся:

– Ежели б ты, Севастьян, с недельку не поспал, как я, то не только захрапел ба, а, небось, пузыри начал ба пускать с одного места и не иначе!

Севастьян повернулся к Юхиму лицом и невозмутимым равнодушным голосом пояснил:

– Я, к твоему сведению, Юхим, какся, недавно, в етим месяце, дней десять подряд не спал и ничиво, как видишь живой остался.

Петр Корнеевич тем временем невольно взглянул на Юхима и стал пристально рассматривать его до безобразия воспалённые веки глаз.

Когда ободнялось, то после соответствующей немудреной проверки у красных, определили его в эскадрон двадцатипятилетнего лихого казака Ивана Антоновича Кочубея, который вначале 1918 года тоже дезертировал из белой армии. Там он в свое время служил под командованием Шкуро.

Тогда Петр Корнеевич понял, что кинулся он сломя свою забубённую голову из огня да в полымя. С тех пор пошла его непутевая жизнь кувырком и закружила его, как щепку, в

мутном революционном водовороте. По всему видать было, что долго тыкался молодой казак, как слепой котенок, в поисках желанной миски с молоком.

В конце концов поступил Петр Корнеевич, видимо, так, как вездесущий бес указал ему дорогу и положил на его грешную душу тяжкую ношу изменника Российскому царю и своему Отечеству.

Не иначе как накатило на взбалмошного и ополоумевшего молодого казака затмение, ум за разум зашел, и пошел он своим сомнительным путем, полагаясь на то, куда кривая дороженька его выведет. А впоследствии ему было над чем серьезно задуматься и не один раз.

После соответствующей немудреной проверки у красных определили его в эскадрон двадцатипятилетнего лихого казака Ивана Антоновича Кочубея, который в начале 1918 года тоже дезертировал из белой армии.

Во время Первой мировой войны Кочубей был призван в царскую армию на Юго-Западном фронте тоже попал в партизанский отряд подъесаула Шкуро, своего будущего противника. Там его вскоре назначили старшим урядником. За исключительную храбрость при выполнении боевых заданий он был награжден двумя Георгиевскими крестами.

Когда дезертир Кочубей, уже будучи дома, в своей станице Александро-Невской Баталпашинского отдела Кубанской области, сделал опрометчивое предложение атаманской дочке красавице Матрене, но ее отец, атаман станицы, не дал на то своего родительского благословения. А жениху с оскорбительным пренебрежением сказал, что гусь свинье не товарищ! После ссоры с атаманом Иван Кочубей вместе со своим братом и тремя станичными друзьями организовал конный красногвардейский отряд, во главе которого и принял участие в обороне Екатеринодара от Корниловской Добровольческой армии во время ее первого Кубанского похода.

Теперь Иван Антонович Кочубей во время неожиданной встречи с Петром Корнеевичем с большим трудом припомнил тот случай, когда Петра Корнеевича Богацкова в Прикарпатье судили за избиение двух молодых казаков, приближенных к Шкуро. Поэтому Кочубей махнул рукой и твердо сказал:

– То булы коварные задумки Андря Шкуро, хай ему грец!

Вот так, после воспоминаний о былой службе, они и подружились.

В двадцатых годах прошлого столетия во время крайней нищеты, неопишемого горя и безысходности то белела, то зеленела, то краснела казачья подневольная Кубань. Такое изменение цвета происходило вовсе не от капризной прихоти природы, а от стыда и позорного бессилия самих кубанских казаков. Многие из них пытались удержать прежнюю царскую власть, чтобы она, Боже упаси, никогда не покраснела. Все это рождало в душах некоторых мятущихся казаков в станице Кавнарской сатанинский накал низменных страстей, поэтому кругом творился разлад и суцая неразбериха.

Самые нестойкие из казаков, зараженные междоусобицей, совсем забыли о Боге и о своём царе – батюшке. Некоторые из них, поддавшись соблазну Антихриста, который манил их в призрачное светлое будущее, словно сбесились, переметнулись на сторону красных и стали неузнаваемыми.

Неукротимая дьявольская сила, выплеснувшись из таких обманутых казачьих душ наружу, рождала страшную, неуправляемую ярость, злобу и ненависть. Какая-то нечеловеческая жажда крови, как в пьяном угаре, переборолла в таких казачьих сердцах тяжкий вселенский грех. После науськивания совратившего их Антихриста размежевала эта бесовская сила падшие, ослепленные непонятной враждой и мстью казачьи души. И заставила она их с удивительной, преступной легкостью поднять руку брата на брата, а сына на родного отца.

Вот так полыхнула на многострадальной кубанской земле хмельная красная смута, и начал торжествовать холодновато-шемящий христианскую душу кровавый шабаш вездесущего дьявола, который с великой легкостью охватил всю зараженную им Россию.

Таким образом, Антихрист-искуситель внедрил в душу своего сподвижника и проповедника идей вселенского зла В. И. Ленина. Этот искуснейший и талантливый политик и большой словоблуд, демон октябрьской смуты тщательно и продуманно скрывал свое истинное бесовское лицо. Под личиной торжества коммунистической идеи на всей земле он совращал всех людей на свете своим призрачным равенством и братством.

Рис. 4. Иван Антонович Кочубей. Один из активнейших участников гражданской войны на Кубани, талантливый комбриг

Глава 14

Главком Юго-Восточной революционной красной армии был назначен донской казак Алексей Иванович Автономов, который успешно руководил обороной Екатеринодара во время штурма города Добровольческой армией под командованием генерала Корнилова Л.Г..

Битва за Екатеринодар для Автономова А.И. стала первым крупным полевым сражением во время Гражданской войны на Кубани.

Кочубей И. А., как участник этого сражения, окрыленный успехом, недолго присматривался к приглянувшемуся ему в бою за Екатеринодар перебежчику Петру Корнеевичу Богацкову.

Кочубей И. А. тут же обратился к главкому Юго-Восточной революционной красной армии А.И. Автономову с ходатайством о назначении Петра Корнеевича Богацкова, как особо отличившегося защитника Екатеринодара в боях с белогвардейцами, своим заместителем и командиром одной из подчиненных ему доблестных казачьих сотен.

Автономов пожал плечами, пытливо посмотрел на ходатая и, недолго думая, сказал:

– Ну, раз ты так считаешь, значит, так тому и быть!

После этого Петр Корнеевич сразу почувствовал себя под крылом у Кочубея как рыба в воде.

Лиха беда, как говорится, начало. А дальше больше. И пошла-поехала с тех пор жизнь Петра Корнеевича наперекосяк, и потянулась она, богатая длинными горестями и короткими радостями.

После успешного разгрома белогвардейцев Иван Антонович Кочубей и Петр Корнеевич Богацков в торжественной обстановке вместе с приближенными казаками достойно отметили свою победу над врагом мировой революции.

После измены он оказался, как ломоть, отрезанный от краюхи хлеба, и понесла его революционная мутная вода по своим непредсказуемым и грязным колдобинам. После совершенного предательства молодой казак еще долго не мог осознать, что он нашел, а что потерял. Времени на это просто не было. Только после всего случившегося ему ничего не оставалось, как успокаивать себя и неуклюже обелять свой прескверный поступок предательства обыденными блеклыми словами:

– Што нашел ты, Петро, не радуйся, а што потерял – больше об етом не жалеи! – подбадривал он себя и, хорохорясь, добавлял: – А тама, как один слепой сказал, побачим. Назад у тебе усе равно пути теперича нетути.

После такого примитивного и убогого оправдания Петр Корнеевич с еще большим остервенением принялся махать своей острой шашкой налево и направо и сеять смерть без сожаления. Беспощадно и не раздумывая рубил он своих праведных и грешных бывших собратьев по христианской вере кубанских казаков только потому, что они теперь стали называться белыми, а для него с некоторых пор, естественно, заклятыми врагами.

В Первую мировую войну до ухода на западный фронт Петру Корнеевичу даже в голову не могло прийти такое, что он может изменить своему Российскому царю-самодержцу и предать свое отечество. Если бы в то время у кого-нибудь из казаков-сослуживцев повернулся язык высказать свое предположение об этом, он непременно избил бы его самым жестоким образом до неузнаваемости.

С апреля 1918 года Юго-Восточная революционная армия стала называться Войсками Кубанской Советской республики, а после образования Кубано-Черноморской Советской Республики они были переименованы в войска Кубано-Черноморской республики.

В это время главнокомандующий войсками Кубано-Черноморской республики Алексей Иванович Автономов начал вести ожесточенную борьбу с гражданской властью Кубано-Чер-

номорской республики, в которой, как он считал, наблюдалось чрезмерное засилие евреев. В этой грязной компании Автономов поддерживали войсковые командиры, в том числе кубанский казак, командующий на Ростовском участке фронта, ярый антисемит, уроженец станицы Петропавловской Иван Лукич Сорокин. Уже в мае 1918 года между командующим войсками Кубано-Черноморской республики Алексеем Ивановичем Автономовым, который не желал подчиняться контролю Чрезвычайного штаба обороны и ЦИК Кубано-Черноморской республики, произошел серьезный конфликт.

В связи с таким нездоровым положением во взаимоотношениях началась откровенная грызня между враждебно настроенными сторонами. Автономов вел себя вызывающе и во всеуслышание называл членов ЦИК Кубано-Черноморской республики не иначе как продажными жидами, немецкими шпионами и провокаторами. А те в свою очередь, не стесняясь в выражениях и не скупясь на грубые слова, величали Автонома и его фронтового друга Сорокина отъявленными бандитами и врагами советского народа.

К тому времени в ЦИК, в основном правили евреи, поэтому члены ЦИК не на шутку испугались оголтелых антисемитских настроений Автонома, и решили от него побыстрее избавиться. Вскоре, как и следовало ожидать, постановлением 3-го Чрезвычайного съезда Советов Кубано-Черноморской республики Алексей Иванович Автономов был отстранен от должности главнокомандующего войсками Кубано-Черноморской республики. А должность главнокомандующего ЦИК заменил так называемым чрезвычайным штабом обороны, в который, по его рекомендации, вошло семь угодных ЦИК штатских большевиков. Тогда Автономов был вынужден выехать в Тихорецкую и там перед командирами своей армии выступил открыто против ненавистного ему правительства.

В разгоревшейся распре приняла участие и армия. Ее посланцы на фронтовом съезде в Куцевке постановили, чтобы все войска Северного Кавказа были впредь подчинены главному Автономову. Фронтовой съезд в категорической форме потребовал от центральной власти, которая находилась в Екатеринодаре, чтобы она остановила вмешательство в военные армейские дела своих некомпетентных гражданских лиц, а также упразднила чрезвычайный бездарный штаб обороны, который был организован для управления войсками Кубано-Черноморской республики.

28 мая 1918 года Алексей Иванович Автономов путём закулисных интриг и грязных наветов был всё таки отстранен от должности. На его место Главкомом Красных войск Кубано-Черноморской республики был назначен бывший царский подполковник латыш Карл Иванович Калнин, а его армия была переименована в Красную армию Северного Кавказа. Эта армия своими действиями сковывала на Кубани белогвардейские войска Добровольческой армии под командованием генерала А.И. Деникина. Тем самым Красная армия Северного Кавказа оказывала неоценимую помощь войскам 10-й Красной армии под командованием Климента Ефремовича Ворошилова, которая до февраля 1919 года в составе Южного фронта отражала наступление Донской армии генерала Петра Николаевича Краснова на камышинском и царицынском направлениях.

Во второй половине 1918 года Гражданская война в России разгорелась так, что и конца ее не было видно. Тем временем белогвардейские силы сосредоточились вокруг двух центров: Добровольческой армии под командованием генерала Антона Ивановича Деникина, которую поддерживала Антанта, то есть военно-политический блок. Договор, заключенный между Россией, Англией и Францией и Донской бело казачьей армией, верной монархической России, под руководством донского атамана генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова, сформированной с помощью германских интервентов.

Особое значение для войск Северо-Кавказской Красной армии и белогвардейских войск приобрел Царицынский участок Южного фронта, так как там соединялись две железнодорожные магистрали, идущие от станций Лихая и Тихорецкая. В случае, если красные займут этот

участок, они разъединят силы донской и уральско-астраханской бело казачьей контрреволюции. Генерал Краснов П.Н. призывал генерала Деникина А.И. к тому, чтобы Донская и Добровольческая армии одновременно начали наступать на город Царицын. Однако генерал Деникин А.И. не решался поддержать идею генерала Краснова П.Н. ввиду того, что на флангах и в тылу Добровольческой армии находились и представляли угрозу части войск Северо-Кавказской Красной армии.

В итоге летом Донская бело казачья армия под командованием генерала Краснова П.Н. самостоятельно атаковала позиции красных войск, которые защищали город Царицын. В результате жестоких боев Донская бело казачья армия захватила железнодорожную станцию Торговая и тем самым перерезала стратегически важную железную дорогу Царицын – Тихорецкая.

Тем временем 22 июня 1918 года командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин затеял Второй Кубанский поход своей Добровольческой армии и надеялся на этот раз штурмом взять Екатеринодар.

Почти четыре месяца – с начала горячего июня по холодный ноябрь 1918 года – с величайшим упорством продолжался с Дона на Кубань Второй Кубанский поход белогвардейской Добровольческой армии под командованием генерал-лейтенанта от инфантерии Антона Ивановича Деникина, который ставил своей главной целью добиться полного освобождения от большевиков Кубанской области и всего Северного Кавказа.

В то время все силы Красной армии Северного Кавказа насчитывали около 200 тысяч человек, а больше половины из них были разделены на Кубани на три армии.

Одна из них – Северная группировка войск Красной армии Северного Кавказа под непосредственным командованием латыша Карла Ивановича Калнина численностью 30 тысяч бойцов.

Другая – Западная группировка войск Красной армии Северного Кавказа под непосредственным командованием Ивана Лукича Сорокина численностью 30 тысяч бойцов.

Третья – Таманская группировка войск Красной армии Северного Кавказа численностью 40 тысяч бойцов под командованием бывшего моряка Черноморского флота Ивана Ивановича Матвеева.

В середине лета 1918 года в жесточайших кровопролитных боях между белыми и красными решалась судьба Советской власти на Северном Кавказе. В это время войска Кубано-Черноморской республики вели ожесточенные оборонительные боевые действия в районе кубанских станиц Кореновской, Брюховецкой и Тимашевской. В свою очередь они также изо всех сил старались удержать стратегически важную узловую железнодорожную станцию Тихорецкую.

По замыслу опытного в военных делах генерала А.И. Деникина, его первостепенной задачей был захват этих намеченных пунктов. Он прекрасно понимал, что только тогда главные силы войск Кубано-Черноморской республики будут полностью отрезаны от Царицына, и путь для наступления на Екатеринодар для Добровольческой армии будет открыт.

В восточной части Северного Кавказа уже твердо закрепились и хозяйничали белогвардейские воинские подразделения Деникинской Добровольческой армии и партизанские отряды полковника А.Г. Шкуро, которому генерал Деникин приказал срочно прибыть к городу Тихорецку.

Через три дня Шкуро уже был на исходных предписанных ему позициях.

Перед штурмом железнодорожной станции Тихорецкая коренастый строевой офицер русской Добровольческой армии генерал-лейтенант от инфантерии Антон Иванович Деникин твердым шагом прошелся перед строем своих подчиненных и пытливым взглядом осмотрел присутствующих единомышленников. Потом он остановился, расправил грудь и с комом в горле и болью в сердце сказал:

– Уважаемые господа офицеры, казаки, юнкера, солдаты и все те, кому с нами по пути, кому дорога наша многострадальная великомученица Россия, действуйте в предстоящем бою так, как подскажут вам ваши пламенные сердца. С такими истинно русскими орлами победа будет, несомненно, за нами, потому что с нами Бог!

Прежде всего, многоопытный генерал А.И. Деникин, находясь со своей группировкой войск на подступах к железнодорожной станции Тихорецкая, сделал хитрый маневр и направил в обход Северной группировки красных воинских частей под командованием К.И. Калнина, которые обороняли железнодорожную станцию Тихорецкую, в их глубокий тыл свой ударный Корниловский полк.

А уже рано утром 14 июня 1918 года основные Деникинские силы пошли на штурм сильно укрепленных позиций красных, которые почти десять дней удерживали город Тихорецк и прикрывали стратегически важную железнодорожную станцию Тихорецкую. Произошло жестокое сражение.

В Добровольческой армии в то время насчитывалось всего 9 тысяч казаков, солдат и офицеров, которые 23 июня 1918 года перешли в наступление.

Северная группировка войск Красной армии Северного Кавказа под командованием К.И. Калнина численностью 30 тысяч бойцов не выдержала ошеломляющего натиска белогвардейцев и отошла на вторую линию обороны. После такого жестокого боя командиры красных ослабились и были уверены, что в этот день деникинцы больше в атаку не пойдут, но ошиблись. Корниловский полк благополучно зашел им в тыл и без боя занял железнодорожную станцию Тихорецкую. Главком К.И. Калнин едва ноги унес. А его начальник штаба Зверев, бывший полковник царской армии, боясь расправы, покончил жизнь самоубийством в купе своего штабного вагона, но сначала застрелил свою жену, чтобы она не досталась на растерзание озверевшим белым.

Таким образом, Северная группировка войск Красной армии Северного Кавказа численностью 30 тысяч бойцов, которая находилась на Тихорецком боевом участке, оказалась обезглавленной, зажатой в тиски, и белогвардейцы принялись ее громить с двух сторон. К вечеру бой перешел в кровавое побоище. Поле боя оказалось завалено трупами. Только семь эшелонов большевиков прорвались на Екатеринодар.

Добровольческой армии достались невиданные доселе трофеи: три бронепоезда, 50 орудий, броневики, аэроплан, вагоны винтовок, пулеметов, боеприпасов и другого имущества.

После захвата железнодорожной станции Тихорецкой генерал А.И. Деникин 3 июля 1918 года на фронте протяженностью 140 километров двинул свои войска по трем расходящимся направлениям. Его боевые отряды численностью около десяти тысяч человек были направлены на правый фланг, чтобы захватить станцию Куцевка и разбить там самую опасную Западную группировку войск Красной армии Северного Кавказа под командованием И.Л. Сорокина численностью 30 тысяч бойцов.

Иван Лукич Сорокин, командующий войсками Западной группировки Красной армии Северного Кавказа на Ростовском участке фронта, после кровопролитных боев за железнодорожную станцию Куцевку понял, что здесь деникинцы приготовили ему ловушку, поэтому постарался вовремя выйти из угрожающего белогвардейского окружения. Однако отдельные части побросали свои обозы и военные склады и, спасаясь от неминуемой смерти, панически бежали кто куда. Тогда И.Л. Сорокину путем многочисленных расстрелов удалось не только вывести оставшуюся часть войск из окружения, приостановить их позорное бегство, но и сосредоточить ее для удара на правом фланге противника и даже зайти в тыл тем белогвардейским добровольческим частям, которые уже двигались в сторону Екатеринодара. Эта затея Сорокину не удалась и принесла еще больше потерь в его войсках.

На левый фланг для захвата железнодорожной станции Кавказская была брошена дивизия генерала Александра Александровича Боровского численностью около четырех тысяч человек.

А прямо на Екатеринодар пошла дивизия численностью три тысячи человек под командованием полковника Михаила Гордеевича Дроздовского. В это время в его дивизии из восьми конных полков шесть составляли кубанцы.

Таманская группировка войск Красной армии Северного Кавказа под непосредственным командованием И.И. Матвеева численностью 40 тысяч бойцов, таким образом, оказалась отрезана от Екатеринодара, поэтому участие в его защите принять не смогла.

7 августа 1918 года недалеко от станции Выселки произошла решающая битва. Красные зашли в тыл частям М.Г. Дроздовского.

Взрыв взаимной ненависти смел все рамки человечности. С той и другой стороны беспощадно вырезались целые отряды, обозы, населенные пункты. Резали врагов, невзирая на пол и возраст. Тем более что на Кубани в большинстве своем царило безвластие, так что каждый отряд, каждая станица, каждый командир то ли белый, то ли красный были сами себе начальниками.

В этой схватке казалось, что еще одно усилие – и белогвардейцы будут уничтожены. В 14 часов воодушевленная близкой победой Западная армия под командованием И.Л. Сорокина обрушилась по всему фронту на белогвардейских добровольцев. Но дроздовцы встали насмерть. Они ответили контратакой и в отчаянной штыковой схватке успешно перебили первую волну наступающих красных. Их следующие цепи смешались, дрогнули. И в это время по ним с разных сторон ударили Деникинские воинские части. С севера подошел корниловский полк и полк кавалерии, с юга конница Эрдели с бронепоездами. Западная армия И.Л. Сорокина очутилась в ловушке и заматалась. Ее беспорядочные обезумевшие толпы, как стадо баранов, преследуемое разъяренными голодными волками, в панике побежали в сторону Екатеринодара. Их преследовали и без особого труда добивали казаки из конницы генерала Эрдели. К вечеру Западная армия красных под командованием И.Л. Сорокина перестала существовать.

Кавнарский кавалерийский полк генерал Деникин кинул на подмогу дивизии под командованием полковника Михаила Гордеевича Дроздовского, которая, истекая кровью, изрядно поредела, но продолжала мужественно сражаться на подступах к Екатеринодару.

Командиры советских войск Иван Лукич Сорокин и Епифан Ивович Ковтюх, которые плохо организовали оборону Екатеринодара, но попытались на подступах к городу взять наступающие белогвардейские части в клещи. Для войск генерала Деникина, в свою очередь, сложилось чрезвычайно тяжелое положение. Жестокие, кровопролитные бои длились 10 дней.

Белогвардейцы, чувствуя свою обреченность, из последних сил сражались на этом участке фронта и были на грани поражения. Но в Деникинской армии был порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в своей силе и надежда на будущее любимой России. Белая армия, закаленная, спаянная железной дисциплиной, пройдя жестокие испытания, все же сломала сопротивление красных, оборонявших город, и стала развивать успешное наступление на Екатеринодар.

Достойную оборону Екатеринодара красным в дальнейшем организовать так и не удалось, потому что они были плохо вооружены и слабо организованы. Их части выходили на позиции, но при виде белогвардейцев обращались в бегство. Победа белой гвардии над войсками Красной армии Северного Кавказа под Тихорецкой и в боях за железнодорожную станцию Кушевку принесла белогвардейцам не только моральный и материальный, но и серьезный стратегический выигрыш. Ценой больших потерь белогвардейцы добились своего. В результате блестяще проведенных ими боевых операций на всех фронтах Северного Кавказа сложилась такая обстановка, что все группировки Красной армии Северного Кавказа на Кубани –

Западная, Таманская, Екатеринодарская, Армавирская – оказались отрезанными друг от друга и потеряли связь между собой.

Группировка Красной армии Северного Кавказа численностью около ста тысяч бойцов, которая находилась в Екатеринодаре, ударила по наступавшей на город дивизии под командованием полковника Михаила Гордеевича Дроздовского численностью три тысячи человек и по Кавнарскому кавалерийскому полку. У добровольцев были лишь двадцать одно орудие и два броневика. В распоряжении красных имелось свыше сотни орудий, большое количество пулеметов, артиллерийских снарядов, ружейных патронов. Но советские войска были плохо организованы, а их командный состав вел жестокую борьбу с гражданской властью и между собой.

В начале августа 1918 года передовые части Добровольческой армии, которые участвовали в штурме города, с боем ворвались в Екатеринодар.

В городе началась несусветная паника. Из Екатеринодара, спасаясь бегством, стали уходить десятки тысяч красноармейцев, коммунистов и беженцев. Создалось впечатление, что части Красной армии Северного Кавказа окончательно и бесповоротно деморализованы.

В тот же день в Пятигорске на заседании ВЦИК К.И. Калнин, главнокомандующий войсками всей Красной армии Северного Кавказа, был снят с должности, и вместо него утвержден Иван Лукич Сорокин, на которого возлагались большие надежды.

Разве мог Пётр Корнеевич Богацков, молодой кубанский, безграмотный казак, в такой кровавой мясорубке и сушей неразберихе, осознать куда занесла его не чистая революционная сила!

Глава 15

По станице Кавнарской прополз интригующий слухок, что ровно через три дня, в ближайшую субботу, намечается экстренный казачий сход. Такое событие для станицы Кавнарской, которая находилась в глуши, на отшибе Черноморской губернии, считалось мероприятием из ряда вон выходящим, поэтому не на шутку перебудоражило станичных казаков.

На этом сходе казакам необходимо было обсудить и принять ответственное решение относительно обращения ко всему кубанскому казачеству доблестного белогвардейского генерала Антона Ивановича Деникина, который в то время командовал возродившейся на Дону Добровольческой армией.

Все три дня сход, по мнению многих станичников, находился на срыва. А все потому, что зачастившие непонятные дожди вот уже не желали отступить и лили на кубанскую землю, когда им заблагорассудится. Естественно, капризная слякотная погода никак не могла устояться и мешала проведению этого весьма ответственного мероприятия в то время, когда судьба России находилась в шаге от катастрофы.

Уже со среды многие станичные казаки, памятуя о предстоящем субботнем сходе, часто и с тревогой посматривали на небо.

Еще с вечера под чистый четверг его купол над станицей Кавнарской опять засинел, а потом и почернел. Узкую полоску неба на западе усердно зализывали языки красновато-желтых всполохов. Время от времени небо, расписанное зигзагообразными росчерками молний, казалось зловещим и на ближайшую субботу не предвещало ничего хорошего.

В полночь, как и предполагали умудренные жизнью станичные казаки-хлеборобы, небо опять как на грех прохудилось, словно дырявое корыто. На заре начался обложной дождь, усилился и два дня подряд до самой субботы лил на грешную землю, как из ведра. Вдоволь напившись, она уже не могла и не желала принимать дождевую воду. Таких ливней никто из станичных старожилков не мог припомнить, потому что их и не было. Каждый казак сокрушался по этому поводу и не без опасения думал, что ни о каком станичном сходе пока и речи быть не могло.

Однако в субботу под утро, когда небо на востоке стало светлеть, с каждым часом над станицей Кавнарской начало обнадеживающе проясняться.

Тяжелые, забрюхатевшие облака с темно-синими прожилками, словно на последнем сроке беременности, налитые сочной аспидно-синей краской и не успевшие как следует опорожниться за ночь, начали кучковаться на беспокойном юго-западе. Потом они, как стадо перепуганных бестолковых баранов, стали ошалело громоздиться друг на друга и с ленивой медлительностью продвигаться на запад.

Вскоре вся пугающая масса туч, подгоняемая верховым ветром, как умелым пастухом, и сопровождаемая ворчливыми раскатами грома, послушно устремились в сторону столицы Кубанского казачества Екатеринодара.

Утром, когда к удивлению станичников небо почти совсем прояснилось и очистилось от пугающих туч благодаря Господу Богу, дождем уже и не пахло. Только на корявых ветках шершавых акаций, давненько высаженных вдоль станичных немощеных тротуаров, задержались холодные капли дождя. Время от времени их срывал налетевший шальной ветер. Тогда они падали вниз и на поверхности уцелевших луж пускали рваные пузыри. Афоне Вьюнову, который спешил на сход, несколько холодных дождевых капель угадило за воротник. Они расплзлись по спине и застряли между худыми лопатками, поэтому заставили его вздрогнуть и съежиться. Афоня долго крутил своей тощенькой шеей и остервенело матюгался от ощущения неприятного холода.

В это тревожное и ответственное для всех станичных казаков субботнее утро, Афоню Вьюнова так же, как и всех станичников, одолевали насущные заботы. Еще вечера вечером с ним приключилась беда. Он всю ночь напролет, бедолага, промучился расстройством живота и не слезил с помойного ведра, которое установил посреди комнаты. А теперь вот с самого раннего утра понос угрожал ему на каждом шагу и не давал покоя. К тому же душа у Афони горела, и мучил сушняк после вчерашнего перепоя у Кривохижи. Тогда он пожадничал и выпил явно лишний стакан горелой водки самогонки. А утром ему, как всегда, хотелось во что бы то ни стало похмелиться и успеть на сход.

В тот самый день Кривохижа расщедрился и подарил ему старенькую казачью форму. Она уже несколько лет лежала у него в сундуке, пересыпанная табачной махоркой, чтобы ее не побила моль. В свое время ее носил его сын Семен, но так и не смог тогда до конца сносить, потому что быстро вырос. После четырнадцати лет он так возмужал, что она стала ему мала. Афоня быстренько примерил эту желанную казачью форму, которая оказалась немного ему великовата, но он от радости решил, что сойдет и так. Потом быстро сунул ее в свою холщевую довольно вместительную сумку, с которой никогда не расставался, и хотел уже уходить. Но когда Кривохижа остановил его на пороге, выставил на стол бутылку самогона и предложил обмыть подарок, Афоня решил, что от такого предложения ему просто грех отказаться и от жадности опорожнил стакан три. Вскоре почувствовал, что самогонка сильно шибанула в голову, и начал тяжелеть, но искренне поблагодарил своего благодетеля и, боясь, как бы по дороге его совсем не развезло, помчался напрямик домой. Своей жене Нюрке пока решил о подарке ничего не говорить. Почти всю ночь Афоня не слезил с помойного ведра – мучил жесточайший понос, и только к утру сон взял свое, сморил его, и он заснул.

А когда рано утром Нюрка утряслась из хаты на улицу, Афоня подскочил со своего топчана, напялил подаренную Кривохижей казачью форму и с помятым лицом и закисшими глазами направился напрямик на сход. По дороге живот опять начал давать о себе знать.

Недалеко от Кривохижиных зерновых амбаров Афоня начал предчувствовать плачевный результат своей затеи насчет того, чтобы попасть на сход. Тогда он начал ломать голову над тем, как пресечь очередные безобразные позывы в животе, которые продолжали мучить его с ночи и могли закончиться на сходе позором.

Теперь он прекрасно понимал, что ему не удастся добраться до схода и заявиться там в таком, как сейчас, аховском состоянии. От Кривохижиного магазина, куда он устремился, до церковной площади, где намечался станичный сход, ему оставалось пройти всего ничего, но туда ему теперь, как он понял, никак не добраться ввиду расстройства живота.

В Кривохижином магазине Афоня намеревался купить шкалик водочки, смешать ее с горстью соли и залпом выпить эту спасительную смесь.

Он решил, что только тогда успокоится его ретивый живот, и стал рыться в кармане, чтобы посчитать свои крохи денег, но их оказалось маловато. В отчаянии он сначала пораскинул своим умишком над тем, чтобы позычить их в долг у кого-нибудь из проходивших мимо казаков. Ну, хотя бы под предлогом неотложных семейных нужд. Кстати, у него уже давненько такой нереальной мыслишки не было в голове, поэтому он сразу же отбросил ее в сторону и решил пока никому не заикаться об этом. Он понимал, что без отдачи никто из здравомыслящих станичных казаков ему давать деньги в долг не рискнет. А то, что поднимут его казаки как попрошайку на смех, в этом у Афони не было никакого сомнения. И все-таки он решил рискнуть, другого выхода не было. В конце концов с большим трудом умудрился каким-то образом выпросить недостающие денежки у проходившего мимо сердобольного казака и поспешил к магазину.

Два молодых казака Харитон Костомаров и Семен Кривохижа, любимый сынок Степана Андреевича Кривохижи, облокотившись на перила, стояли на крыльце магазина. Семен, как заметил Афоня, был явно не в духе, и чувствовалось, что в подавленном настроении. На днях

по станице прошел тревожный слухок о поголовной мобилизации на фронт всех достигших совершеннолетия. Это касалось и Семена Кривохижи. Однако расставаться с родным домом ему не хотелось.

Недавно он прочитал в Екатеринодарской газете, что на фронте у белых, куда его собирались отправить, сложилось ужасное положение, и с каждым днем оно становилось все хуже. Такая незавидная участь – очутиться там, на фронте, – ничего хорошего Семену не сулила. Его дружок, бесшабашный Харитон Костомаров, был куда спокойнее и рассудительнее на этот счет. Добродушный и немного флегматичный, он считал, что погулял и почудил в станице сполна, а дальше будь, что будет. Семен же рассуждал по-своему. Он прекрасно понимал, что теперь ему от мобилизации даже при помощи своего влиятельного и денежного батюшки никак не отбрыкаться. Вот поэтому он и поднялся со своей теплой пуховой перины в такую рань. По пути к отцовскому магазину он прихватил с собой закадычного дружка Харитона Костомарова, чтобы вместе с горя как следует выпить перед сходом. Теперь неунывающий Харитон то и дело лениво зевал, стоя у перил крыльца рядом со своим дружком. Он знал, что его тоже не минует участь быть мобилизованным на фронт, но перенес это известие без видимого волнения и паники. Во время утренней встречи с Семеном этот шутник постарался успокоить своего дружка и сказал ему, что чему быть, того не миновать.

Семен, совсем повесивший нос, тяжело вздохнул и убитым голосом ответил:

– Так-то оно так, Харитоша, но со своо родного дома уходить, преставь, дружища, что никак не хотца.

Теперь они оба то и дело сладко зевали и маялись от безделья. Харитон, как только приметил Афоню, который метался возле амбара, сразу хмыкнул и указал на него пальцем Семену. Семен понял, в чем дело, криво усмехнулся и строгим голосом заметил:

– Афоня у нас у станице – ето настоящий пролетерьят!

При этом он первым и не без основания прилепил Афоне такую кличку. Дело в том, что несколько дней назад Афоня, будучи навеселе, проходил мимо станичной церкви и случайно встретил священнослужителя отца Прокон, который остановил его, поздоровался и спросил:

– Надеюсь, что ты, раб божий, христианин по вероисповедованию?

Афоня молча и быстро достал из-за пазухи алюминиевый крестик, который висел у него на шее на суровой конопляной нитке и тут же показал его священнику, а потом с особым чувством гордости сказал:

– Отец Прокон, ей-богу, я истинный христианин! – и для подтверждения сказанного даже трижды перекрестился.

Удивленный отец Прокон пристально посмотрел ему в глаза и сразу догадался, что мирянин под хмельком. Он не стал упрекать в этом Афоню и живо поинтересовался:

– А почему же я тебя, раб божий, ни разу не видел в нашей станичной церкви?

Афоня замаялся и не сразу нашелся, что ответить, но вскоре оправился от растерянности, воспрянул духом и выпалил:

– Я усе понимаю, отец Прокон, но какся мне было некода зайтить у вашу церкву! Нужда проклятая совсем заела!

Священнослужитель, не удовлетворенный таким ответом, покачал головой и заторопился в свой храм, где его ждали прихожане. Тогда Афоня забежал перед ним и поспешил спросить:

– Скажитя, отец Прокон, ради бога, почиму на усем белом свете творится такая несправедливая безобразия? Почиму Ваш Господь Бог, к придмеру, пожаловал нашим станичным казакам усякия наделы землицы, а нашому пришлому брату, таким вот, как я, голыдьбе, ничиво так и не дал? Акромья бедности!

Немного озадаченный священнослужитель, не желая попрекать Афоню беспробудной пьянкой, обошел его сбоку и на ходу ответил:

– Для того чтобы стать богатым, раб божий, нужно очень много трудиться и, конечно же, не забывать ходить в церковь и просить Господа Бога, чтобы он снизошел и выслушал твои просьбы.

Афоня, сперва приотстал, а потом, как бес-искуситель опять забежал впереди священника и уже нагловатым тоном предупредил:

– Как говоритца, што Бог, то бог, дык и сам не будь плох. Вот погодитя трохи, отец Прокон, уже совсем скоро придет новая советская власть, так поговаривають усе вумнаи люди. Эта власть поделить усю казачию землю, штоба усем было поровну и без обиды. Вот тады усе будут довольнаи – и богатаи и беднаи! – При этом Афоня абсолютно не думал, а кто же будет в таком случае обихаживать причитающийся ему земельный участок.

Отец Прокон ужаснулся, когда услышал подобную угрозу, с неудовольствием посмотрел на Афоню и рукой отстранил его со своего пути.

– Типун тебе на язык! Изыди, нечистая сила! – сдерживая гнев, сказал он. Потом поправил на груди массивный крест и зашагал к своему храму. Вскоре этот разговор отца Прокона с Афоней начал гулять по станице. Многим станичным казакам стало ясно, что с виду неказистый и, казалось бы, безвредный пьяница Афоня заявлял о своей пролетарской претензии насчет того, чтобы поделить все земли, которые с давних времен находились у казаков в частной собственности. С тех пор и прилипла Семенова кличка к Афоне, что Афоня истинный пролетариат, и уже никуда ему нельзя было от этого деться. Когда Семен вкратце передал несведущему Харитону неприятный разговор Афони с отцом Проконом, тот сразу ужаснулся и с не присущим ему возмущением и отвращением сказал:

– Ничиво сибе, пригрели наши станишнаи казаки змею подколодную у сибе под боком! Особливо твой батюшка, Степан Андреевич, радеить за етова богом обиженного христианина. Чем он яму приглянулси, не знаю. Чуить, Семен, мая душа, што Афонин отпрыск Петруха – ето не иначе што Змей Горыныч, который, говорят, гдей-ся у красных ошиваитца, вскоре появитца у станице и вывернить нам, казакам, сваю волчию шубу наизнанку! Вот посмотришь!

Такой взрыв негодования был совсем не похож на флегматичного Харитона.

– Поживем – увидим! – более сдержанно сказал озадаченный Семен.

Харитон повернулся лицом к стоявшему рядом, у деревянных перил, озадаченному сверстнику. А когда поймал Семенов рассеянный взгляд, кивнул в сторону Афони, который в это время расселся у амбара его отца, заготовил и высказал свое предположение:

– Видать, Сема, у нашего Афони-пролетарьята откуда-то деньжонки появились, поэтому он в такую рань и ломанулся к магазину твоего батюшки. Ишь ты, как чимчикует, ажник спотыкается. Видать, для храбрости решил откушать водочки перед станичным сходом!

Семен сначала улыбнулся, потом, глядя на озабоченного Афоню, скривился, нахмурился и ответил:

– Должно быть, гдейся разжился деньжатами, прохвост, не иначе.

Осмелевший Афоня, не глухой же, приободрился, взглянул сперва на Семена, потом на Харитона и бойко, скороговоркой, писклявым, гундосым, задиристым голосочком заметил:

– Кто рано встает, господа казаки, тому и бог дает!

Семену пришлось согласиться.

– Ты прав, Афоня! – сказал он вполне серьезным голосом.

Афоня выпятил колесом грудь, которая была чуть больше, чем у большого петуха колено. Но торжествовал он недолго и тут же на глазах у молодых казаков схватился за расстроенный живот и заметался возле амбара, как кот в поисках золы, чтобы справить нужду, которая застала его врасплох. Похоже было, что с животом, который мучил Афоню всю ночь, у него теперь снова приключилось что-то неладное. До магазина он немного не дотянул. Тогда Афоня вынужденно остановился возле одного из зерновых амбаров, который располагался рядом с магазином.

Кое-как впопыхах развязал он неподатливый очкур штанов и присел на корточки, чтобы справить нужду, которая его прихватила. Как только Харитон опять глянул в сторону Афони, сразу же начал гоготать и издеваться над ним. Афоня ничего не мог поделать, поэтому, застигнутый врасплох, продолжал сидеть и тужиться у них на виду. Харитон, закоренелый пересмешник, казалось, и действительно посочувствовал Афониной беде.

– Бог тебе, страдалец, в помочь, – сказал он, стараясь сохранить на лице серьезность, а также искренность своего сочувствия, но не удержался и заржал, как племенной жеребец.

В данном плачевном случае Афоне было не до шуток и не до смеха. В мучительной растерянности он попытался спрятаться от глаз зубоскаливших молодых казаков за углом амбара. Однако не успел добежать туда и в двух шагах от старого места опять вынужденно присел на корточки. Иначе мог обгадить свои казачьи штаны.

Семен, глядя на него, тоже присел, но только от возмущения, смешанного с крайним негодованием, а потом встал, присвистнул и, все больше раздражаясь, крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.